

УДК 81-139; 811.161; 070.19
ББК 80

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «СВОБОДА» В ДИСКУРСЕ «ТОЛСТЫХ» ЖУРНАЛОВ (на примере текстов «Наш современник» за 2016 год)

В. В. Антропова, А. В. Грошева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 16-18-02032

В статье осуществляется анализ смысловой структуры концепта «свобода» в дискурсе так называемых «толстых» журналов как образце элитарных печатных СМИ России. Полагаясь на методологические достижения лингвокультурной концептологии, авторы приходят к выводу о значительном расхождении узуальных и дискурсивных ценностных смыслов, обнаруженных в текстах журнала «Наш современник». Дискурсивные признаки демонстрируют влияние традиционализации, национализации, радикализации как ментальных установок выбранного периодического издания.

Ключевые слова: *«толстые» журналы, «Наш современник», лингвокультурный концепт, ментальность, ядерная зона, периферийная зона, ценностные смыслы.*

За «толстыми» журналами в отечественной филологической науке закрепился особый статус, поскольку двусоставность структуры (литературно-художественный и общественно-политический контент) делает их акторами литературного и журналистского процессов одновременно, долгая история превращает «толстые» журналы в уникальный социокультурный феномен, а их тексты — в ментальные единицы культурно-специфического порядка, которые сегодня транслируют духовные ценности в их аутентичном состоянии.

Текстоцентризм современной гуманитаристики в целом и лингвистики в частности (Е. А. Попова и др.) придает тексту онтологический статус, отчетливо обнаруживая семантико-смысловой «крен» в его интерпретации, а антропоцентризм (Н. Д. Арутюнова, С. Г. Воркачев, Е. С. Кубрякова, Е. А. Попова, Ю. С. Степанов) представляет автора и читателя как главных продуцентов и репродуцентов культурных смыслов в рамках единого текстового пространства. Следуя этим тенденциям, предлагаем рассмотреть тексты «толстых» журналов с позиций лингвоконцептологии, главным методологическим инструментом которой признается концепт — многомерное ментальное образование, «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек <...> сам входит в культуру» [17. С. 43].

Несмотря на неизменный интерес исследователей и активную употребительность, термин «концепт» в современной науке не получил однозначного толкования, очевидно, в силу того, что в отечественной лингвоконцептологии сложилось два его понимания: лингвокультурологическое и лингвокогнитивное. В разное время определения этому понятию давали Ю. С. Степанов, А. П. Бабушкин, Н. Ф. Алефиренко, В. И. Карасик, С. Г. Воркачев, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Г. В. Токарев, С. А. Кошарная, Л. Б. Савенкова и многие другие. В. И. Карасик отмечает привативную оппозицию между когнитивными и культурными концептами: «Лишь малая часть когнитивных концептов может получить статус культурных. При этом мы говорим как о национально-культурных (этнокультурных), так и о социокультурных концептах» [7. С. 17]. В данной статье условимся понимать эту языковую суть как «единицу лингвоменталитета, фокусирующую в себе особенности этнического мировосприятия и поведенческих установок» [4. С. 177]. «Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [17. С. 43].

К основным признакам концепта относят следующие:

- 1) ментальную природу;
- 2) аксиологичность;

3) неоднородность содержания, проявляющуюся в синтезе конкретного и абстрактного, рационального и эмоционального;

4) условность и размытость в силу синкретичности сознания;

5) изменчивость;

6) переживаемость;

7) трехкомпонентную структуру (понятийный компонент, значимостный и образный компоненты) [8. С. 8].

Исходным положением лингвоконцептологии является тезис о том, что любой концепт может быть структурирован. Нежестко детерминированную структуру концепта отражает смысловая иерархия, репрезентируемая моделью семантического поля. Такой подход в своих исследованиях применяли Н. Ф. Алефиренко, С. Г. Воркачев, З. Д. Попова, И. А. Стернин, С. Я. Гехтляр, И. В. Хорошунова, О. Н. Заикина, М. И. Лазариди, Е. В. Брысина, И. В. Быдина, С. Г. Шулежкова и многие другие. Ядру (центру) поля соответствует инвариантное, «объективное», закрепленное в толковых словарях содержание ключевой лексемы, именующей концепт, периферии — «субъективное» содержание, связанное с «объективным» ассоциативно, контекстуально или посредством интегральных узуальных сем. Таким образом, полевая организация концепта путем распределения концептуальных признаков по ядерной и периферийной зонам наглядно ранжирует ценностные смыслы в порядке их важности и актуальности.

Основываясь на методике лингвоконцептологического анализа, представим структуру концепта «свобода» как ядерно-периферийное пространство сначала в семантике языка, затем — текстов журнала «Наш современник». Подобный двухэтапный подход обусловлен необходимостью сначала реконструировать фрагмент «нормативной» картины мира на базе словарей, затем — представить концепт в его дискурсивной реализации с целью дальнейшего сравнения узуальных и дискурсивных ценностных смыслов.

Российский общественно-политический и литературный ежемесячный журнал «Наш современник» стоит особняком среди других «толстых» изданий: его предшественником был альманах «Год...», первоначально являвшийся печатным органом Союза писателей СССР, затем — Союза писателей РСФСР; под своим оригинальным названием журнал стал выходить позже остальных — с 1956 г. В свое вре-

мя в нем печатались представители «деревенской прозы»: Ф. А. Абрамов, В. П. Астафьев, В. И. Белов, В. Г. Распутин, В. М. Шукшин, В. А. Солоухин и многие другие. Позже центральное место в «Нашем современнике» стала занимать публицистика (С. Г. Кара-Мурза, В. В. Кожин, М. П. Лобанов, И. Р. Шафаревич, К. Г. Мяло). После того как президентом страны стал Б. Н. Ельцин, редакция не стала скрывать оппозиционного настроения по отношению к его политическому курсу. По мнению издания, прозападный вектор политики Б. Н. Ельцина вел к разрушению русского самосознания и фактически означал «гибель России и русского народа» («Наш современник». О журнале). Сегодня издание называет себя «трибуной виднейших политиков патриотического направления» («Наш современник». О журнале). Концепт «свобода» как один из структуриантов гиперконцепта «духовность» является центральным, контентообразующим в дискурсе данного журнала.

Узуальная модель концепта «свобода»

Итак, понятийный компонент любого концепта отражается в признаковой и дефиниционной структуре слова, давшего имя концепту, его обычно реконструируют на базе толковых словарей. Сравнительный анализ словарных определений показал, что семы «отсутствие стеснений, неволи, рабства, подчинения, ограничений», «возможность проявления своей воли» будут общими для многих толковых словарей: В. И. Даля [6], словаря под редакцией Д. Н. Ушакова [21], толкового словаря С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [11], словаря под редакцией С. А. Кузнецова [16]. Примечательно, что во всех словарях, вышедших уже в 30-е гг. XX в. и позже, облигаторной семой будет являться «отсутствие стеснения в политико-идеологической системе». Перечисленные смыслы займут ядерную зону концептуального поля.

В число значимостных характеристик концепта, образующих периферийную зону, по мнению С. Г. Воркачева, входят этимологические, ассоциативные характеристики имени концепта, соотношение частеречных реализаций его имени, его словообразовательная продуктивность [2]. Данные этимологических, ассоциативных, словообразовательных словарей выявили высокий значимостный потенциал имени концепта.

Этимологические словари М. Фасмера [23], Г. А. Крылова [10], А. Г. Преображенского [13],

Н. М. Шанского [24] по большому счету едины во мнении, что лексема «свобода» восходит к старославянскому *свобѣство, собѣство, особенность*. Таким образом, «свобода» буквально — «свое, собственное, отдельное от других положение», «обособленность», «особенность», «индивидуальное». Историко-этимологический словарь П. Я. Черных древнерусское и старославянское *свобѣство* переводит как «свойство» и «существо», «общность», «личность», «лицо» [22]. Возникающие исторические смыслы «личность», «свое, собственное, индивидуальное» и в то же время «общность» придают исследуемому концепту, во-первых, антропоцентрический статус, а во-вторых, подчеркивают в его антропоцентричности одновременно и персональное, и социальное бытование концепта.

Согласно словообразовательному словарю А. Н. Тихонова, лексема «свобода» образует словообразовательное гнездо из 13 слов, при этом все они, за исключением одного примера, представлены глаголами или отглагольными субстантивами: *освободить, освобождение, высвободить, высвобождение* и так далее [19]. Можно констатировать процессуальную природу данного концепта в русском языковом сознании, при этом процессуальность имеет явно выраженный антинаправленный характер, поскольку подразумевает «борьбу с неволей».

Русский ассоциативный словарь показал наиболее частотные реакции на стимул «свобода»: «слова» (16), «действий» (7), «полная», «равенство» (5), «воля» (4), «счастье» (3) и так далее. Примеры выявляют общественно-политическое бытование концепта «свобода» [15].

Наконец, образный компонент структуры концепта, образующий тоже зону периферии, фиксируют когнитивные метафоры, поддерживающие его в языковом сознании. Наиболее полную картину об образной составляющей концепта «свобода» дает словарь эпитетов: «Абсолютная, безбрежная, безграничная, безусловная, бесконтрольная, благоденственная (устар.), бродяжническая, благотворная, вечная, временная, неприкосновенная, нерушимая, нравственная, общественная, политическая, социалистическая, творческая, физическая, экономическая» и так далее [5]. Видно, что в основе таких номинаций лежат пространственные, временные, социальные метафоры.

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод о том, что ядро концепта «свобода» актуа-

лизирует политико-идеологический контекст его интерпретации, периферийная зона наделяет его процессуально-динамической природой: «свобода» мыслится, прежде всего, через действия волевой личности, порой — через антинаправленные. Метафорически свобода репрезентируется через время, пространство, нравственность как важные категории человеческого бытия.

Дискурсивная модель концепта «свобода»

Дискурсивную реализацию концепта мы рассматривали на основе всего массива текстов журнала «Наш современник» за 2016 г. (были проанализированы тексты из рубрики «Очерк и публицистика» и некоторых других журналистских рубрик, и исключались рубрики «Поэзия», «Проза», поскольку они представляют собой художественные тексты). Всего нам встретился 41 контекст, в котором объективировался концепт через лексемы с корнем «свобод» — это материалы разной тематической направленности, касающиеся истории, политики, культуры.

подавляющее большинство материалов, вербализующих исследуемое концептуально поле, посвящено истории и политике. Назовем два ядерных смысла концепта «свобода»:

– «исторически и общественно осознанный императив политического устройства государства»: *«Еще допрашивая декабристов, он (Николай I) не без успеха убеждал их в своих намерениях стать царем-освободителем: “Зачем вам революция? Я сам вам революция: я сам сделаю все, чего вы стремитесь достигнуть революцией”»* (№ 6. А. Разумихин «Прощен и милостью окован»);

– «жизненно необходимое, экзистенциальное качество личности и социума, которое обретается в испытаниях — войне, судебных разбирательствах»: *«С этого началась традиция салютовать войскам-победителям, **освобождаящим** от фашистов крупные населенные пункты. Мужественный болгарский коммунист сумел на знаменитом судебном процессе в Лейпциге разоблачить фашистов, обвинявших его чуть ли не в поджоге Рейхстага, и с гордо поднятой головой выйти на **свободу**. Это, правда, происходило в первый год существования Третьего рейха, когда в стране еще действовала унаследованная от Веймарской республики судебная система. Попадись Дмитров фашистам позже, вряд ли суд закончился бы для него столь благоприятно»* (№ 11. Ю. Козлов «Море мертвое и живое»);

– «творчество, вдохновение, импровизация»: «Одессе свойственна склонность к импровизации (в отличие, например, от строго спланированного Петербурга) — вольно изгибающиеся улицы, бесчисленные лестницы и лестнички, бегущие к морю... В самой застройке города чувствуется **свободное** дыхание. Одесские песни — это действительно такой стиль» (№ 9. И. Янин «Черноморская пальмира»).

Периферийная зона заявленного концепта оказалась заполненной, на первый взгляд, «парадоксальными» смыслами:

– «демократия», «божественное»: «Круговорот награбленного: Меньшиков — Бирон — прах; революционеры — суды 1930-х — индустриализация — залоговые аукционы — что дальше? “Люди гибнут за металл” и за власть, обрамляя это красивыми словами о “свободе”, “демократии”, “божественном”. Ельцин со свечой в церкви — что может быть более карикатурным для коммунизма и для церкви?! Что может быть более карикатурным, чем “капитализм”, выгрызающийся из коммунизма, подобно Чужому из тела человека?» (№ 11. А. Фурсов «Ситуация может призвать диктатора»). Анализируя постсоветскую ситуацию, автор связывает концепт «свобода» с указанными смыслами, придавая тексту ироническую тональность. И поскольку речь идет о «ненормативной» реализации концепта (ирония — это противопоставление явному смыслу, всегда некое смысловое отступление), то выявленные концептуальные признаки мы относим к периферийной зоне;

– «хаос», «путаница», «ложь», «разруха»: «Ну, совсем запутаешься, **освобождая украинскую словесность из кацапского ярма... Впрочем, когда “неученым” вполне дозволено (да и зачем кавычки?!)** взращивать неученых, когда главное идейная выдержанность, то просто-напросто включай русофобский словомёт, а остальные критерии на энном месте» (№ 7. В. Бондаренко «Слава героям!.. Фашистским?»). Публицист рассматривает литературную тему, переводя ее в политико-идеологическую плоскость. Он весьма ироничен, а порой и категоричен в своих суждениях и выводах: свобода неотрывно связана с темой русофобии на Украине, ложью и попыткой

политиков свести счеты с Россией, навязыванием ложных ценностей. Приведем еще один подобный пример: «Можно вспомнить и других, ту же бригаду Каминского, которая, между прочим, **освободила от немцев Прагу, уже позже туда вошли советские войска. Может, забыть о его службе у немцев и дать звание Героя России**» (№ 7. В. Бондаренко «Слава героям!.. Фашистским?»). Публицист обращается к довольно острой и актуальной на тот момент теме — установке мемориальной доски Карлу Маннергейму в Санкт-Петербурге. Здесь свобода представляется как ложная ценность: она затмевает разум, заставляет обращаться к псевдогероям;

– «состояние первозданности», «возвращение к истокам»: «Алексей Кузьмич навсегда полюбил мир **свободы, наготы и вечного лета и воплотил его в своих полотнах**» (№ 7. М. Шелехов «Свет земных мадонн»). Данный материал, резко отличающийся от остальных по стилистике и смысловому наполнению, повествует о белорусском художнике Алексее Кузьмиче. Материал напоминает сентиментальный очерк о настоящем народном художнике, приверженце идеи единой славянской цивилизации.

Итак, сравнив узуальную и дискурсивную модели концепта «свобода», мы пришли к следующим выводам:

1) в ядерных зонах обеих моделей отмечается большой участок семантического совпадения, однако в структуре дискурсивной модели мы выявили еще один концептуальный признак: «творчество, вдохновение, импровизация»;

2) периферийные зоны совпали только отчасти — в образном компоненте (временная метафора), однако журнал продемонстрировал большое количество примеров, которые вербализуют прямо противоположные смыслы: «навязывание», «ложные ценности», «фальшь», «хаос» и другие. Это обусловлено, на наш взгляд, информационной политикой журнала «Наш современник»: издание, являясь национально-консервативным, уделяет много внимания вопросам национально-идеологической идентификации, а ультраправая ориентация обуславливает категоричность и радикальность, «перевернутость» концептуальных смыслов.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора в языке чувств / Н. Д. Арутюнова // Язык и мир человека. — М., 1999. — С. 385–399.

2. Воркачев, С. Г. Концепт счастья: значимостная составляющая / С. Г. Воркачев // Язык, коммуникация и социальная среда. — Воронеж, 2002 — Вып. 2. — С. 4–18.
3. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филол. науки. — 2001. — № 1. — С. 64–72.
4. Воркачев, С. Г. Концепт «язык» в русском паремиологическом фонде / С. Г. Воркачев, Д. Ю. Полиниченко // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста : материалы междунар. симпозиума : в 2 ч. — Волгоград, 2003. — Ч. 2. — С. 176–180.
5. Горбачевич, К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка / К. С. Горбачевич. — СПб, 2001.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — М., 1999. — Т. 4. — 683 с.
7. Карасик, В. И. Транслируемость концептов / В. И. Карасик // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста : материалы междунар. симпозиума : в 2 ч. — Волгоград, 2003. — Ч. 2. — С. 17–19.
8. Карасик, В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — М., 2007. — С. 12–13.
9. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю. С. Степанова. — М., 1995. — С. 149–238.
10. Крылов, Г. А. Этимологический словарь русского языка / Г. А. Крылов. — СПб., 2005.
11. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М., 1995. — 928 с.
12. Попова, Е. А. Человек как основополагающая величина современного языкознания / Е. А. Попова // Филолог. науки. — 2002. — № 3. — С. 69–77.
13. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка / А. Г. Преображенский. — М., 1959. — 717 с.
14. Разумихин, А. Прощен и милостью окован / А. Разумихин // Наш современник. — 2016. — № 6. — С. 273–287.
15. Русский ассоциативный словарь / под общ. ред. Ю. Н. Караулова. — М., 1996.
16. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб., 2002. — 960 с.
17. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — М., 2001. — 990 с.
18. Степанов, Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразования / Ю. С. Степанов // Бенвенист, Э. Общая лингвистика. — М., 2002. — С. 5–16.
19. Тихонов, А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка / А. Н. Тихонов. — М., 2014. — 638 с.
20. Токарев, Г. В. Дискурсивные лики концепта : монография / Г. В. Токарев. — Тула, 2004. — 108 с.
21. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — URL: http://slovonline.ru/slovar_ushakov/b-18/id-68510/svo.
22. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. — М., 1999.
23. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. — М., 1986. — Т. I. — 576 с.
24. Этимологический словарь русского языка / под общ. ред. Н. М. Шанского. — М., 1973. — Вып. 5, т. I. — 301 с.

Сведения об авторах

Антропова Вера Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. ava45@yandex.ru

Грошева Алла Владимировна — магистрант факультета журналистики, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. bagi-94@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 11 (407). Philology Sciences. Iss. 109. Pp. 5—11.

IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF “FREEDOM” IN THE DISCOURSE OF “THICK” MAGAZINES (on the example of texts “Our contemporary” for 2016)

V. V. Antropova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ava45@yandex.ru

A. V. Grosheva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. bagi-94@mail.ru

The article analyzes the semantic structure of the concept of “freedom” in the discourse of the so-called “thick” magazines as a model of the elite print media in Russia. Relying on the methodological achievements of linguocultural conceptology, the authors come to the conclusion that there is a significant discrepancy between the usual and discursive value meanings found in the texts of the journal “Nash sovremennik”. The latter demonstrate the influence of traditionalization, nationalization, radicalization as mental installations of the selected periodical.

Keywords: “thick” magazines, “Nash sovremennik”, linguocultural concept, mentality, nuclear zone, peripheral zone, value meanings.

References

1. Arutyunova N.D. Metafora v yazyke chuvstv [The metaphor in the language of the senses]. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and world of person]. Moscow, 1999. Pp. 385–399. (In Russ.).
2. Vorkachev S.G. Koncept schast'ya: znachimostnaya sostavlyayushchaya [Concept of happiness: a significant component]. *Yazyk, kommunikaciya i social'naya sreda. Vyp. 2* [Language, communication and social environment. Iss. 2]. Voronezh, 2002. Pp. 4–18. (In Russ.).
3. Vorkachev S.G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', koncept. Stanovlenie antropocentricheskoy paradigmy v yazykoznanii [Linguistics, linguistic personality, concept. The formation of the anthropocentric paradigm in linguistics]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2001, no. 1, pp. 64–72. (In Russ.).
4. Vorkachev S.G., Polinichenko D.Yu. Koncept «yazyk» v russkom paremiologicheskom fonde [The concept of “language” in the Russian paremiological fund]. *Problemy verbalizacii konceptov v semantike yazyka i teksta: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma : v 2 ch. Ch. 2* [Problems of verbalization of concepts in the semantics of language and text: materials of the international symposium in 2 part. Part 2]. Volgograd, 2003. Pp. 176–180. (In Russ.).
5. Gorbachevich K.S. *Slovar' ehpitetov russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of epithets of the Russian literary language]. Available at: <http://www.slovoblog.ru/epithet/>, accessed 04.10.2017. (In Russ.).
6. Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka : v 4 t. T. 4* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language in 4 vol. Vol. 4]. Moscow, 1999. 683 p. (In Russ.).
7. Karasik V.I. Transliruemost' konceptov [Translatability of concepts]. *Problemy verbalizacii konceptov v semantike yazyka i teksta: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma : v 2 ch. Ch. 2* [Problems of verbalization of concepts in the semantics of language and text: materials of the international symposium in 2 part. Part 2]. Volgograd, 2003. Pp. 17–19. (In Russ.).
8. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Bazovye harakteristiki lingvokul'turnyh konceptov [Basic characteristics of linguocultural concepts]. Karasik V.I. (ed.). *Antologiya konceptov* [Anthology of concepts]. Moscow, 2007. Pp. 12–13. (In Russ.).
9. Kubryakova E.S. Evolyuciya lingvisticheskikh idej vo vtoroj polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza) [Evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (the experience of paradigm analysis)]. Stepanov Yu.S. (ed.). *Yazyk i nauka konca XX veka* [Language and science of the end of the 20th Century]. Moscow, 1995. Pp. 149–238. (In Russ.).
10. Krylov G.A. *Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Available at: <https://krylov.lexicography.online/>, accessed 06.10.2017. (In Russ.).

11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 1995. 928 p. (In Russ.).
12. Popova E.A. Chelovek kak osnovopolagayushchaya velichina sovremennogo yazykoznanija [Person as the fundamental value of modern linguistics]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2002, no. 3, pp. 69–77. (In Russ.).
13. Preobrazhenskij A.G. *Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1959. 717 p. (In Russ.).
14. Razumihin A. Proshchen i milost'yu okovan [Forgiven and mercifully fettered]. *Nash sovremennik* [The Our contemporary], 2016, no. 6, pp. 273–287. (In Russ.).
15. Karaulov Yu.N. (ed.). *Russkij asociativnyj slovar': obratnyj slovar'* [Russian associative dictionary]. Available at: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>, accessed 06.10.2017. (In Russ.).
16. Kuznecov S.A. (ed.). *Sovremennij tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [The modern explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, 2002. 960 p. (In Russ.).
17. Stepanov Yu.S. *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury* [Constants: dictionary of Russian culture]. Moscow, 2001. 990 p. (In Russ.).
18. Stepanov Yu.S. *Ehmil' Benvenist i lingvistika na puti preobrazovaniya* [Emil Benveniste and linguistics on the path of transformation]. *Benvenist Eh. Obshchaya lingvistika* [Common Linguistics]. Moscow, 2002. Pp. 5–16. (In Russ.).
19. Tihonov A.S. *Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo yazyka* [Word-formation dictionary of the Russian language]. Moscow, 1990. 856 p. (In Russ.).
20. Tokarev G.V. *Diskursivnye liki koncepta* [Discursive faces concept]. Tula, 2004. 108 p. (In Russ.).
21. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Ushakov D.N. (ed.). Available at: <http://epithet.slovaronline.com>, accessed 06.10.2017. (In Russ.).
22. Chernyh P.Ya. *Istoriko-ehimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. Available at: <http://forum.tts.lt/index.php?showtopic=72291>, accessed 07.10.2017. (In Russ.).
23. Fasmer M. *Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1986. 576 p. (In Russ.).
24. Shanskij N.M. (ed.). *Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka. Vyp. 5, t. 1* [Etymological dictionary of the Russian language. Iss. 5, vol. I.]. Moscow, 1973. 301 p. (In Russ.).

УДК 070:81.38
ББК 76

РОЛЬ ЭССЕИЗАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ АВТОРСКОГО ЖАНРА ПУБЛИЦИСТА АНДРЕЯ КОЛЕСНИКОВА

Е. В. Выровцева

Институт телевидения, бизнеса и дизайна, Санкт-Петербург, Россия

Формирование авторских жанров уже стало заметной тенденцией в современной публицистике. Вторая актуальная тенденция — эссеизация журналистики, которая и приводит как к трансформации традиционных видов текста, так и к возникновению новых. Политический обозреватель «Коммерсанта» Андрей Колесников известен своими ироническими репортажами, которые были даже собраны в книги «Я Путина видел!» и «Меня Путин видел!», что позволяет говорить о создании самостоятельного публицистического жанра.

Ключевые слова: *публицистика, эссеизация, иронический репортаж, жанроформирующие признаки, интертекстуальность.*

Феномен отечественной журналистики наряду со многими другими факторами проявляется в доминировании личностного начала. В истории российской периодики именно имя редактора, издателя, публициста, критика определяло особенности того или иного периода, конкретного издания, рубрики или жанра. Например, В. И. Антонова, рассуждая о корреспонденции, точно указывает период ее возникновения и имена создателей данного вида текста: «Он оформился в конце XIX в. В данный период в “Отечественных записках” были опубликованы “Письма из деревни” М. Энгельгардта, напоминающие по композиционно-содержательным параметрам синтезированные современные корреспонденции с очерковыми элементами. С 1855 г. в периодических изданиях “Русские ведомости”, “Волжский вестник” сотрудничал русский писатель В. Короленко. В его трудах корреспонденция трансформируется в полнокровный аналитический жанр с авторскими комментариями...» [1. С. 64–65]. При этом, как и большинство других жанров, корреспонденция формировалась в публицистике разных авторов: фельетонный стиль отличал корреспонденции М. Горького, особый пафос характерен для корреспонденций периода Великой Отечественной войны (в частности, И. Эренбурга), сенсационная составляющая стала неотъемлемой чертой корреспонденций сегодняшней «Комсомольской правды».

Не случайно профессор Л. Е. Кройчик, утверждающий, что не бывает журналистских текстов, а есть только публицистические произведения, относит к жанроформирующим признакам образ

и способы выражения автора [7]. При подготовке публикации исключительно от автора зависят принципы отбора фактов, способы их интерпретации и оценки, то есть именно автор определяет предмет, цель и метод — основные жанроформирующие признаки журналистского текста, значит, и его видовое своеобразие на всех уровнях. В начале XX в. об этом писал В. Б. Шкловский, который объяснял, как работает с жанром художник слова: «Избирая определенный жанр, автор часто тут же разрушает его... В жанрах откладываются результаты многих поисков выразительности построения» [17. С. 350]. Исследователь говорит о «вечном противоречии жанров», но уверен в сохранении их как системы: «Системам обучаются. Они помогают ориентироваться в мире» [17. С. 352]. В. Б. Шкловский обоснованно считает жанр одной из систем, представляющей собой «установившееся единство определенных стиливых явлений, проверенных в своем соединении на опыте, как удачные, имеющие определенную эмоциональную окраску...» [17. С. 491]. Законы жанрообразования, с одной стороны, обеспечивают эффективность диалога автора с аудиторией, а с другой стороны, позволяют авторам «маневрировать» — изменять устойчивые жанровые структуры (В. П. Скобелев), жанровые модели (Н. Л. Лейдерман), предлагать читателю оригинальную форму хорошо знакомого вида текста.

Именно жанр устанавливает эстетический контакт между автором и реципиентом, но при условии постоянного авторского обновления традиционного вида текста возникает проблема равноправного диалога: без жанрового единства

(в большей или меньшей степени) трудно вводить читателя в систему размышлений и переживаний автора. Это объясняет, почему столь строгой критике подвергались не вписывающиеся в существующую жанровую систему произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова и многих других мастеров слова.

В настоящее время не утихают споры об образе автора в журналистском произведении: «В обыденном сознании автор произведения обычно равен личности его создателя. Зачастую такое понимание ведет воспринимающих либо к самоуничтожению перед кумиром, либо, наоборот, к его бытовой вульгаризации и — в любом подобном случае — к ослаблению коммуникативных связей... Что касается теории журналистики, то последняя, широко используя само слово “автор”, до сих пор весьма осторожно относится к проблеме его типичности» [15. С. 67]. Эта проблема обострилась в связи с активным развитием — трансформацией и обновлением — информационного рынка, а также в связи с существованием разных концепций в теории журналистики. Однако, заметим, существует эта проблема с момента возникновения периодических изданий в России.

Сатирические журналы XVIII в. — это не только узнаваемый авторский стиль, но и оригинальные жанры: басни, комедии, сатиры, эпиграммы А.П. Сумарокова; пародийные отписки, рецепты, разговоры Н. И. Новикова; «ложный панегирик», «восточная повесть», письма, литературные пародии, памфлеты (в XIX в. — басни) И. А. Крылова; пародийные письма, проповеди, словники Д. И. Фонвизина. Не смолкают споры и о жанровой принадлежности хрестоматийного «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Не менее показательна в этом отношении публицистика XIX и XX вв. Формирование жанра обозрения связано с именами А. П. Куницына, А. А. Бестужева, В. Г. Белинского. Оригинальностью жанровой парадигмы характеризуется и публицистическое творчество декабристов. Авторская трактовка традиционных сатирических жанров определяет особенности функционирования фельетона и памфлета в изданиях прошлого и позапрошлого столетий. До сих пор привлекает внимание исследователей жанров «маленькие письма» А. С. Суворина, «актуальная публицистика» журнальных циклов М. Е. Салтыкова-Щедрина, оригинальная сатира И. Ильфа и Е. Петрова, М. Зощенко и других авторов.

Если в XVIII в. оригинальность жанровой системы была обусловлена намеренным отказом от канонов классицизма, то в XIX в. романтики окончательно разрушили представление о норме в творчестве, что оказало влияние и на журнальную литературу, а в начале XX в. модернисты продолжили «дело» романтиков. Советское время характеризует определенная унификация жанровых форм, на что указывал А. А. Аграновский, критикуя «заштампованные» очерки о людях труда. Однако продолжала развиваться эссеистика: в творчестве А. Ахматовой, В. Набокова, В. Розанова, М. Цветаевой, Ю. Олеси, К. Паустовского и других авторов. На рубеже XX–XXI вв. отчасти прерванная традиция авторского представления жанра усилилась, превратившись в тенденцию. Сегодня это связано с эстетикой постмодернизма, с развитием мультимедийных технологий, с персонификацией и персонализацией (Л. Е. Кройчик) журналистского текста, с наступлением на профессиональную журналистику новых медиа. Поэтому современные исследователи уделяют особое внимание такой категории, как автор.

Ученые рассматривают категорию «автор» с разных позиций: «степень присутствия автора в текстовой ткани (автор персонифицированный, обобщенный, деперсонифицированный); объем и статус коммуникатора (персональный и коллективный; частный, публичный, социальный); автор в категории адресата (“человек социальный”, “человек частный”); степень и мера социальной (нейтральное информирование, обличение, полемика)» [14. С. 85]. Все эти уровни проявления авторского начала, как нам представляется, обуславливают и выбор определенного жанра, и трактовку/представление/интерпретацию традиционного вида журналистского текста в концепции конкретного публициста. Один из самых востребованных способов усиления авторского начала в публицистическом тексте сегодня — это эссеизация, «позволяющая сделать объектом публицистического исследования субъективные переживания личности» [13].

На важность понимания границы между жанром эссе и эссеизацией как методом творческого освоения и предъявления фактов указывает Г. Н. Немец, рассматривающий эссе как дискурс, характеризующийся движением публициста от «журналистики факта» к «публицистике мнений», в результате чего и рождаются «жанры-гибриды» [11]. О включении элементов эссе

в традиционные жанры пишет Д. Н. Перевозов, использующий термин «эссеизм»: «Если в эссе предметом и объектом исследования являются внутренние переживания человека, то в эссеизме объектом исследования выступает факт объективной действительности, а предметом исследования становятся переживания автора по поводу этого факта» [13]. О новой тенденции проникновения элементов эссе в самые разные виды медиатекста рассуждает и Л. Г. Кайда, назвавшая эссеистику «благородной» болезнью [6] и заметившая, что «насыщенная эссеистическим (индивидуальным, ярко личностным) началом, позиция автора становится связующим звеном» произведения [5]. Усиление позиции автора и роли субъективных оценок и ассоциаций действительно стала значимой жанровой особенностью публицистики А. Гениса, А. Боссарт, Ю. Латыниной, И. Петровской, А. Колесникова, А. Бильжо, Д. Быкова.

Сегодня эссеизация «существенно обогатила палитру существующих и создала предпосылки для выделения новых жанров» [13], открыв практически неограниченные возможности для эксперимента с формой — «оригинальной, остроумной подачей информации, способной увлечь аудиторию» [13] и «массовой экспансии жанровых его [эссе. — Е. В.] особенностей в сопредельные ему традиционные журналистские жанры» [9. С. 140]. При этом И. П. Магай справедливо указывает на проблему: «Мышление эссеиста хочет полностью освоить, “осмыслить” свой предмет, пытаясь вместе с тем удержать его единичность, несводимость к мышлению. Последний акт размышления — это предъявление самого предмета в окружении всех его описаний» [8. С. 97]. Именно включение элементов эссе в тот или иной жанр способно не просто трансформировать его, но и создать новый вид текста, который мы и называем авторским жанром.

Д. Н. Переверзев в диссертации выделил основные качества эссеизации современной публицистики — «саморефлексия, установка на диалог с аудиторией, индивидуализация повествования», а также четыре варианта стратегий: «стратегию активного диалога; стратегию модальности (эмоционального взаимодействия с аудиторией); стратегию со-переживания (“поиск родственной души”); стратегию использования эстетических приемов письма» [13]. Популярность такой формы представления авторского материала в СМИ, как колонка, стала наиболее ярким доказатель-

ством возникновения и активного развития новых жанровых модификаций за счет эссеизации. Споры о том, считать ли колонку самостоятельным жанром, не утихают. Можно предположить, что колонка в настоящее время — это то универсальное определение публицистического текста, которое позволяет какое-то время не уточнять жанр, подождать, пока он оформится в творчестве одного или нескольких авторов, а возможно, исчезнет, оставшись в истории журналистики оригинальным, но недолговечным экспериментом.

Многие современные публицисты — создатели авторских видов текста — являются «держателями» колонки (рубрики или раздела) в издании. Назовем наиболее яркие, более или менее сформировавшиеся индивидуальные жанры — иронический репортаж Андрея Колесникова («Коммерсантъ»); очерк-рецензия и очерк-обозрение Аллы Боссарт («Новая газета»); колонка-мнение («Известия») и репортажные зарисовки («Вокруг света») Андрея Бильжо; фотоочерк и фотозарисовка Юрия Роста («Новая газета»); фельетон-памфлет Максима Соколова («Известия»); проблемно-путевой очерк Николая Варсегова («Комсомольская правда»); обозрение-комментарий Ирины Петровской («Известия», «Новая газета»); проблемное эссе Александра Гениса («Новая газета»); стихотворный фельетон Дмитрия Быкова («Новая газета»); иронический комментарий Игоря Иртеньева («Газета.ru»); реплика-памфлет Антона Ореха («Эхо Москвы»). Назвать все перечисленные виды текста уже сложившимися жанрами, наверное, еще трудно, но как самостоятельные жанровые образования они вполне имеют право на существование и требуют пристального изучения. Взяв за основу анализа концепцию Д. Н. Переверзева, попробуем охарактеризовать авторский жанр такого известного публициста, как Андрей Колесников.

Стратегия эмоционального взаимодействия на аудиторию и индивидуализация позволили корреспонденту газеты «Коммерсантъ» Андрею Колесникову создать авторский вариант одного из самых традиционных и в то же время востребованных жанров — репортажа. Публицист так определяет специфику своего творчества: «В максимальной степени мнение журналиста должно выразить местоимение “я”. Личное начало в моих текстах действительно очень сильное. Я просто по-другому не умею. У кого-то это вызывает раздражение, а у кого-то, наоборот, благодарность автору. Наблюдения, детали, факты очень дорого

стоят. Они стоят того, чтобы о них писать под местоимением “я”» [12]. А. Колесников намеренно уходит от жанрового определения своих материалов в «Коммерсанте»: «Прежде всего, это газетные заметки, и ничего больше на самом деле. Так их и следует воспринимать» [4]. Его репортажи, с одной стороны, вполне отвечают требованиям жанра: предметом всегда выбирается событие, создается эффект присутствия, основной метод — наблюдение. С другой стороны, очевидно разрушение жанровых границ, что и позволяет говорить о формировании авторского жанра — иронического репортажа.

Во-первых, есть отличительная особенность предмета исследования — Колесников пишет о событиях, в которых принимает участие президент (премьер-министр) В. В. Путин. Во-вторых, корректируется цель — читателю предлагается не просто увидеть событие глазами репортера, но и включиться в своеобразную игру, основанную на со-переживании, со-размышлении, со-творчестве. Жанровой доминантной становится именно эмоциональный диалог с аудиторией, основанный на довольно сложной системе оценок и ассоциаций. В-третьих, метод наблюдения тесно переплетается с иронией, которая тоже активно участвует в создании медиаобраза политического события и политического деятеля. Е. А. Антошкина называет иронию способом отображения действительности в репортажах А. Колесникова и выделяет приемы, создающие комический эффект: контрастное заострение высокого и низкого, ироническое заземление на себя, фокусирование внимания на побочных моментах, ироническое отстранение [2]. Особую роль в иронических репортажах «Коммерсанта» играют языковые средства: ироническое сравнение, неожиданное согласование, размытые определения.

Включая в репортаж традиционные для этого жанра элементы композиции — портрет, интерьер, пейзаж, публицист за счет эссеизации текста не просто описывает участников события, время и место действия, а создает их сложный эмоциональный образ: «Многие из сидевших в зале были исполнены в этот момент такой сакральной озабоченности, как будто и правда почувствовали себя докторами высшей квалификации в палате безнадежно больных, которые приехали в этот санаторий не лечиться, а умирать, и, конечно, по крайней мере подозревают об этом» (Коммерсантъ. 2010. № 16); «Идея в том,

что трубоукладчик, во чреве которого свариваются трубы диаметром 812 мм (каждая весом 9 тонн), идет вперед, опуская секции сваренных труб на дно. И это малопостижимый жалким человеческим умишком процесс. Этот процесс сейчас должен был стартовать» (Коммерсантъ. 2017. № 112).

Ассоциации автора, как правило нацеленные на создание комического эффекта, можно назвать основным средством создания портрета: «Девушкам-журналисткам не давала покоя председатель комитета Совета федерации по социальной политике Валентина Петренко. Она не давала им покоя всем своим видом. Дело было совсем не в ярко-синей блузке с люрексом, от которой при взгляде на Валентину Петренко перед глазами потом еще долго стояло странное свечение, до боли похожее на северное сияние, а по нему скакали какие-то резвые желтые зайчики, и ничего, кроме этого дикого пейзажа, человек, однажды посмотревший на блузку Валентины Петренко, разглядеть перед собой больше не мог еще несколько минут. Нет, дело было не в этой блузке и не в белом ожерелье из жемчужин размером с кулак моего пятилетнего сына Вани каждая. Нет, все дело было в прическе Валентины Петренко. Она была великолепна. Я не знаю, может быть, Валентина Петренко каждый день ходит на работу с такой прической. Но мне кажется, что такую прическу невозможно готовить каждый день. Приготовление ее способно отнять у человека жизнь. На что же она была похожа? На слоеное пирожное, упавшее с прилавка и растоптанное мстительной ногой покупателя? На торт “Наполеон” с просроченным сроком давности? На строительную пену, которой проходят швы между окнами и стенами в новостройках? Нет, скорее на шар из папье-маше с начисто срезанным верхом. Причем его все время хотелось потрогать руками, чтобы убедиться в том, что он хорошо пружинит. А то и хотелось встать и попрыгать» (Коммерсантъ. 2008. № 3). Прямые оценки репортер заменяет сравнениями, размышлениями, оставляя за читателем право согласиться с такой оценкой человека или нет: «Карен Шахназаров изъяснялся как-то странно: он вдруг обрывал свои мысли и слова, словно участвовал сейчас в очередном “Воскресном вечере с Владимиром Соловьевым” и как будто его-то постоянно перебивал кто-то невидимый уровня Владимира Жириновского или даже орал на него» (Коммерсантъ. 2016. № 225); «Казалось,

что Владимиру Путину в конце концов между тем постепенно удастся своими собственными ответами заинтересовать самого себя» (Коммерсантъ. 2017. № 97).

Портрет героя в ироническом репортаже А. Колесникова создается с помощью переживания, чувств, размышлений автора: «В какой-то момент я поймал себя на том, что у меня даже появился соблазн разделить с Еленой Ямпольской ее боль и стремления. Но все-таки я вовремя остановился» (Коммерсантъ. 2016. № 225); «А я понял, что все мои предположения насчет того, что жизнь генерала теперь превратится в вечную думу об Истории При Парадном Крыльце, оказались совершенно неверными. Не будет всего этого. Было — и прошло. Танкисты не живут событиями прошлого, как говорил Карлос Кастанеда» (Коммерсантъ. 2016. № 81). И само политическое событие в текстах А. Колесникова представлено прежде всего в лицах, акцент смещается с события на героев — людей государственного масштаба. Их поступки, поведение, речь получают авторскую оценку, основанную на принципах эссеизации.

Традиционные для жанра функции «репортажной роли» (термин ввела М. И. Шостак) трансформируются. Под репортажной ролью понимаются «условные роли людей в репортаже, обозначающие разную степень включенности в событие и ответственности за событие» [18. С. 145]. Это может быть «очевидец», «участник», «подстрекатель», «вождь», «герой», «жертва». В иронических репортажах А. Колесникова эти «роли» имеют несколько иной смысл и иное значение: акцент делается почти всегда на противопоставление участников события В. В. Путину и на намеренное преувеличение той или иной детали во внешности или в поведении политиков, что свойственно таким жанрам, как фельетон, памфлет, пародия. Пародийные описания встречаются довольно часто: «Владимир Жириновский с удовольствием надкусил помидор. Светлые воспоминания о том, как искренне тогда проклинали его люди, доставляли ему сейчас нескрываемое удовольствие» (Коммерсантъ. 2016. № 238); «Он [В. В. Путин. — Е. В.] вдарил ледорубом, посыпались ледяные искры... Все это что-то напоминало: то ли сказку “Снежная королева”, то ли быль из жизни Льва Троцкого» (Коммерсантъ. 2017. № 55); «Я видел, как сочувственно кивает на этих словах Евгений Ревенко. Кажется, они попали ему в самое сердце. Главное, чтобы не оста-

вили в нем незаживающей раны. Главное, чтобы эта информация не оказалась для него слишком новой и раздирающе болезненной» (Коммерсантъ. 2016. № 163).

Одним из излюбленных приемов создания политического портрета становится «сценка, созданная приемом “многоголосия”; показывающая группу людей в одной ситуации, объединенных одними интересами» [18. С. 146]. Так, описывая встречу Путина с членами партии «Единая Россия» А. Колесников подчеркивает нелепость поведения политической элиты: «Каждый из сидевших за столом старался лично взглянуть в глаза Владимиру Путину и хотя бы кивком головы подтвердить, что он целиком и полностью разделяет его озабоченности и идеалы. Впрочем, те, у кого не было шансов продемонстрировать лидеру партии верность его идеалам глаза в глаза, находили другой выход: они лихорадочно быстро конспектировали каждое его слово, что само по себе как иллюстрация активной гражданской позиции каждого из них должно было значить очень многое, а пожалуй, что и все» (Коммерсантъ. 2010. № 19). Автор обращает внимание читателя на то, что лихорадочное конспектирование каждого слова премьера, по мнению политиков, является ничем иным, как демонстрацией активной гражданской позиции.

Андрей Колесников, совмещая роли репортера-наблюдателя, комментатора и эссеиста, создает новый вид текста, где репортерский взгляд на событие неразрывно связан с саморефлексией и эстетическими приемами письма: «Эх, подумал я, вот у нас хоть бы один век так прошел когда-нибудь, чтобы потом говорили, что про него потомкам ничего не известно: настолько все тихо было. Да хоть бы один год... Ладно, ну хоть один месяц...» (Коммерсантъ. 2016. № 186); «Все здесь, кроме голого камня, кажется лишним, временным, и такое впечатление, что вот прямо сейчас, на твоих глазах придет в окончательную негодность и рухнет: все эти аварийные девяти- и пятиэтажки, бесконечные ларьки, гаражи, закутывающие и саму жизнь то в этом городе в какую-то безвылазную и безвыходную паутину... И в общем, посреди этого разрушенного войной хозяйства — а воюет тут человек сам с собой, со своим достоинством и уважением к себе — возникает вдруг новая верфь и цеха компании “Роснефть”» (Коммерсантъ. 2016. № 161). Автор использует самые разные формы комического — юмор, ирония, сарказм, гротеск, сатира, что тоже можно назвать элементом творческого

метода, эссеизации, когда позиция автора оказывается важнее законов жанра.

Смех, как «чрезвычайно доходчивая и острая форма критики» [3. С. 208], как особая «эмоциональная критика явлений жизни, основным коммуникативным намерением которой является чаще всего негативная оценка» [16. С. 45], требует сознательно-активного восприятия со стороны аудитории, которая в процессе со-творчества угадывает настроение и качество оценки: упрек, недовольство, порицание, насмешка, возмущение. Ирония в творчестве Андрея Колесникова — это способ проявления субъективной авторской оценки, очень часто основанной на контрасте между «высоким» (высоким уровнем события) и «низким» (реакцией людей, мелочами). Например, публицист сравнивает политиков с детьми: «В эту минуту за столом началась тревога. Министры яростно бросали свои тела в кресла и замирали в них. Это напоминало детскую игру, когда стульев в кругу на один меньше, чем людей, бегущих вокруг них под музыку и лихорадочно занимающих свободные места, как только обрывается музыка. Кто-то остается стоять. Он проиграл. Вчера проигравших не было» (Коммерсантъ. 2011. № 35); «Юрий Луценко вел себя, надо признать, как-то по-детски. И уже только этим, то есть своей абсолютной непредсказуемостью, внушал трепет даже на таком расстоянии: совершенно невозможно было предположить, чего от него еще ждать. Мог, например, с улицы в окно что-нибудь прокричать или палку в окно кинуть» (Коммерсантъ. 2016. № 221). На контрасте статуса победителя и банальности вступления построен образ Сергея Кочережко: «Победитель конкурса “Учитель года–2015”, продемонстрировал, за что получил такое звание: речь его была быстра и наполнена неким содержанием... быстро текущая речь Сергея Кочережко не помогла избавиться от ощущения, что произнести что-нибудь принципиально новое на таких заседаниях бывает затруднительно» (Коммерсантъ. 2011. № 237). В разоблачение превращается авторская оценка лидера КПРФ: «Геннадий Зюганов, казалось, осваивает новую для себя реальность — и она производит на него неизгладимое впечатление! Да что там — просто ломает этого человека! Передо мной стоял сейчас самый яростный попутчик Владимира Путина. Никакой активист “Единой России” с таким восторгом не смог бы рассказать про этот кейс» (Коммерсантъ. 2017. № 98); и Сергея Иванова, «который сей-

час работает спецпредставителем президента по взаимодействию с животными и растениями» (Коммерсантъ. 2017. № 55).

Узнаваемость и лиричность стиля — еще одна жанровая особенность иронических репортажей Андрея Колесникова, который нередко намеренно нарушает правила сочетаемости: «Господин Баррозу странно застенчиво улыбался»; «После того как Сергею Аристову не пожали руку, ему оставалось только понимающе и даже благодарно пожать плечами»; «И долго еще он говорил под пересмеивающиеся лица и взгляды участников совещания»; «Путь к получению талончика оказался более информативным». Заимствованы у жанра эссе и метафорические сравнения: «Господин Путин очень внимательно слушал и ректора, и студентов. Он, судя по всему, первый раз окунулся в эти проблемы с головой, как когда-то в кефир на Сабантуе в Татарии в поисках монетки на дне заполненного до краев таза»; «Владимир Жириновский был во всеоружии: при нем имелся пухлый красный файл для документов. Владимира Жириновского распирало, как эту папку»; «Директор МФЦ Юлия Семенова рассказала президенту России, что ее центр самый большой в Новгородской области и что тут прекрасная потолочная и напольная навигация. Весь центр и правда был как в елочных гирляндах ярко-оранжевого цвета». Еще одно проявление эссеизации — модальность, указывающая на сомнения и предположения: «Господин Путин кивнул, и как-то обреченно, что ли»; «как-то лениво произнес Владимир Жириновский»; «Владимир Путин что-то ответил насчет Чили»; «Присутствующие, впрочем, никак не прокомментировали позже этот упрек, оставив его то ли на своей совести, то ли на совести президента».

Таким образом, репортажи Андрея Колесникова основаны на иронической позиции — критическом отношении к окружающей действительности. Именно иронический «фокус» предлагает читателю «ключ» к тексту, подсказывает, что автор рассчитывает именно на критическое осмысление как его суждений и оценок, так и поступков и точек зрения действующих лиц. Ирония Андрея Колесникова нередко приобретает лирическое звучание и превращается в дружескую критику политиков, которые, как и любой человек, имеют недостатки и могут ошибаться. Кроме того, в его текстах можно обнаружить черты анекдота: в композицию репортажа включаются зарисовки о странном поведении политиков и неожиданная концовка.

Особого внимания заслуживают заголовки, которые почти носят игровой — интертекстуальный — характер, что свойственно жанрам художественной публицистики, а не репортажам. Однако в подзаголовке обязательно есть указание на событие, что напоминает читателю о репортажной основе публикации. Исследуя роль интертекстуальности в эссеистике А. Гениса, Г. Н. Немец утверждает: «Интертекстуальность как объект концептуализации и категоризации отражает гетерогенность текста как системы» [10. С. 85]. В интертекстуальных заголовках А. Колесникова выражается концептуальная и эмоциональная позиция автора, чаще всего обыгрывается известный прецедентный текст: «Белеет пандус одинокий», «Министерия-буфф», «И в град входя, благословил», «С чего просыпается Родина», «И последние станут нервными» и т. п. При этом границы и качество комического различаются — от едкого уничтожающего сарказма до тонкой иронии, позволяющей высказать позитивное отношение к герою или событию. Примером первого может быть заголовок «Духовные скрипки общества» к репортажу о концерте объединенного оркестра Мюнхенской филармонии и Мариинского театра, на котором был В. В. Путин (Коммерсантъ. 2017. № 62): уже в названии автор высмеивает бесконечные, но тщетные попытки найти национальную идею и духовные скрепы. В неточной цитате из «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина «Как можно быть такой Наиной» А. Колесников сообщает читателю о своем отношении к жене первого президента России Бориса Ельцина, юбилей которой в Александровском зале Кремля «устроил президент России Владимир Путин» (Коммерсантъ. 2017. № 42).

Сейчас все чаще и все громче слышны разговоры о новых жанрах и о новых жанровых образованиях, возникновение которых и закрепление в медиапрактике обусловлены разными причинами. Это и объективная необходимость поиска новой формы для отражения, исследования, оценки новой реальности, и явная «усталость» традиционных жанровых форм и их неспособ-

ность конкурировать на информационном рынке, когда от привлекательности/продаваемости текста зависит жизнеспособность издания. Это и особенности современных медиа: конвергентность, мультимедийность, интерактивность, исключительная мобильность. Это и влияние таких тенденций: визуализация и полистилизм материалов СМИ; воздействие на них эстетики постмодернизма и массовой культуры; размывание границ профессии журналиста; адаптация жанра к определенному типу издания; появление новых медиа.

Формирование жанра иронического репортажа в публицистике Андрея Колесникова в первую очередь обусловлено тенденцией усиления авторского начала, что проявляется в эссеизации, неразрывно связанной с субъективизацией повествования (М. Н. Ким), с «вирусом иронии» (Л. Г. Кайда), с интертекстуальностью, которая вызывает «воспоминания» о других видах текста. В условиях жесткой борьбы за аудиторию как раз масштаб личности автора и его таланта оказывается зачастую решающим при выборе источника информации. И здесь огромную роль играют и мировоззрение публициста, и его жизненный опыт, и его культура, и особенности его творчества, и своеобразие стиля. Именно в жанре в конечном счете проявляются все эти характеристики творческой личности. Современные публицисты, в том числе и Андрей Колесников, стремятся найти или создать такие жанровые формы, которые бы наиболее точно, выразительно, оригинально представляли их позицию, их точку зрения на окружающий мир: «Жанры всегда возникают ко времени... Жанры, как люди: рождаются, развиваются, обновляются, одряхлевают, умирают — для того, чтобы со временем вновь явиться в свет. Воздействие текста на аудиторию в значительной степени определяется стремлением автора эстетически оформить сообщение, сделать его привлекательным, доступным для понимания и удобным в восприятии при передаче по каналам массовой коммуникации. К этому сводятся формы публицистического текста как жанра» [7. С. 100–102].

Список литературы

1. Антонова, В. И. Жанры в творчестве журналистов региональных изданий: традиции, опыт, новации / В. И. Антонова. — Саранск, 2005. — 136 с.
2. Антошкина, Е. А. Иронический репортаж Андрея Колесникова в газете «Коммерсантъ» / Е. А. Антошкина // Эволюция жанров в истории российской журналистики : тез. науч.-практ. конф. — Самара, 2007. — С. 54–56.

3. Боров, Ю. О комическом / Ю. Боров. — М., 1957. — 234 с.
4. Гуленок, О. Андрей Колесников: На политику нельзя повлиять через СМИ / О. Гуленок // Каспаров.RU. — 2009. — 29 окт. — URL: <http://kasp.3s3s.ru/material.php?id=4ADEB76F0C63B>.
5. Кайда, Л. Г. Композиционная поэтика современной публицистики / Л. Г. Кайда // Коммуникация в современном мире : материалы всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы массовой коммуникации», 12–13 мая 2008 г. — Воронеж, 2007. — С. 25–27.
6. Кайда, Л. Г. Эссе: стилистический портрет / Л. Г. Кайда. — М., 2008. — 184 с.
7. Кройчик, Л. Е. Коммуникативные и функциональные стратегии современных газетных текстов / Л. Е. Кройчик // Жанры СМИ: история, теория практика : материалы IV и V Всерос. науч.-практ. конф. — Самара, 2012. — С. 100–117.
8. Магай, И. П. Эссеистика против публицистики: новая тенденция российской прессы / И. П. Магай // Вестн. Моск. ун-та. — 2013. — № 6. — С. 90–107.
9. Магай, И. П. Эссе в журналистике / И. П. Магай, А. В. Лукина // Современная пресса: теория и опыт исследования. Ежегодник. — М., 2007. — С. 140–152.
10. Немец, Г. Н. Интертекстуальная специфика пейзажных описаний в эссеистике А. Гениса / Г. Н. Немец // Вестн. Ставропол. гос. ун-та. — 2011. — № 76. — С. 85–90.
11. Немец, Г. Н. Эссеизированный рекламный текст в газете: стратегии интерпретации / Г. Н. Немец // Вестн. Адыгейс. гос. ун-та. Сер.: Филология и искусствоведение. — 2013. — Вып. 2. — С. 216–220.
12. Павловский, А. Андрей Колесников: скучно не будет / А. Павловский // MENU MAGAZINE. — № 4. — 2008. — URL: <http://fotopoet.livejournal.com/182003.html>.
13. Перевозов, Д. Н. Эссеизация текстов как выражение персонального журнализма в современной российской публицистике / Д. Н. Перевозов. — Воронеж, 2007. — URL: <http://www.dissercat.com/content/esseizatsiya-tekstov-kak-vyrazhenie-personalnogo-zhurnalizma-v-sovremennoi-rossiiskoi-publitsitixzz4nglpXO>.
14. Распопова, С. С. Автор мультимедийного текста / С. С. Распопова // Журналист. Социал. коммуникации. — 2012. — № 3. — С. 84–90.

Сведения об авторе

Выровцева Екатерина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, Институт телевидения, бизнеса и дизайна. Санкт-Петербург, Россия. Doctor_Katrin@mail.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 11 (407). Philology Sciences. Iss. 109. Pp. 12–20.

THE ROLE OF ESSAYS IN THE FORMATION OF THE AUTHOR'S GENRE OF PUBLICIST ANDREI KOLESNIKOV

E. V. Vyrovtsseva

Institute of Television, Business and Design. Saint-Petersburg, Russia. Doctor_Katrin@mail.ru

The formation of copyright genres has already become a notable trend in contemporary journalism. The second actual trend is the essayization of journalism, which leads both to the transformation of traditional types of text, and to the emergence of new ones. The political observer of Kommersant Andrei Kolesnikov is known for his ironic reports, which were even collected in the books “I saw Putin!” And “I saw Putin!”, Which allows talking about the creation of an independent publicistic genre.

Keywords: *journalism, essayism, ironic reporting, genreforming signs, intertextuality.*

References

1. Antonova V.I. *Zhanry v tvorchestve zhurnalistov regional'nyh izdaniy: tradicii, opyt, novacii* [Genres in the work of journalists of regional publications: traditions, experience, innovations]. Saransk, 2005. (In Russ.).

2. Antoshkina E.A. Ironicheskiy reportazh Andreja Kolesnikova v gazete «Kommersant» [The ironical report by Andrei Kolesnikov in the newspaper Kommersant]. *Jevoljucija zhanrov v istorii rossijskoj zhurnalistiki. Tezisy nauchno-prakticheskoy konferencii* [Evolution of genres in the history of Russian journalism. Theses of the scientific-practical conference]. Samara, 2007. Pp. 54–56. (In Russ.).
3. Borev Ju. *O komicheskom* [About the comic]. Moscow, 1957. (In Russ.).
4. Gulenok O. Andrej Kolesnikov: Na politiku nel'zja povlijat' cherez SMI [Andrei Kolesnikov: Politics can not be influenced by the media]. *Kasparov.RU*. Available at: <http://kasp.3s3s.ru/material.php?id=4ADEB76F0C63B>. (In Russ.).
5. Kajda L.G. Kompozicionnaja pojetika sovremennoj publicistiki [Compositional poetics of modern journalism]. *Kommunikacija v sovremennom mire : materialy vseros. nauch.-prakt. konf. «Problemy massovoj kommunikacii»* [Communication in the modern world: materials are universal. Scientific-practical. conf. "Problems of mass communication"]. Voronezh, 2007. Pp. 25–27. (In Russ.).
6. Kajda L.G. *Jesse: stilisticheskij portret* [Essays: stylistic portrait]. Moscow, 2008. (In Russ.).
7. Krojchik L.E. Kommunikativnye i funkcional'nye strategii sovremennykh gazetnykh tekstov [Communicative and functional strategies of modern newspaper texts]. *Zhanry SMI: istorija, teorija praktika: materialy IV i V Vserossijskikh nauchno-prakticheskikh konferencij* [Genres of media: history, theory of practice: materials of IV and V All-Russian scientific-practical conferences]. Samara, 2012. Pp. 100–117. (In Russ.).
8. Magaj I.P. Jesseistika protiv publicistiki: novaja tendencija rossijskoj pressy [Essays against journalism: a new trend of the Russian press]. *Vestnik Mosk. un-ta* [Bulletin of Moscow University], 2013, no. 6, pp. 90–107. (In Russ.).
9. Magaj I.P., Lukina A.V. Jesse v zhurnalistike [Essays in journalism]. *Sovremennaja pressa: teorija i opyt issledovaniya. Ezhegodnik* [The modern press: theory and experience of research. Yearbook]. Moscow, 2007. Pp. 140–152. (In Russ.).
10. Nemeč G.N. Intertekstual'naja specifika pejzazhnykh opisaniy v jesseistike A. Genisa [Intertextual specifics of landscape descriptions in the essay of A. Genis]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Stavropol State University], 2011, no. 76, pp. 85–90. (In Russ.).
11. Nemeč G.N. Jesseizirovannyj reklamnyj tekst v gazete: strategii interpretacii [Esseized advertising text in the newspaper: interpretation strategies]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologija i iskusstvovedenie* [Bulletin of Adyghe State University. Ser.: Philology and art criticism], 2013, no. 2, pp. 216–220. (In Russ.).
12. Pavlovskij A. Andrej Kolesnikov: skuchno ne budet [Andrei Kolesnikov: it will not be boring]. *MENU MAGAZINE*, 2008, no. 4. Available at: <http://foto poet.livejournal.com/182003.html>. (In Russ.).
13. Perevozov D.N. *Jesseizacija tekstov kak vyrazhenie personal'nogo zhurnalizma v sovremennoj rossijskoj publicistike* [The essay of texts as an expression of personal journalism in contemporary Russian journalism], Voronezh, 2007. Available at: <http://www.dissercat.com/content/esseizatsiya-tekstov-kak-vyrazhenie-personal-nogo-zhurnalizma-v-sovremennoi-rossiiskoi-publiti#ixzz4nglpXO>. (In Russ.).
14. Raspopova S.S. Avtor mul'timedijnogo teksta [Author of multimedia text]. *Zhurnalist. Social'nye kommunikacii* [Journalist. Social Communications], 2012, no. 3, pp. 84–90. (In Russ.).
15. Strashnov S.L. K voprosu ob obraze avtora v zhurnalistike [On the image of the author in journalism]. *Zhurnalist. Social'nye kommunikacii* [Journalist. Social Communications], 2012, no. 3, pp. 67–73. (In Russ.).
16. Tepljashina A.N. *Satiricheskie zhanry sovremennoj publicistiki* [Satirical genres of modern journalism]. St. Petersburg, 2004. (In Russ.).
17. Shklovskij V.B. *Izbrannoe : v 2 t. T. I* [My Favorites in 2 vol. Vol. 1]. Moscow, 1983. (In Russ.).
18. Shostak M.I. *Zhurnalist i ego proizvedenie* [The journalist and his work]. Moscow, 1998. (In Russ.).

УДК 81-114
ББК 81.055

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ТЕКСТА

А. Г. Зверев

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Исследуется категория интертекстуальности в текстах английских законов о противодействии коррупции. Великобритания располагает целым сводом таких законов, созданных более века назад. В рамках широкого подхода к исследованию интертекстуальности изучены связи между текстами и знаковой системой. Описывается новая ранее не описанная в лингвистике текста форма интертекстуальности. Сделан вывод о существовании особого типа законодательного текста Великобритании, который сочетает в себе несколько знаковых систем.

Ключевые слова: право, толкование, статут, правила, язык закона, текстовая категория, интертекстуальность.

Под интертекстуальностью понимается как бесконечное взаимопроникновение текстов, так и субъективное (через язык и письмо) происхождение одного текста из множества других. Исследуется система средств выражения текстовой категории интертекстуальности в англоязычных законодательных текстах на примере тематически отобранных законодательных текстов Европейского Союза (далее — ЕС), Совета Европы (далее — СЕ), Организации экономического сотрудничества и развития (далее — ОЭСР), Организации Объединенных Наций (далее — ООН), Великобритании. Предполагается выявление и описание категории интертекстуальности в современных англоязычных законодательных текстах.

В исследовании использовались следующие методы и приемы: сравнительно-сопоставительный метод (для выявления общего и специфического в текстах законов на английском языке); прием параллельного сопоставления текстов; контекстуальный и семантический анализ; статистический метод (для предоставления количественных данных об исследуемых языковых средствах).

Предполагается, что вновь созданные тексты законов, посвященные противодействию коррупции в Великобритании, связаны явно или неявно множеством интертекстуальных связей как с текстами предшествующих национальных законов по вопросам о противодействии коррупции, так и с соответствующими международными договорами, конвенциями, законами.

Методологической основой исследования послужили работы в области лингвистики текста

советских и российских ученых (А. В. Бондарко, Н. С. Валгиной, И. Р. Гальперина, З. Я. Тураевой, Г. Я. Солганик, О. И. Москальской, Е. И. Беляевой, В. Е. Чернявской), зарубежных ученых (G. Genette, J. Kristeva, Ulrich Broich, Manfred Pfister).

В настоящем исследовании анализируются нормативно-правовые акты на английском языке, посвященные вопросам противодействия коррупции в странах, подписавших международные конвенции по противодействию коррупции. Проблему интертекстуальности связывают с французскими философами и литературоведами. Интертекстуальность была признана изначальным свойством текста со второй половины прошлого века. Французский лингвист Ж. Женетт в книге «Палимпсесты: литература во второй степени» предложил «пятичленную классификацию разных типов взаимодействия текстов: 1) **интертекстуальность** как «соприсутствие» в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и так далее); 2) **паратекстуальность** как отношение текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу; 3) **метатекстуальность** как комментирующая и часто критическая ссылка на свой предтекст; 4) **гипертекстуальность** как осмеяние или пародирование одним текстом другого; 5) **архитекстуальность**, понимаемая как жанровая связь текстов» [8. С. 120–121]. Мы придерживаемся в настоящем исследовании классификации Ж. Женетта с учетом некоторых поправок, поскольку его подход отражает идеальные случаи тематизации интертекстуальных отношений.

При описании материала исследования кратко подчеркнем национальное своеобразие правовой системы Великобритании. На территории Великобритании действует одновременно несколько правовых систем. Английское право применяется в пределах юрисдикции Англии и Уэльса и подразделяется на две неразрывно связанные ветви: общее (или прецедентное) право и право статутов — актов Парламента. Эдуард Дженкс, исследователь истории права Англии и Уэльса, так описывает появление правовых норм в английских законах: «В отличие от судебного решения, закон (статут) есть формальное постановление относительно какого-нибудь правила поведения, подлежащего в будущем соблюдению со стороны тех лиц, к которым оно обращено. Закон требует точной формулировки. В сравнительно редких случаях он стремится установить уже существующее право, но даже и тут часто весьма сомнительно, чтобы творцы законов сами думали, что они устанавливают уже существующее право. В подавляющем большинстве законов не делается попытки скрыть то обстоятельство, что лицо или учреждение, выпускающее закон, откровенно предписывает новые правила поведения» [3. С. 42].

Исследуемые документы выделены в группы в соответствии с поставленной гипотезой. *Первая группа* документов — международные конвенции (или международные договоры). Высокий статус этих документов объясняется тем, что в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров (*Vienna Convention on the Law of Treaties 1969*) страны-подписанты обязаны руководствоваться принципом приоритета международных договоров над национальными законами. *Вторая группа* документов — это кодексы поведения государственных служащих: ООН, Европейского Союза, США. *Третья группа* документов — это законодательные документы по противодействию коррупции Великобритании и США. *Четвертая группа* документов — это так называемые «пояснительные записки» к текстам антикоррупционных законов.

Первый рассматриваемый текст — «*Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию*» (1999 г.) прямо указывает на связь с другими текстами в самой преамбуле: «*Recalling the conclusions and resolutions of the 19th (Malta, 1994), 21st (Czech Republic, 1997) and 22nd (Moldova, 1999) Conferences of the European Ministers of Justice;*

Taking into account the Programme of Action against Corruption adopted by the Committee of Ministers in November 1996;

Taking also into account the feasibility study on the drawing up of a convention on civil remedies for compensation for damage resulting from acts of corruption, approved by the Committee of Ministers in February 1997;

Having regard to Resolution (97) 24 on the 20 Guiding Principles for the Fight against Corruption, adopted by the Committee of Ministers in November 1997, at its 101st Session, to Resolution (98) 7 authorising the adoption of the Partial and Enlarged Agreement establishing the “Group of States against Corruption (GRECO)”, adopted by the Committee of Ministers in May 1998, at its 102nd Session, and to Resolution (99) 5 establishing the GRECO, adopted on 1st May 1999;

Recalling the Final Declaration and the Action Plan adopted by the Heads of State and Government of the member States of the Council of Europe at their 2nd summit in Strasbourg, in October 1997».

Отметим, что упомянутые тексты в преамбуле являются официально-деловыми документами, но не обязательно законодательного стиля и могут относиться к другим жанрам (декларации, планы действий, резолюции, программы, рекомендации, соглашения) документов, созданных на уровне региональных и международных организаций. С точки зрения категории интертекстуальности, указанные нами ссылки из преамбулы не являются цитатами. В соответствии с терминологией, предложенной В. Е. Чернявской [9], речь идет о так называемой «*фоновой ссылке*», когда делается неполная ссылка на какой-то текст. Полагаем, что в связи с жанровой специфичностью законов, а также предьявляемыми к законам принципами ясности и понятности законодатель (прескриптор / автор / группа авторов) обозначает взаимодействие между текстами «*делая видимым для читателя с помощью формальных средств <...> интертекстуальность в таком ее понимании сводится к намеренно маркированной интертекстуальности*» [9. С. 187]. Это, в свою очередь, предполагает, что не только законодатель/автор «<...> намеренно и осознанно включает в свой текст фрагменты иных предтекстов, но и адресат способен верно определить авторскую интенцию и воспринимает текст в его диалогической соотнесенности. Речь, следовательно, идет о таком коммуникативном процессе, необходимой предпосылкой и условием которого является

«интертекстуальное сознание» обоих партнеров. При этом адресат направляется автором в его интертекстуальном чтении «по следам» [9. С. 187]. Немецкие ученые У. Бройх и М. Пфистер разделили интертекстуальность по принципу «**системно-текстовая референция**» — «**однотекстовая референция**» [9. С. 186–187]. Противопоставление между текстом конкретного закона и текстом комментария к нему относится к «**однотекстовой референции**». Отношения текста конкретного закона и системы текстов изучаются как «**системно-текстовая референция**».

Далее, для исследования связей между текстами закона и комментария к нему, рассматривались пары: «*Civil Law Convention on Corruption*» — «*Civil Law Convention on Corruption Strasbourg (Explanatory Report)*»; «*Criminal Law Convention on Corruption (Explanatory Report)*»; «*Bribery Act 2010*» — «*Bribery Act 2010 (Explanatory notes)*». Как указывает М. В. Коновалова в своей диссертации, «по своему содержанию, выделяются три типа комментариев: *комментарии-толкования, комментарии-интерпретации и смешанный тип*. Комментарии-толкования могут раскрывать одно или несколько понятий, упомянутых в правовой норме. Комментарии-интерпретации описывают практическую ситуацию применения закона. Часто такое описание дополняется ссылкой на другие пункты и даже на другие законы, связанные со сферой применения. *Смешанный тип* включает и толкование понятий, и описание ситуации правоприменения» [4. С. 20]. По описанным признакам все три исследуемых нами комментария относятся к *смешанному типу*, поскольку включают и толкование понятий, и описание ситуации правоприменения.

В результате исследования выявлены наиболее интенсивные отношения между текстами в паре «закон — пояснительная записка». Выявленные отношения — **метатекстуальные** (под *метатекстуальностью* понимается авторский комментарий в отношении содержания текста). Как верно отмечает М. В. Коновалова, «установление метатекстуальных связей между текстом закона и комментариями к нему осуществляется через использование одной и той же юридической лексики, общего порядка слов, рамочных конструкций, одних и тех же видов предложений, сложных предлогов и так далее» [4. С. 19].

На примере пункта 36 пояснительной записки к британскому закону «*Bribery Act 2010*

(*explanatory notes*)» отметим явление в интертекстуальности, **ранее не описанное в лингвистике** (либо нами не обнаруженное). В связи с чем мы предлагаем описательное определение выявленного явления: «*Перенос фрагментов норм права из первоначального (оригинального) текста в другие, без указания на текст-источник, далее — перенос норм права*». Учитывая, что такой «перенос норм права» предписан требованиями, предъявляемыми международными региональными организациями к странам участникам с целью приведения национального законодательства в соответствие с выбранными и одобренными подходами и концепциями к разрешению общих проблем.

Итак, пункт 36 Bribery Act 2010 (*explanatory notes*).

«36. *Foreign public officials are defined in subsection (5) to include both government officials and those working for international organisations. The definition draws on Article 1.4(a) of the OECD Convention. Similarly, the definition of “public international organisation” in subsection (6) draws on Commentary 17 to the OECD Convention*».

Как следует из пояснительных примечаний к закону Министерства юстиции в п. 36 *Иностранные должностные лица, установленные в пункте (5), включают в себя государственных чиновников и работающих в международных организациях*. Определение опирается на статьи 1.4 (a) Конвенции ОЭСР. Кроме того, определение «публичной международной организации» в подразделе (6) опирается на Комментарий 17 к Конвенции ОЭСР. Сравним приведенные нормы. Норма права, упомянутая в «*Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions (adopted by the Negotiating Conference on 21 November 1997)*».

«*Article 1*

The Offence of Bribery of Foreign Public Officials
4. *For the purpose of this Convention:*

a) “*foreign public official*” means any person holding a legislative, administrative or judicial office of a foreign country, whether appointed or elected; any person exercising a public function for a foreign country, including for a public agency or public enterprise; and any official or agent of a public international organisation»;

Соответствующая цитата из Bribery Act 2010.

«(5) “*Foreign public official*” means an individual who —

(a) holds a legislative, administrative or judicial position of any kind,

whether appointed or elected, of a country or territory outside the

United Kingdom (or any subdivision of such a country or territory),

(b) exercises a public function —

(i) for or on behalf of a country or territory outside the United Kingdom (or any subdivision of such a country or territory), or

(ii) for any public agency or public enterprise of that country or territory (or subdivision), or

(c) is an official or agent of a public international organisation».

Перейдем к следующему фрагменту:

«17. “Public international organisation” includes any international organisation formed by states, governments, or other public international organisations, whatever the form of organisation and scope of competence, including, for example, a regional economic integration organisation such as the European Communities».

Соответствующее определение «публичной международной организации» в тексте Bribery Act 2010 в подразделе (6):

«(6) “Public international organisation” means an organisation whose members are any of the following —

(a) countries or territories,

(b) governments of countries or territories,

(c) other public international organisations,

(d) a mixture of any of the above».

Итак, комментарий к Закону «О Взятках 2010» (Bribery Act 2010) Министерства юстиции Великобритании указывает, что норма права принята в соответствии с формулировкой, предложенной извне. В действительности, буквального «переноса нормы права» не обнаружено. Полагаем, что правовая норма была «вписана» в национальный закон Великобритании в соответствии с традициями и стилем национального законодательства. Более того, отсутствуют какие-либо графические и композиционные указатели того, что правовая норма (или *смысл*) в национальный закон привнесена извне.

Исследование текстовой категории интертекстуальности британского закона «О Взятках 2010» (Bribery Act 2010) мы сопроводили рассмотрением более ранних британских текстов законов о противодействии коррупции, поэтому наряду с Bribery Act 2010 (UK) исследуются Public Bodies Corrupt Practices Act 1889, Prevention of Corruption Act 1906, Prevention of Corruption Act 1916. Композиционная структура закона «Bribery

Act 2010» заметно отличается от упомянутых более ранних британских законов, посвященных вопросам противодействия коррупции. Отсутствуют такие (ранее обязательные) композиционные части, как заметки на полях (наименование пунктов и разделов закона). Кроме того, появились отдельные листы CONTENTS (содержание), излагающие содержание текста закона и приложения к закону (Schedule 1, Schedule 2).

Отметим, что появившийся лист, предваряющий текст закона CONTENTS (содержание/оглавление), относится к явлению взаимодействия текстов — *паратекстуальности*. Прагматическая функция оглавления — резюмировать содержательно-фактуальную информацию через названия глав и разделов, составляющих текст закона, с целью облегчить читателю поиск интересующей главы/раздела.

Раздел 19 «Bribery Act 2010» содержит ссылки на законы: Public Bodies Corrupt Practices Act 1889; Prevention of Corruption Act 1906; Interpretation Act 1978. Как было отмечено, в конце Закона содержатся Schedule 1 и Schedule 2, в результате чего у читателя снова появляется возможность сопоставить тексты законов. Как указывает М. Г. Маловичко, необходимость обеспечения ретроспективных интертекстуальных связей обуславливает существование еще одного завершающего композиционного фрагмента, оформленного, как правило, в виде таблицы, в результате чего осуществляется *принцип юридической преемственности* и реализуются интертекстуальные ссылки на *прецедентные тексты* [7].

В «Bribery Act 2010» представлены эксплицитные маркеры интертекстуальности — *фоновые ссылки* на тексты законов, которые явились предтекстами для создания нового закона, а также ссылки на законы, которые будут аннулированы, либо изменены в связи со вступлением в силу нового закона. С учетом точки зрения Пфистера и Бройха полагаем, что *сверхтекстом* по отношению к тексту «**Bribery Act 2010**» являются законы, указанные в Списке 1 и Списке 2, а также Конвенции ООН, Совета Европы, Рекомендации ЕС, ОЭСР, ГРЕКО (Группа государств по борьбе с коррупцией), посвященные вопросам противодействия коррупции, борьбы с легализацией преступных доходов и так далее, на которые имеются ссылки. При определении признаков *горизонтальной интертекстуальности* установлено, что основным способом заимствования явились не фрагменты текста-источника (*предтекста*),

а указание на какой-либо его формальный признак. Не были отмечены случаи полноценного заимствования и интеграции в текст-«носитель» (в виде цитаты, отмеченной графически по правилам). Большинство отмеченных случаев — условное заимствование с формальным указанием на «*паратекст*» (по Ж. Женетту), то есть на окружение, оболочку, выходные данные и т. п. (то есть *ссылки*).

С точки зрения *вертикальной интертекстуальности* нами установлены три типа межтекстовых связей: *одноязыковые, иноязычные, символные*. *Одноязычный тип* межтекстовых связей предлагается считать нулевым уровнем вертикального измерения интертекстуальности, при котором устанавливаются связи между текстами, написанными на одном языке. Большинство межтекстовых связей принадлежат именно к этой разновидности. *Иноязычные связи текста*, будь то цитата, ссылка или авторский текст на другом языке, которые являются вертикальными отношениями более высокого уровня, отношениями, связывающими текст с другим естественным языком, *были* отмечены через выявленные случаи использования так называемых «латинизмов». Использование выявленных латинизмов в тексте англоязычного закона мы относим к сигналам интертекстуальной адресованности, маркированности лексическими средствами с помощью юридических терминов на другом языке.

Особую роль в формально-знаковом выражении интертекстуальных связей играет системное заимствование, когда автор при создании собственного текста заимствует другую знаковую систему: как естественную, так и искусственную. *Символьными связями текста* называется разновидность межтекстовых связей, при которых устанавливается взаимоотношение между текстом статьи и какой-либо искусственной системой символов (язык формул, чертежей, схем, графиков и так далее). Тексты законов: *Public Bodies Corrupt Practices Act 1889; Prevention of Corruption Act 1906; Prevention of Corruption Act 1916; Bribery Act 2010; Bills of Exchange Act, 1882* — каждый содержит графическую отсылку к гербу Великобритании, главе государства — королю или королеве. Британские законы связаны графическими изображениями гербов (символами королевской власти, символами государства Великобритании), то есть с использованием искусственной знаковой системы — пример сим-

вольных связей текста.

Ю. М. Лотман считает, что «символы представляют собой один из наиболее устойчивых элементов культурного континуума. Являясь важным механизмом памяти культуры, символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного ее пласта в другой. Пронизывающие диахронию культуры константные наборы символов в значительной мере берут на себя функцию механизмов единства: осуществляя память культуры о себе, они не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты» [6. С. 242].

Все пять указанных британских законов помимо герба несут закодированные ссылки на Главу государства и Главу законодательства, как в случае королевы Елизаветы II: [52 & 53 VICT.]; [6 EDW. 7.]; [6 & 7 GEO. 5.]; ELIZABETH II, с. 23. Подобная надпись присутствует на каждой странице соответствующего закона. К «*прецедентным именам*» или «*прецедентным высказываниям*» мы отнесли имена соответствующего царствующего монарха, латинизм «*Anno Domini*», устойчивые выражения «*Be it enacted*»; «*the Queen's most Excellent Majesty*»; «*the Lords Spiritual and Temporal, and Commons*»; «*Parliament assembled*». Полагаем, что выявленные факты позволяют сделать вывод о значении «прецедентного имени» в законодательном тексте и его прагматическом воздействии на читателя (получателя) закона.

Альберт Вэнн Дэйси (1835–1922) английский юрист (и член-корреспондент Российской академии наук с 1916 г.) постулирует, что «Со времени норманнского завоевания во всех политических учреждениях Англии всегда выдавались двѣ характерныя черты. Первая черта — полновластїе или неоспоримое верховенство центрального правительства во всей странѣ. Въ первые періоды нашей исторїи представительницей этой власти государства или націи была Корона. Король был источникомъ права и охранителемъ порядка <...>. Это господство королевской власти перешло теперь въ верховенство парламента» [2. С. 205].

В. В. Красных полагает, что «национально-прецедентные феномены и стереотипы (которые всегда национальны) определенным образом влияют на процессы порождения и восприятия текстов» [5. С. 238]. Вместе с тем, по мнению В. Е. Чернявской, «минимальное требование лингвистики, предъявляемое к текстам, — наличие языковых знаков, которые в ряде слу-

чаев должны быть *доминантными*» [9. С. 86]. Некоторые отечественные исследователи называют описываемые нами тексты «*креолизованными*». Поскольку текст кодируется в разных знаках — вербальных и изобразительных, при этом создается «*особый лингво-визуальный феномен, в котором вербальный и изобразительный компонент образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее его комплексное, прагматическое воздействие на адресата*» [1. С. 73].

Русский филолог Роман Якобсон указывал на то, что «при исследовании коммуникации нельзя накладывать ограничений на коммуникативные средства или ее участников» [10. С. 377]. Общеизвестно, что язык и право предстают как

один объект с точки зрения семиотики, и право признается семиотической системой. Выдвинутая гипотеза была подтверждена в том числе путем толкования рекомендаций Министерства юстиции Великобритании к Закону «О взятках» 2010 г. В действительности вновь созданные тексты англоязычных законов, посвященные противодействию коррупции в Великобритании, связаны множеством интертекстуальных связей с текстами законов, созданных Советом Европы, Европейским Союзом, ООН. Выявленные явления интертекстуальности ограничивались «*новыми ссылками*» и впервые описанными формами, получившими условное наименование «*перенос правовой нормы*».

Список литературы

1. Анисимова, Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) / Е. Е. Анисимова // *Вопр. языкознания*. — 1992. — № 1. — С. 71–79.
2. Дайси, А. В. Основы государственного права Англии. Введение к изучению английской конституции / А. В. Дайси. — М., 1905. — 658 с.
3. Дженкс, Э. Английское право. Источники права. Судостроительство / Э. Дженкс. — М., 1947. — 378 с.
4. Коновалова, М. В. Глобальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Коновалова. — Челябинск, 2008. — 25 с.
5. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — М., 2003. — 375 с.
6. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — СПб., 2000. — 704 с.
7. Маловичко, М. Г. Становление и развитие функционального стиля официально-деловой документации в английском языке (прагматические, семантические, структурные аспекты) : дис. ... канд. филол. наук. / М. Г. Маловичко. — СПб., 2002. — 240 с.
8. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. — М., 2000. — 280 с.
9. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. — М., 2009. — 248 с.
10. Якобсон, Р. О. Избранные работы / Р. О. Якобсон. — М., 1985. — 460 с.

Сведения об авторе

Александр Георгиевич Зверев — аспирант кафедры английского языка Института филологии и журналистики, Тюменский государственный университет. Тюмень, Россия. antikrizis00@list.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 11 (407). *Philology Sciences. Iss. 109. Pp. 21–27.*

THE CATEGORY OF INTERTEXTUALITY IN ENGLISH LEGISLATIVE TEXTS

A. G. Zverev

Tyumen State University, Tyumen, Russia. antikrizis00@list.ru

The article explores the issue of textual category of intertextuality in texts of English laws about the UK's Bribery Act and the other relevant anticorruption acts. Britain has a whole set of such laws created over a

century ago. Despite this, «Bribery Act 2010» borrows explicitly or implicitly approaches of the regional and international organizations. In the context of a broad approach to the study of intertextuality, we have studied the relationships between texts and semiotic system. We made the conclusion about the existence of a special type of legislative text the UK, which combines multiple sign systems. It is proved that the newly created texts of laws on corruption counteraction in the UK are bound by the many intertextual connections with similar laws created by the Council of Europe, European Union, and UN. We have offered a description of a new form of intertextuality.

Keywords: *law, interpretation, statute, rules, law language, text category, intertextuality.*

References

1. Anisimova E.E. Paralingvistika i tekst (k probleme kreolizovannyh i gibridnyh tekstov) [Paralinguistics and text (to the problem of creolized and hybrid texts)]. *Voprosy yazykoznaniya* [The Issues of Linguistics], 1992, no. 1, pp. 71–79. (In Russ.).
2. Dajsi A.V. *Osnovy gosudarstvennogo prava Anglii. Vvedenie k izucheniyu anglijskoj konstitucii* [Introduction to the Study of the Law of the Constitution]. Moscow, 1905. 658 p. (In Russ.).
3. Dzhensk E. *Anglijskoe pravo. Istochniki prava. Sudoustrojstvo* [English law. The sources of law. The judicial system]. Moscow, 1947. 378 p. (In Russ.).
4. Konovalova M.V. *Global'nye kategorii kogerentnosti i intertekstual'nosti v yuridicheskom diskurse* [The global categories of coherence and intertextuality in the legal discourse]. Chelyabinsk, 2008. 25 p. (In Russ.).
5. Krasnyh V.V. «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? [«Your» among «aliens»: myth or reality?]. Moscow, 2003. 375 p. (In Russ.).
6. Lotman Y.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, 2000. 704 p. (In Russ.).
7. Malovichko M.G. *Stanovlenie i razvitie funkcional'nogo stilya oficial'no-delovoj dokumentacii v anglijskom yazyke (pragmaticheskie, semanticheskie, strukturnye aspekty)* [Formation and development of the functional style of official and business documentation in English (pragmatic, semantic, and structural aspects)]. St. Petersburg, 2002. 240 p. (In Russ.).
8. Fateeva N.A. *Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov* [Counterpoint of intertextuality, or Intertext in the world of texts]. Moscow, 2000. 280 p. (In Russ.).
9. Chernyavskaya V.E. *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Text linguistics: Polycodes, intertextuality, interdiscursiveness]. Moscow, 2009. 248 p. (In Russ.).
10. Jakobson R.O. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow, 1985. 460 p. (In Russ.).

УДК 81'33
ББК 81.1

МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ПАРАМЕТРОВ РЕЧИ ДИКТОРОВ-НОСИТЕЛЕЙ СЕЛЕМДЖИНСКОГО ГОВОРА ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА

Т. В. Кравец

Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-04-12004в

Рассматривается связь методов полевой лингвистики и документирования исчезающих языков на примере изучения языка Амурских эвенков и создания звукового корпуса эвенкийской речи. Подробно описываются основные методы сбора социолингвистического материала: анкетирование и интервьюирование. Особое внимание уделяется методике работы с дикторами-информантами, говорящими на описываемом языке. Акцентируется, что при описании малоизученного селемджинского говора эвенкийского языка на основе полевого подхода большое значение имеет правильный подбор информантов по определенным параметрам.

Ключевые слова: *методы полевой лингвистики, селемджинский говор, Амурские эвенки, анкета, интервью, документация языков, информанты, звуковой корпус, значимые параметры.*

Настоящая статья выполнена в рамках полевой лингвистики и посвящена описанию методов и подходов, применяемых в процессе сбора, накопления языкового материала в изучении селемджинского говора эвенкийского языка на основании работы с его носителями в рамках проекта «Речевой корпус эвенкийского языка (аннотированный)».

Как справедливо заметил Г. Ф. Миллер, «самыми вескими доказательствами происхождения того или иного народа являются те, которые основаны на его языке» [6. С. 12]. В свете современной ситуации в мире, связанной с состоянием большинства языков, данный тезис можно интерпретировать следующим образом: проблему описания языка на сегодняшний день можно назвать самой актуальной в области языкознания ввиду отсутствия адекватных описаний большого числа человеческих языков в связи с реальной угрозой существованию для многих из них.

В лингвистике исследователь того или иного языка чаще всего является либо его носителем, либо очень хорошо владеет им и может использовать себя в качестве эксперта, в распоряжении которого находится богатый языковой материал. В то время как ученый, описывающий малоизученный язык, лишен всего этого, поэтому доступ к изучаемому языку он может получить лишь при обращении к языковой компетенции

носителя языка, или, другими словами, информанта, что возможно сделать в рамках полевой лингвистики [8], специфика которой заключается в том, что она относится к прикладным наукам и входит в раздел языкознания как комплекс методов для изучения и описания языка, которым лингвист практически не владеет, и всю информацию о языке получает в виде продуктов языковой деятельности из уст носителей описываемого языка [5].

С полевой лингвистикой тесно связана сравнительно молодая область лингвистики — документирование языков (языковая документация), иными словами, изучение языков в среде их естественного обитания. В отличие от описания языков, цель документирования — сбор и накопление большого количества материала о малоизученных языках, который позволит в дальнейшем изучать их даже в том случае, если новых данных собрать будет уже невозможно. Задача документирования — не только собрать языковые данные, но и сделать их доступными, особенно в электронной форме, что значительно повысит эффективность лингвистического исследования, позволит избежать повторения одной и той же работы другими учеными и при этом сохранить как можно больше языковых данных для следующих поколений — как для будущих исследователей, так и для носите-

лей изучаемых языков. Особенно актуальной эта задача стала в последние десятилетия из-за стремительного сокращения языкового разнообразия, когда опасности исчезновения подверглись малые языки, не имеющие официального статуса и зачастую не обладающие социальным престижем [1]. Документация языка предполагает следующие основные компоненты. Во-первых, это сбор спонтанных текстов, чем собственно и занимается полевая лингвистика. Во-вторых, это обработка текстов, требующая привлечения всей грамматической и словарной информации о языке, последовательная транскрипция, морфологическое членение и адекватный перевод.

Говоря о методах полевой лингвистики, Н. Р. Сумбатова называет два основных метода работы с информантами: экспериментальный метод и метод наблюдения. В первом случае лингвист задает информанту прямые вопросы или определенные задания (так называемый метод элицитации, когда информанта просят что-то перевести или сказать). Во втором случае он старается не влиять на языковое поведение носителя, а просто фиксирует произведения, которые тот создает [9].

По словам лингвиста, выбор метода должен зависеть от нескольких факторов. К основному фактору Н. Р. Сумбатова относит самих носителей языка, с которыми работает полевой лингвист. Если он имеет дело с пожилыми людьми или физически слабыми, или с людьми, которые знают язык недостаточно хорошо, то метод элицитации здесь неуместен, нужно использовать метод наблюдения, то есть стараться обходиться записью текстов и извлечением необходимой информации из них. Если информанты — физически сильные, молодые, активные, желающие работать, хорошо знающие язык люди, то метод элицитации здесь вполне подходит. Однако, как отмечает Н. Р. Сумбатова, если лингвист работает с малым языком, до сих пор не изученным, и будет пользоваться только методом записи текстов, то работа по описанию языка может растянуться надолго [9].

Необходимо учитывать и другой немаловажный фактор — состояние, в котором находится изучаемый язык: от степени его изученности зависит метод анализа текстов, так как основные факты про язык уже известны. Если же язык вымирающий и на нем уже говорит небольшое количество людей, то метод сбора текстов особенно важен, так как тексты будут представлять собой

очень ценный материал для лингвистов, которые будут заниматься этим языком, когда он окончательно исчезнет [9].

Лингвисты часто сталкиваются с проблемой отбора информантов, например, в диалектологической экспедиции при подборе информантов для описания ранее не исследованного языка, при подборе дикторов для инструментального фонетического анализа [2]. Данная проблема связана, как правило, с устным интервью и анкетированием, которые относятся к основным методам сбора социолингвистического материала.

Метод интервью заключается в получении фактического материала, характеризующего спонтанное речевое поведение людей. Интервью может проводиться в форме свободной беседы исследователя с информантом на заданную тему или состоять из заранее подготовленных и, как правило, логически связанных друг с другом вопросов, провоцирующих опрашиваемого на употребление тех или иных языковых единиц [2].

Самым распространенным и надежным методом получения социолингвистической информации считается анкетирование. Оно применяется в основном при обследовании больших совокупностей говорящих. Традиционная анкета представляет собой перечень вопросов, которые могут содержать заранее заготовленные варианты возможных ответов. Такие вопросы в социолингвистике называются закрытыми (в анкетах они преобладают); им противопоставлены открытые вопросы, когда респондент сам выбирает и форму, и содержание ответов [2]. Социологическая часть анкет включает стандартный блок: вопросы о языковой биографии; демографические вопросы; вопросы о настоящей языковой деятельности; вопросы о языковом окружении; вопросы, касающиеся языковых умений и навыков на основе самооценки анкетированных.

Прикладное значение полевой лингвистики и ее связь с документированием языков трудно переоценить, например, при выявлении проблем современного состояния дел с эвенкийским языком. Еще в середине XIX в. ученые, изучающие специфику развития эвенкийского языка в России, столкнулись с проблемой его постепенного исчезновения, представляющего собой медленный, но верный, проходящий через поколения процесс вымирания.

Н. Я. Булатова считает эвенкийский язык исчезающим, терпящим бедствие, который, будучи фактически малоизученным и практически

системно не описанным, снижает свой социальный статус, прекращает использоваться в качестве основного средства общения в национальных поселках [3]. Язык продолжает употребляться на бытовом уровне лишь в некоторых районах компактного проживания эвенков представителями старшего и среднего поколений.

Согласно классификации языков, представленной в Красной книге ЮНЕСКО, эвенкийский язык относится к группе так называемых «неблагополучных» (endangered) языков, которые имеют такие признаки, как сокращение числа детей, говорящих на языке, а также наличие общего количества носителей языка менее 1 млн [11]. В Атласе языков мира неблагополучными языками считаются те, число носителей которого может колебаться от одной тысячи до миллиона, при этом некоторые дети говорят на языке, но их число сокращается. В некоторых районах положение эвенкийского языка можно назвать серьезно уязвимым (severely endangered): на языке говорит старшее поколение; поколение родителей может его понимать, но не говорит на нем с детьми или между собой [10].

Понимая, что в условиях полиэтнической России эвенкийский этнос не должен потерять свою идентичность, в Амурском государственном университете города Благовещенска сотрудники лаборатории экспериментально-фонетических исследований на базе кафедры иностранных языков разрабатывают корпус речи амурских эвенков для хранения собранной лингвистической информации и использования данных в исследовательских и образовательных целях. Составление звуковой базы спонтанной речи носителей языка как никогда актуально для эвенкийского языка Амурской области. Создание звукового архива имеет огромное значение для лингвистического исследования селемджинского говора эвенкийского языка в Амурском регионе. Корпус представляет собой фонотеку отдельно произнесенных звуков, фонотеки слогов и слов, а также образцы спонтанной речи носителей эвенкийского языка в виде отдельных файлов, сопровождающихся словарным и текстовым описанием. Фоноархив образцов речи эвенков Амурской области позволяет проводить экспериментально-фонетический анализ с описанием акустических свойств звуковых единиц, фонологическую интерпретацию фонетических явлений при помощи компьютерных программ «PRAAT», «Wave Assistant».

Богатый лингвистический материал, собранный в многочисленных экспедициях, и звукозаписи (**16 часов звучания**) определили в дальнейшем одно из научных направлений лаборатории, а именно комплексное исследование языка Амурских эвенков, проводимое по нескольким аспектам (лингвистический, социолингвистический и культурный аспекты), что дает возможность основательно изучить звуковой строй селемджинского говора эвенкийского языка. Аудиозаписи речи селемджинских эвенков, полученные в период с 2011 по 2014 г. в ходе экспедиций в Зейском (пос. Бомнак), Тындинском (с. Усть-Нюкжа, Усть-Уркима, Первомайское), Мазановском (пос. Майский) и Селемджинском (пос. Улгэн или Ивановское) районах Амурской области, сопровождались анкетами, составленными на каждого информанта-диктора [7].

В процессе работы над созданием мультимедийной базы звучащей эвенкийской речи используются такие методы исследования, как: 1) лингвистические методы определения представительности языкового материала; 2) методы и подходы полевой лингвистики (интервьюирование, анкетирование и др.); 3) методы речевых технологий (комплекс методов звукозаписи, обработки и анализа речевого сигнала).

Хотелось бы подробнее остановиться на основных методах полевой лингвистики, использованных при изучении современного состояния эвенкийского языка в Амурском регионе. Параллельно со сбором языковедческого материала проводился социолингвистический анализ, который включал в себя методы сбора, обработки и оценки достоверности полученных данных, метод содержательной интерпретации собранного материала, метод наблюдения, письменное анкетирование, устные интервью, метод элицитации, направленный на то, чтобы выявить определенные закономерности во владении эвенкийским языком и в использовании его говорящими в той или иной ситуации.

Заполнение социолингвистических анкет было нацелено как на объективное исследование функционирования языка в обществе, так и на оценку носителями языка их практического владения селемджинским говором эвенкийского языка. Вопросы паспортной группы (пол, возраст, национальность, место жительства, социальное положение и т. п.) задавались исключительно с целью последующего распределения по соответствующим рубрикам.

Среди **шестидесяти девяти** опрошенных информантов есть как представители администрации районов Амурской области, имеющие высшее образование и занимающиеся интеллектуальным трудом, так и люди, получившие только среднее образование — охотники, оленеводы, для которых эвенкийский язык является родным, постоянно используемым в кругу семьи и родственников.

Поскольку представители старшего поколения амурских эвенков до сих пор обнаруживают достаточно хорошие знания своего родного языка, то естественно, что при сборе языкового материала мы больше ориентировались на лиц пожилого и среднего возраста (от 50 лет и старше), предполагая у них наиболее высокий уровень владения эвенкийским языком.

При выборе информантов-дикторов учитывались следующие факторы:

1. Информант-диктор не имеет никаких патологических отклонений в речепроизводстве (в речевом аппарате).

2. Темп речи нормальный.

3. Предки информанта-диктора являются представителями определенного эвенкийского рода.

4. О каждом информанте имеются данные о его месте рождения, факте проживания в тайге и длительности проживания в компактных местах проживания сородичей.

При составлении анкеты для проведения звукозаписи сотрудники лаборатории экспериментально-фонетических исследований АмГУ ориентировались на ключевые требования к кандидатурам информантов, предложенные коллективом филологического факультета СПбГУ, занимающегося звуковым корпусом русской речи. Данные параметры включали в себя: SCode: код информанта; SName: имя информанта по анкете; Gender: пол информанта; Age: возраст информанта на момент записи; PBirth: место рождения; Gender: пол информанта; MLang: родной язык; Langs: другие языки, которыми владеет информант; Nat: национальность родителей (по желанию); SClass: социальное; Edu: уровень образования; Diploma: квалификация (специальность) информант по диплому; PProf: прошлые профессии или опыт работы; Prof: профессия или род деятельности в настоящее время; Regions: места длительного проживания; Comments: комментарии [4].

В итоге анкета, предъявляемая дикторам-носителям приамурских говоров эвенкийского языка,

содержит следующие основные социолингвистически значимые параметры:

1. Пол.

2. Возраст.

3. Место проживания.

4. Родовой состав семьи (эвенкийский род).

5. Национальный состав семьи.

6. Образование.

7. Социальное положение.

8. Профессия.

9. Уровень владения эвенкийским языком: не знаю; знаю несколько слов; понимаю, но не говорю; понимаю и говорю, но на бытовом уровне; могу говорить, читать и писать на эвенкийском языке.

10. Уровень владения русским языком: не знаю; знаю несколько слов; понимаю, но не говорю; понимаю и говорю, но на бытовом уровне; могу говорить, читать и писать на русском языке.

11. Длительность проживания в тайге.

12. Длительность нахождения в компактных местах проживания сородичей.

13. Длительность проживания среди русского населения.

14. Нужно ли сохранять эвенкийский язык и культуру?

15. Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети говорили и учили эвенкийский язык?

16. Можно ли сохранить эвенкийский язык для будущих поколений?

17. Что можно для этого сделать?

18. Фото информанта (при его согласии).

Исходя из вышесказанного ясно, что существуют разные формы и методы работы с информантами, но в любом случае исследователь не должен ограничиваться фактами спонтанной речи, а выбирать определенный активный метод получения социолингвистических данных. Полевой подход к изучению эвенкийского языка дает возможность получения информации о языке на основании работы с его носителями. Основным этапом исследования при таком подходе к изучению языка являются суждения самих информантов — носителей селемджинского говора эвенкийского языка. Так как одним из важнейших методов извлечения лингвистической информации при описании малоизученного языка является составление анкеты, включающей перечень лингвистически значимых признаков: пол, возраст, уровень образования, знание языков, род занятий, место рождения и место наиболее длительного жительства, то

при документировании языков малочисленных народов России, а именно селемджинского говора Амурских эвенков, находящегося под угрозой исчезновения, большую роль в обработке полученных данных и разработке корпуса играет правильный подбор информантов по опреде-

ленным параметрам, что позволит изучить современное состояние селемджинского говора амурских эвенков и сберечь наследие языка эвенкийского этноса и связанных с ним культурных традиций, находящихся под угрозой исчезновения.

Список литературы

1. Архипов, А. В. Документирование малых языков: научные и технические аспекты / А. В. Архипов // Языковое разнообразие в киберпространстве: российский и зарубежный опыт. — М., 2008. — С. 76–83. — URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/arkhipov-08.html>.
2. Беликов, В. И. Социоллингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. — М., 2001. — 315 с.
3. Булатова, Н. Я. Говоры эвенков Амурской области / Н. Я. Булатова. — Ленинград, 1987. — 168 с.
4. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи : коллект. моногр. / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. — СПб., 2015. — Ч. 2, т. 2. — URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/Vogdanova-BeglarianNVetal.pdf>.
5. Кибрик, А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке) / А. Е. Кибрик. — М., 1992. — 336 с. — URL: <http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0127176>.
6. Миллер, Г. Ф. История Сибири / Г. Ф. Миллер. — М.; Л., 1937. — Т. 1. — 607 с.
7. Морозова, О. Н. Уровень владения эвенкийским языком в Зейском, Селемджинском и Мазановском районах Амурской области / О. Н. Морозова // Обучение иностранному языку студентов высших и средних общеобразовательных учреждений на современном этапе : материалы Всерос. научно-метод. видеоконференции 17 января 2014 г. — Благовещенск, 2014. — С. 207–214.
8. Полевая лингвистика // Энциклопедия Кругосвет. — URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/POLEVAYA_LINGVISTIKA.html.
9. Сумбатова, Н. Р. Методы полевой лингвистики / Н. Р. Сумбатова. — М., 2013. — URL: <https://postnauka.ru/video/11578>.
10. UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger. — URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/>.
11. UNESCO RED BOOK ON ENDANGERED LANGUAGES: EUROPE. — URL: http://www.helsinki.fi/~tasalmin/europe_index.html#potentially.

Сведения об авторе

Кравец Татьяна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Амурский государственный университет. Благовещенск, Россия. t_kravets@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 11 (407). *Philology Sciences. Iss. 109. Pp. 28–33.*

THE METHOD OF DETERMINING THE LINGUISTICALLY RELEVANT PARAMETERS OF THE SPEECH OF NATIVE SPEAKERS OF SELEMDZHA DIALECT EVENKI LANGUAGE

T. V. Kravets

Amur State University, Blagoveshchensk, Russia. t_kravets@mail.ru

The article discusses the linkage of methods of field linguistics and documentation of endangered languages on the example of studying of a modern condition of the language of Amur Evenki in the process of working on the creation of the speech corpus of the Evenk language. Special attention is paid to methods of working with informants who speak this language. In detail the main methods of collecting sociolinguistic material are described, i.e. questionnaires and interviews. It is noted that filling sociolinguistic questionnaires were aimed at the objective study of the functioning of language in society and on the assessment by the native speakers

of their practical knowledge of Selemdzha accent of the Evenk language. The authors emphasize on the fact that at the description of the little-studied Selemdzha dialect Evenki language based on the field approach the correct selection of informants according to certain parameters is of great importance.

Keywords: *methods of field linguistics, Selemdzha dialect, Amur Evenki, questionnaire, interview, documentation of languages, informants, speech corpus, relevant parameters.*

References

1. Arhipov A.V. Dokumentirovanie malyh jazykov: nauchnye i tehniczeskie aspekty [Documentation of endangered languages: research and technical aspects]. *Jazykovoje raznoobrazie v kiberprostranstve: rossijskij i zarubezhnyj opyt* [Linguistic diversity in cyberspace: Russian and foreign experience]. Moscow, 2008. Pp. 76–83. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics1/arkhipov-08.html>, accessed 02.08.2017. (In Russ.).
2. Belikov V.I., Krysin L.P. *Sociolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow, 2001. 315 p. (In Russ.).
3. Bulatova N.Ja. *Govory jevenkov Amurskoj oblasti* [The Amur Evenki dialects]. Leningrad, 1987. 168 p. (In Russ.).
4. Zvukovoj korpus kak material dlja analiza russoj rechi [Speech corpus as the material for the analysis of Russian speech]. Bogdanova-Beglarian N.V. (ed.). *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza. T. 2, ch. 2* [Theoretical and practical aspects of the analysis, vol. 2, p. 2]. St. Petersburg, 2015. Available at: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/Bogdanova-BeglarianNVetal.pdf>, accessed 05.08.2017. (In Russ.).
5. Kibrik A.E. *Očerki po obshhim i prikladnym voprosam jazykoznanija (universal'noe, tipovoe i specifichnoe v jazyke)* [Essays on General and applied aspects of linguistics (universal, typical and specific in the language)]. Moscow, 1992. 336 p. Available at: <http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0127176>, accessed 03.08.2017. (In Russ.).
6. Miller G.F. *Istorija Sibiri. T. 1* [History of Siberia. Vol. 1]. Moscow; Leningrad, 1937. 607 p. (In Russ.).
7. Morozova O.N. Uroven' vladenija jevenkijskim jazykom v Zejskom, Selemdzhinskom i Mazanovskom rajonah Amurskoj oblasti [The level of knowledge of the Evenk language in the Zeya, Selemdzha, Mazanovsk areas of the Amur region]. *Obuchenie inostrannomu jazyku studentov vysshih i srednih obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij na sovremennom jetape : materialy Vserossijskoj nauchno-metodicheskoj videokonferencii* [The teaching of a foreign language for students of higher and secondary general educational institutions at the present stage : all-Russian scientific-methodical videoconference proceedings]. Blagoveshchensk, 2014. Pp. 207–214. (In Russ.).
8. Polevaja lingvistika [Field linguistics]. *Jenciklopedija Krugosvet* [Encyclopedia Krugosvet]. Available at: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/POLEVAYA_LINGVISTIKA.html, accessed 04.08.2017. (In Russ.).
9. Sumbatova N.R. *Metody polevoj lingvistiki* [Methods for field linguistics]. Moscow, 2013. Available at: <https://postnauka.ru/video/7755>, accessed 02.08.2017. (In Russ.).
10. *UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger*. Available at: <http://www.unesco.org/languages-atlas/>, accessed 03.08.2017.
11. *UNESCO RED BOOK ON ENDANGERED LANGUAGES: EUROPE*. Available at: http://www.helsinki.fi/~tasalmin/europe_index.html#potentially, accessed 03.08.2017.

УДК 81'27
ББК 81.1

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ (на материале социолингвистических проектов «Слово года»)

Ю. А. Мельник

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

В настоящей статье анализируется новейшая лексика, представленная в рейтингах «Слово года–2015». Методологическая база для исследования включает описание текстовых, лексических и грамматических признаков слов, которые отражают наиболее актуальные события в стране и в мире, являются лингвистическими маркерами эпохи, а также сами принимают участие в формировании социально-политического пространства указанного периода и идеологической позиции общества. В исследовании приводится наиболее интересный иллюстративный материал, позволяющий описать основные признаки ключевых слов.

Ключевые слова: *новейшая лексика, слово года, ключевые слова, номинация, дискурс.*

Понятие «ключевое слово» широко применяется в различных областях знаний: лингвистике, психологии, стилистике, литературоведении, лексикографии, методике преподавания и программировании. Ключевые слова также называют словами-символами, словами-маркерами эпохи, словами-ключами [23], словами-хронофактами («слова, характеризующие конкретный факт (явление, событие, понятие и т. п.), свойственные определенному срезу времени» [19. С. 208]), словами-свидетелями, лексическими единицами, господствующими в понятийно-лексическом поле и являющимися ключом для понимания целой группы ассоциируемых понятий, «ядерными словами политических доктрин, парольными словами политических группировок» [26. С. 63], ключевыми терминами [28]. «Слова-ключи» («keywords») используются в информационно-поисковых системах для быстрого поиска необходимой информации. Способность ключевых лексических единиц концентрировать в себе смысл всего текста, выстраивать текстовое единство, то есть «в совокупности с другими ключевыми словами представлять текст», используется в психолингвистическом анализе [12]. Термин «ключевое слово» использовала А. Вежбицкая: «Ключевые слова — это слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [5. С. 282].

В лингвистических исследованиях ключевые слова рассматривались в авторских произведениях, циклах текстов или в дискурсах. Т. В. Шмелёва, предложив в начале 90-х гг. понятие «ключевое слово текущего момента» (далее — КС), выделила ключевые слова не просто

в тексте (или цикле текстов), а применительно к дискурсу современности, объединяющем устную коммуникацию и различные тексты, в т. ч. тексты художественных произведений и средств массовой информации. «Ключевое слово текущего момента — это слово, находящееся у всех на устах, слово, “оказавшееся в центре всеобщего внимания”» [25. С. 33]. «Ключевые слова выступают как своеобразные маркеры той или иной эпохи, определенного исторического периода, они приобретают исключительно важное значение в тот или иной период, обозначают общественно значимые понятия и благодаря своей актуальности становятся популярными у носителей языка» [19. С. 208; 23. С. 6].

Описание ключевых слов нового и новейшего периодов в медийном дискурсе представлено в исследованиях О. С. Иссерс: автор акцентирует внимание на том, что использование ключевых слов задает рамку интерпретации идеологической, этической, гражданской позиции, а динамика ключевых слов — значимая дискурсивная характеристика и существенный показатель социальных сдвигов. Отмечается, что ключевыми словами могут являться не только имена нарицательные, но и собственные, в частности, топонимы [9]. В работе С. В. Ильясовой ключевые слова рассматриваются как объекты языковой игры [7]. Отметим, что понятие «ключевое слово» во многом пересекается с понятием «модного слова», которое также не раз привлекало внимание исследователей [1; 3; 6].

Итак, интерес лингвистов к «ключевым словам эпохи» и «ключевым словам текущего момента»,

описанным в разных аспектах, но в то же время фрагментарно пересекающимся, сохраняется и в настоящее время. Для нас представляется актуальным исследование новейшей лексики, появившейся или актуализировавшейся в информационно-медийном пространстве 2015 г. С одной стороны, ключевые слова, концентрируя в себе лингвистическое ядро календарного года, отражают наиболее актуальные события в стране и в мире, являются лингвистическими маркерами эпохи. С другой стороны, такие слова сами принимают участие в формировании социально-политического пространства рассматриваемого периода и идеологической позиции определенных социальных слоев российского общества. Наблюдение за динамикой ключевых слов текущего момента позволяет провести своего рода лингвистическую диагностику происходящих в обществе процессов.

Материал для исследования взят из нескольких источников. Это лингвистические проекты «Слово года» [16], «Словарь перемен» [15], «Словарь года» [14] и «Пресс-слово года» [11], функционирующие в сети Интернет. Лексические единицы, вошедшие в список «слов года», отражают фокусы общественного внимания «за отчетный период».

Обращение к перечисленным базам эксплицирует два, на наш взгляд, основополагающих момента (в данном случае мы идем вслед за А. Мустайоки, Х. Вальтером и И. Т. Вепревой [примечание наше. — Ю. М.]: «социокультурная детерминированность представленных единиц» и «субъективность процедуры их отбора» [10. С. 123]. Иными словами, в настоящей работе мы, прежде всего, репрезентируем основные черты ключевых слов как в аспекте времени, а следовательно, социокультурной составляющей, так и в аспекте системы русского языка. «Задача предпринятого исследования — выявить специфические особенности актуальных слов, осмысляющих текущий год, и тем самым охарактеризовать феномен проекта «Слово года» [10. С. 123]. То есть задачи описать весь корпус лексем перед нами не стоит.

Данные проекты являются взаимодополняющими, но различаются по методике сбора и обработки языкового материала. Также в источниковую базу вошли примеры из российских газет и блогов. В совокупности рейтинги всех перечисленных проектов показывают, какие лексические единицы находились в центре

общественного внимания в 2015 г., помогают очертить круг наиболее актуальных тем и установить, какие лексемы могут получить статус ключевых слов текущего момента, ключевых слов эпохи.

Итак, для целей нашего исследования представляется актуальным подход, предложенный Т. В. Шмелёвой, которая ввела понятие «ключевого слова текущего момента» [25]. Она в начале 90-х гг. перечислила основные лингвистические признаки, в которых проявляется статус слова, оказавшегося в центре внимания. Эти признаки касались трех аспектов существования слова — текстового, лексического и грамматического [25]. Сам факт попадания слова в исследуемые рейтинги косвенно свидетельствует о его **популярности** и **частотности** употребления, хотя возможность вхождения в круг ключевых слов должна определяться совокупностью признаков.

Наиболее ярко выраженными являются текстовые признаки ключевых слов. Текстовый аспект в первую очередь связан с частотностью использования слова, в том числе в заголовочных комплексах как наиболее сильной позиции текстов СМИ. Такие слова становятся объектом активной массовой **языковой рефлексии**. В результате частого использования слова происходит расширение его синтагматической и парадигматической сочетаемости, изменяются синонимические и антонимические отношения. Ключевое слово служит платформой для образования новых производных, расширения их семантики и сферы употребления. Таким образом, происходит актуализация деривационного потенциала лексической единицы и расширение поля ее метафорического употребления [24].

Ключевые слова также являются своеобразной отправной точкой для активизации словообразовательной активности мыслящей интернет-общественности. В последние годы лингвистами отмечается подъем интереса к языковой игре и словотворчеству. Это связано с быстро меняющейся экономической и общественно-политической обстановкой в стране, что приводит человека рефлексирующего к усилению его лингвокреативной деятельности, то есть желанию выразить свою гражданскую позицию через новое слово, то есть критическое осмысление социальных реалий проявляется в лингвистическом креативе и приводит к формированию лексических новообразований [8].

То или иное событие или акт мыслительной деятельности индивида воспринимается через призму индивидуального мировоззрения и становится источником словотворчества. Происходит поиск и создание нового слова, позволяющего наиболее точно выразить свою идеологическую позицию и показать личную социальную роль. Языковой креатив и желание самовыразиться нестандартным лингвистическим способом продлевает срок жизни некоторых слов, позволяя им проникать в более широкие массы.

Из примеров народного языктворчества, отраженного в исследуемых рейтингах: *сыроцид* (уничтожение сыра, произведенного за границей, по аналогии с «геноцид»), *хамондировка* (выезд за границу с целью приобретения запрещенных продуктов, например, хамона и пармезана), *санкционка* (санкционные продукты), *запрещенка* (запрещенные продукты).

Таким образом, ключевые слова, являясь неотъемлемой частью языка политики, пропаганды, интернет-коммуникации и бытового общения, становятся маркерами происходящих в обществе перемен, а использование хлесткого слова позволяет активно мыслящему представителю современного общества выразить свои мысли в более мягкой, нежели реальные протестные движения, форме.

Помимо этого, рейтинг слов года позволяет «считать» общую экономическую, социально-политическую картину года. Как отмечают исследователи, при изучении российских лингвистических рейтингов, «выявляется складывающаяся закономерность: актуальные слова, проявляясь в их адекватности конкретным социальным обстоятельствам, объединяются в четкие лексико-семантические группировки, с опорой на которые можно выделить тематическую доминанту года. Лейтмотив года обычно сфокусирован в границах политического сознания, за границами списка часто остаются важные события из областей науки, техники, общественной жизни» [10. С. 124]. Так, в 2015 г. лидерами списка стали слова, отражающие обостренную ситуацию на внутривосточной и мировой арене.

Далее мы рассмотрим вышеперечисленные признаки ключевых слов на примере политизированной лексики, представленной в рассматриваемых рейтингах наиболее широко. Следует еще раз подчеркнуть, в своем исследовании мы не ставим цель описать все ключевые слова 2015 г., важно репрезентировать только некоторые из них:

1. «Война», «экстремизм», «ИГИЛ»¹.

Отражают тревожную повестку дня слова, ставшие лидерами списка по версии «Пресс-слова года»: *экстремизм* и *ИГИЛ*. Учитывая, что рейтинги данного проекта базируются на мониторинге СМИ (около 15 тысяч изданий) в период с января по декабрь и учете упоминаемости лексических единиц.

Пресс-портрет 2015 г. точно отражает те темы, которые больше всего волновали россиян в ушедшем году. Слово *импортзамещение*, относящееся к экономической тематике, на наш взгляд, тоже входит в «тревожную повестку», так как его активизация связана с появлением данной реалии, спровоцированной фактом вхождения Крыма в состав России (*Крым наш!*) и введением *санкций* [20].

Дополняет тревожную статистику проекта материалы других рейтингов. Так, в «Слове года» третье место заняла лексическая единица *война*. В первую очередь, частотность ее употребления задана ситуацией войны на Украине, в Сирии и др. Это слово — наиболее яркий пример проявления текстового аспекта политизированной лексической единицы, так как оно очень активно использовалось в заголовках и заголовочных комплексах как в прямом, так и в переносном значении. «“Выдвинутость” реалии в центр общественного сознания выдвигает именуемое ее слово в центральную позицию газетных текстов, которую, без сомнения, представляют собой заголовки» [25. С. 34].

Одно из важнейших политических событий 2015 г. — введение российских войск в Сирию — нашло отражение в следующих заголовках печатных СМИ: «*Война в Сирии: Крылатая ракета-снайпер бьет без промаха с 5000 километров*» (*Комсомольская правда*, 23.11.2015), «*Независимая газета*, 10.11.2015), «*Дорогая война*» (*РБК*, 30.10.2015), «*Каким испытанием для Кремля станет война в Сирии, и почему работа РЖД всё чаще провоцирует социальное напряжение*» (*Тема дня*, 22.10.2015). *Не ослабевает общественный интерес к военному конфликту «в Украине: Война в Донбассе близится к концу»* (*Независимая газета*, 7.09.2015), «*Война ради власти*» (*Российская газета*, 31.08.2015), «*Независимость — это война?*» (*Московский комсомолец*, 25.09.2015), «*Главная война на Украине — впереди*» (*Независимое военное обозрение*, 20.06.2015).

¹Организация запрещена на территории России.

Метафорическое употребление слова *война* с переносом реалий военных действий на сферу экономики (ресурсы и продовольствие) также является яркой приметой 2015 г. Как отмечает Э. В. Будаев, «милитарные метафоры распространены в политическом дискурсе многих стран, а сфера-источник “Война” относится к наиболее частотным исходным понятийным областям, задействованным в метафорическом конструировании мира политики» [4. С. 30]. По мнению А. Н. Баранова, наблюдается корреляция функционирования метафорических моделей и социально-политических кризисов [2]. В заголовках печатных СМИ в 2015 г. находим: «*Ценовая война на рынке нефти — впереди*» (*Независимая газета*, 4.06.2015), «*Война нефтяных цен: все только начинается*» (*Московский комсомолец*, 31.07.2015), «*В Европе развернулась шоколадная война*» (*Независимая газета*, 17.09.2015), «*Война жиров*» (*Российская газета*, 14.09.2015), «*Война с помидорами и карманы россиян*» (*Независимая газета*, 02.12.2015), «*Идет война торговая*» (*Московский комсомолец*, 26.12.2015).

Сам факт активизации слова *война* в заголовках и заголовочных комплексах уже говорит о повышенном проявлении его текстогенности и, следовательно, влечет за собой появление новостных, информационных, аналитических и пропагандистских текстов. На фоне активизации «военной» риторики в целом и усиленного освещения в СМИ военной доктрины России происходит, с одной стороны, внедрение и закрепление лексемы в общественном сознании, с другой — осмысление многочисленных отнюдь не военных ситуаций через метафору военных действий, что отражается в различных типах дискурсов, включая медийный и бытовой.

2. «Санкции».

Обзор лингвистического портрета 2015 г. будет неполным без слова *санкции*. Оно представлено в проектах «Слово года», «Словарь года» и также может быть названо ключевым словом текущего момента. В контексте 2015 г. речь идет о конкретных санкциях, выдвинутых США и странами Европейского союза против России (и ответных российских санкциях). Санкции стали объектом всеобщего внимания в 2014 г. после присоединения Крыма к России, и это слово стремительно ворвалось в медийные тексты и устную речь. На запрос *санкции* поисковые системы Яндекса выдают 69 млн ссылок, Google — около 30 млн.

По данным zagolovki.ru, отмечено около 90 упоминаний в заголовочных комплексах печатных СМИ (на 24.12.2015 г.).

Помимо этого, *санкции* породили большое количество текстов без заголовков: шуток, анекдотов, статусов в социальных сетях и разного рода произведений «малых жанров» — например, надписей в маршрутных такси. При обращении к ресурсам сети Интернет на запрос «Анекдоты про санкции» в Яндексе получаем почти 2 млн ссылок, в Google — 435 тыс. ссылок, что говорит о нахождении в поле общественного внимания как самого понятия, так и порождаемых им текстов.

Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие вышесказанное:

«*Жизнь нужно прожить так, чтобы тебя запретили на Украине и Америка ввела против тебя санкции*»;

«*На общей свадебной фотографии гости получили грустными, потому что когда фотограф крикнул «Сыыыр!», все вспомнили про продуктовые санкции*»;

«*А вы знаете, почему русские раньше так плохо жили? Потому что у них санкций не было!*» (*Анекдоты.ru*, 28.04.2015).

Эти тексты показывают отношение создающих их людей к экономическим санкциям, направленным против их страны и, по сути, в какой-то степени отражают русскую ментальность, а также дистанцированность рядовых носителей языка от идеологического противостояния на политической сцене. В последнем примере имплицитно присутствует насмешка над идеологической доктриной о «пользе» санкций для отечественных производителей.

Помимо перечисленных выше признаков, следует отметить активизацию грамматического потенциала слова *санкции*. Как отмечают исследователи, приобретение словом статуса «ключевого» вызывает активизацию его **грамматических возможностей** (в первую очередь деривационного потенциала), «лавинообразный характер» производства новых слов и формирование широко употребительных **словообразовательных гнезд**, возникающих вокруг слова, отражающих наиболее актуальные понятия нашего времени [13].

Первыми в медиапространстве появились *антисанкции* и *контрсанкции*, как ответ на *санкции*. Затем при помощи приема суффиксальной универбации, когда новые экспрессивные разговорные формы создаются на базе словосочетаний,

появилось слово, отмеченное во всех проектах, — *санкционка* (санкционные продукты), а также связанное с ним слово *запрещенка* (запрещенные продукты). Расширение синтагматических и парадигматических возможностей слова обнаруживается в сочетаниях *путинские санкции*, *обамовские санкции*, *уничтожение санкционных продуктов*.

Для иллюстрации приведем пример из статьи под названием: «Алло! Прокуратура? Я только что живого **венгерского** гуся видел!», в котором, казалось бы, нейтральное относительное прилагательное *венгерский* через фоновые знания отсылает нас к ключевому слову *санкционный* (прием «наведения семы», по И. А. Стернину):

«"Казнь" трех венгерских гусей в Анастове с помощью бульдозера, видео с которым появилось в конце прошлой недели, взорвала YouTube и стала фактически новым юмористическим символом контрсанкций — взамен набившего оскомину пармезана. Корреспонденты "БИЗНЕС Online" отправились в поселок, где пообщались с застрельщиком "расправы" из местной прокуратуры и были встречены целыми стаями местных кур, уток и гусей, которых жители с радостью готовы продать по 1 тыс. рублей за тушку. <...>

Информация о "казни" трех санкционных гусей просочилась даже в зарубежные СМИ.

Жаль, что 99 % жителей Анастова, окруженных тучными стаями выращенных ими гусей, скорее всего, никогда не узнают о вкладе их поселка в информационные войны...» (business-gazeta, 2015).

В данном примере, на наш взгляд, также проявляется текстогенность ключевого слова: целый новостной сюжет становится метафорой, иллюстрирующей фоновые компоненты лексического значения данного слова в контексте актуальной ситуации. Сближение значений «санкции» и «казнь», «приговор» подкрепляет саркастическую установку автора.

Необходимо отметить, что в связи с продлением срока действия санкций «новая» жизнь лексем в медийном пространстве и бытовой сфере продолжается и в нынешнем году.

3. Беженцы.

Безусловно, лингвистический портрет 2015 г. был бы неполным без слова *беженцы*, отмеченного во всех исследуемых нами рейтингах, а жюри «Слова года» признало его победителем. Как отмечает основатель указанного про-

екта М. Эпштейн, интересно то, что «впервые за те девять лет, что проводится конкурс, "Слова года" отнесено не к российской, а к иностранной — европейской и ближневосточной реальности, к жертвам войны. И его победа — это в какой-то мере победа всемирной отзывчивости. Впрочем, по отношению к беженцам российская пресса не ограничилась сочувствием как к жертвам социально-политических катаклизмов: в связи с упоминанием беженцев нередко выражалось насмешливое отношение к жертвам этих жертв — европейцам (отсюда и новое слово — "Еврабия")» [17].

Отметим, что в зарубежных лингвистических проектах слово *беженцы* также занимает лидирующую позицию. Например, в рейтинге главных слов года, составленном Обществом немецкого языка (GfDS) в Висбадене (проводится около 60 лет) [29]. Это же слово оказалось в окончательном списке самых популярных от португальской издательской группы Porto Editora. На втором месте в списке совета по норвежскому языку оказалось слово *беженец*, а понятие *лагерь беженцев* — среди самых актуальных по версии ведущего словаря голландского языка Van Dale.

О том, что данное слово в полной мере отражает «ключевые моменты» 2015 г., свидетельствуют многочисленные употребления в текстах печатных и электронных СМИ. Так, только в заголовочных комплексах печатных изданий встречается более 30 раз в период с марта 2014 по ноябрь 2015 г. (по данным сервиса zagolovki.ru). По запросу поисковая система Google выдает 4 млн ссылок, а Яндекс — около 60 млн (на февраль 2016 г.), что говорит о невероятной популярности исследуемой лексемы.

Первые признаки повышения частотности слова связаны с активизацией общественно-политических процессов на Украине в 2014 г.

«Многие украинские беженцы нашли приют в семьях не только своих российских родственников, но и незнакомых людей. 34 тысячи семей ростовчан разместили их у себя. А те, кто не нашел крова, находятся в стационарных пунктах временного размещения» (Российская газета, 06.08.2014).

Активизация процесса легального и нелегального переселения людей из арабских и африканских территорий в Европу существенно повлияла на частотность и длительность употребления в медийном пространстве слова *беженцы*. Этот процесс отражается в активизации лексемы

в заголовочных комплексах. При этом заголовки далеко не нейтральны, поскольку политическая коммуникация всегда несет в себе не только информацию, но и оценку рассматриваемых реалий [21]. О наличии негативной оценки свидетельствуют такие заголовки печатных и электронных СМИ: «*Нашествие беженцев: через десять лет Европа превратится в Евро-Арабию*» (*Комсомольская правда*, 13.07.2016), «*Беженцы из Сирии штурмуют Мурманск*» (*Мир новостей*, 16.11.2015), «*Куда бегут беженцы?*» (*snob.ru*, 02.07.2015).

Итак, проанализировав материалы из лингвистических проектов («Слово года», «Словарь перемен», «Словарь года» и «Пресс-слово года»), мы пришли к следующим выводам.

Ключевые слова выступают в роли ценностных доминант, которые определяют лингвистический портрет определенного отрезка времени. Сам факт попадания слова в социолингвистический рейтинг «Слово года» говорит о высокой степени рефлексии Интернет-сообщества, так как рейтинги в итоге отражают те темы и идеи, которые волновали общественность в течение календарного года.

В рассматриваемых проектах представлена как политизированная, так и неполитизированная лексика, при этом слова из первой группы стали лидерами списка; что отражает «тревож-

ную повестку дня». На основе анализа рейтингов нами установлено, что в 2015 г. в фокусе общественного внимания находились локальные конфликты на Украине и в Сирии и экономический кризис.

Нельзя не заметить, что тема Украины, особенно остро звучавшая в информационном пространстве 2014 г., в 2015 г. ушла с первых страниц СМИ. Косвенным свидетельством этого стало то, что пейоративы, вошедшие в топ-словарь 2014 г. (*ватники*, *колорады* и т. п.) были вытеснены из рейтингов 2015 г. В течение длительного периода времени актуальными оставались такие слова, как *война*, *санкции*, *ИГИЛ*. Экономико-политические события года становятся отправной точкой для активизации лингвокреативной деятельности людей, которая «выливается» в народное языкотворчество (анекдоты, статусы в социальных сетях).

Анализ ключевых слов 2015 г. позволил нам проиллюстрировать расширение семантики данных форм, словообразовательных возможностей, а также описать стремление к метафоризации.

И наконец — можно предположить, что не все рассмотренные лексемы сохраняют статус ключевых слов текущего момента, именно поэтому представляется значимым изучение динамического аспекта их употребительности и попадания в будущие рейтинги «Слово года».

Список литературы

1. Алпатов, В. М. Норма и мода // *Мода в языке и коммуникации* : сб. ст. / В. М. Алпатов. — М., 2014. — С. 37–46.
2. Баранов, А. Н. Метафоры в политическом дискурсе: языковые маркеры кризисности политической ситуации / А. Н. Баранов // *Вопр. языкознания*. — 2001. — № 2. — С. 73–94.
3. Борисова, Е. Г. Мода и узус: моделирование влияния социума на речь / Е. Г. Борисова // *Мода в языке и коммуникации* : сб. ст. — М., 2014. — С. 47–55.
4. Будаев, Э. В. Военная метафорика в дискурсе СМИ / Э. В. Будаев // *Acta linguistica*. — 2008. — № 2. — С. 29–37.
5. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. — М., 2001 — 288 с.
6. Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. — М., 2005. — 384 с.
7. Ильясова, С. В. Ключевые слова-маркеры эпохи как объект языковой игры (на материале языка российских СМИ) / С. В. Ильясова // *Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания»*. — 2014. — № 1 (28).
8. Иссерс, О. С. Дискурсивные игры «Болотного периода» / О. С. Иссерс // *Русистика*. — 2013. — № 13. — С. 10–13.
9. Иссерс, О. С. Политическая топонимика 2012: знаки текущего момента / О. С. Иссерс // *Вестн. Омск. ун-та*. — 2014. — № 1. — С. 91–94.
10. Мустайоки, А. Феномен актуального слова 2015 года / А. Мустайоки, Х. Вальтер, И. Вепрева // *Quaestio Rossica*. — 2016. — № 4. — С. 121–133.

11. Пресс-слово года. — URL: http://www.public.ru/press_slovo_2015/. — Дата обращения: 24.11.2015.
12. Сахарный, Л. В. Расположение ключевых слов в структуре развернутого текста (к изучению деривационных механизмов компрессии текста) / Л. В. Сахарный // *Деривация в речевой деятельности (Общие вопросы. Текст. Семантика)*. — Пермь, 1988.
13. Скляревская, Г. Н. Введение / Г. Н. Скляревская // *Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения*. — СПб., 1998. — С. 4–12.
14. Словарь года. — URL: <https://www.facebook.com/notes/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C-%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C-2015-%D0%B3%D0%BE%D0%BE%D0%BE%D0%B2%D0%B0/1013905001957144>»%D0%BE%D0%B2%D0%B0/1013905001957144». — Дата обращения: 20.11.2015.
15. Словарь перемен. — URL: <https://www.facebook.com/notes/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD-2015/776172429135957>. — Дата обращения: 20.11.2015.
16. Слово года. — URL: <http://www.mk.ru/social/2014/12/10/krymnash-stal-glavnym-slovom-ukhodyashhego-goda.html>. — Дата обращения: 24.11.2015.
17. Туркова, С. Словарный запас. Выпуск 28. Слово года. — URL: <https://snob.ru/selected/entry/102017>. — Дата обращения: 24.11.2016.
18. Фадеева, Е. Алло, прокуратура? Я только что казнь венгерского гуся видел / Е. Фадеева, А. Шагулин // *business-gazeta*. — 2015. — 19 авг.
19. Фомина, З. Е. Слова-хронофакты в языке политических текстов / З. Е. Фомина // *Язык и эмоции*. — М., 1999. — С. 207–215.
20. Цонева, Л. Слово года «крымнаш» в русском медиадискурсе / Л. Цонева // *Studia RussicoSlovaca : Universitas Catholica Rosenbergensis*. — Ružomberok, 2015. — С. 30–38.
21. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии : монография / А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2013. — 176 с.
22. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2001. — 238 с.
23. Шачкова, И. Ю. Семантика «ключевых слов эпохи» (эпоха Т. Блэра, 1997–2007) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Ю. Шачкова. — Н. Новгород, 2008. — 35 с.
24. Шмелева, Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента / Т. В. Шмелева // *Полит. лингвистика*. — 2009. — Вып. 2 (28). — С. 63–67.
25. Шмелёва, Т. В. Ключевые слова текущего момента / Т. В. Шмелёва // *Colleqium*. — 1993. — № 1. — С. 33–41.
26. Bachem, R. *Einführung in die Analyse politischer Texte* / R. Bachem. — München, 1979. — 186 s.
27. Bochmann, K. *Der politisch–soziale Wortschatz des Rumanischen von 1821 bis 1850* / K. Bochmann. — Berlin, 1979. — 324 s.
28. Schumann, J. *Politischer Konflikt und sprachliche Kommunikation* / J. Schumann. — Frankfurt a. M., 1979. — 137 s.
29. Wort des Jahres. — URL: <http://gfds.de/aktionen/wort-des-jahres/>. — Дата обращения: 24.11.2016.

Сведения об авторе

Мельник Юлия Александровна — аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского. Омск, Россия. uliya0783@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 11 (407). *Philology Sciences. Iss. 109. Pp. 34—42.*

ALARMING AGENDA: KEY WORDS OF THE YEAR REFLECTED IN SOCIO-LINGUISTIC PROJECTS

Ju. A. Melnik

Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russia. uliya0783@mail.ru

The newest lexis represented in the rates “Word of the year” is analyzed in the article. Methodological basis of research includes description of textual, lexical and grammar characteristics of words that reflect the most up-to-date events in the country and in the world are linguistic markers of the epoch. Also, they participate in the formation of socio-political space of mentioned period and ideological position of society. Words are joined according to subject principle, showing dominant idea of meaning, but rates are concentrated on conceptual information.

Keywords: *newest lexis, word of the year, key words, nomination, discourse*

References

1. Alpatov V.M. Norma i moda [Norm and fashion]. *Moda v iazyke i kommunikatsii* [Fashion in language and communication]. Moscow, 2014. Pp. 37–46. (In Russ.).
2. Baranov A.N. Metafory v politicheskom diskurse: iazykovye markery krizisnosti politicheskoi situatsii [Metaphors in political discourse: linguistic markers of political crisis situations]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Problems of linguistics], 2001, no. 2, pp. 73–94. (In Russ.).
3. Borisova E.G. Moda i uzus: modelirovanie vliianiia sotsiuma na rech' [Fashion and usage: modeling of the influence of society on it]. *Moda v iazyke i kommunikatsii* [Fashion in language and communication: a collection of articles]. Moscow, 2014. Pp. 47–55. (In Russ.).
4. Budaev E.V. Voennaia metaforika v diskurse SMI [Military metaphors in the media discourse]. *Acta linguistica* [Acta linguistica], 2008, no. 2, pp. 29–37. (In Russ.).
5. Vezhbitskaia A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo kliuchevykh slov [Understanding cultures through key words]. Moscow, 2001. 288 p. (In Russ.).
6. Vepreva I.T. Iazykovaia refleksiiia v postsovetskuiu epokhu [Linguistic reflection in the post-Soviet era]. Moscow, 2005. 384 p. (In Russ.).
7. Il'iasova S.V. Kliuchevye slova-markery epokhi kak ob'ekt iazykovoi igry (na materiale iazyka rossiiskikh SMI) [Key words-the markers of the era as an object of language play (based on the language of Russian mass media)]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal VGSPU «Grani poznaniia»* [Electronic scientific-educational journal “Facets of knowledge”], 2014, no. 1 (28). (In Russ.).
8. Issers O.S. Diskursivnye igry «Bolotnogo perioda» [Discursive game “Swamp period”]. *Rusistika* [Rusistic], 2013, no. 13, pp. 10–13. (In Russ.).
9. Issers O.S. Politicheskaiia toponimika 2012: znaki tekushchego momenta [Political toponymy, 2012: marks the current time]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], 2014, no. 1, pp. 91–94. (In Russ.).
10. Mustaioki A., Val'ter Kh., Vepreva I. Fenomen aktual'nogo slova 2015 goda [Phenomenon is a word 2015]. *Quaestio Rossica* [Quaestio Rossica], 2016, no. 4, pp. 121–133. (In Russ.).
11. *Press-slovo goda* [Press word of a year]. Available at: http://www.public.ru/press_slovo_2015/, accessed 24.11.2015. (In Russ.).
12. Sakharnyi L.V. Raspolozhenie kliuchevykh slov v strukture razvernutoho teksta (k izucheniiu derivatsionnykh mekhanizmov kompressii teksta) [The location of key words in the structure of the expanded text (the study of derivational mechanisms, compression text)]. *Derivatsiia v rechevoi deiatel'nosti (Obshchie voprosy. Tekst. Semantika)* [Derivation in the speech activity (Total questions. Text. Semantics)]. Perm, 1988. (In Russ.).
13. Skliarevskaia G.N. *Vvedenie. Tolkovyi slovar' russkogo iazyka kontsa 20 veka. Iazykovye izmeneniia* [Introduction. Explanatory dictionary of Russian language of the late twentieth century. Language changes]. St. Petersburg, 1998. 700 p. (In Russ.).

14. *Slovar' goda* [Dictionary of the year]. Available at: <https://www.facebook.com/notes/%D1%81%D0%BBHYPERLINK%0A%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C-%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C-2015-%D0%B3%D0%BEHYPERLINK%0A%D0%B4%D0%B0/1013905001957144>, accessed 24.11.2015. (In Russ.).
15. *Slovar' peremen* [The dictionary of change]. Available at: <https://www.facebook.com/notes/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD-2015/776172429135957>, accessed 20.11.2015. (In Russ.).
16. *Slovo goda* [The word of the year]. Available at: <http://www.mk.ru/social/2014/12/10/krymnash-stal-glavnym-slovom-ukhodyashhego-goda.html>, accessed 24.11.2015. (In Russ.).
17. Turkova S. *Slovarnyi zapas. Vypusk 28. Slovo goda* [Vocabulary. Issue 28. The word of the year]. Available at: <https://snob.ru/selected/entry/102017>, accessed 24.11.2015. (In Russ.).
18. Fadeeva E., Shagulin A. Allo, prokuratura? Ia tol'ko chto kazn' vengerskogo gusia videl [Hello, the Prosecutor's office? I just the execution Hungarian goose saw]. *Business-gazeta*, 2015, 19 aug. (In Russ.).
19. Fomina Z.E. Slova-khronofakty v iazyke politicheskikh tekstov [Word-chronomancy in the language of political texts]. *Iazyk i emotsii* [Language and emotions]. Moscow, 1999. Pp. 207–215. (In Russ.).
20. Tsoneva L. Slovo goda «krymnash» v russkom mediadiskurse [Word of the year Krymnash (Crimea-is-ours) in the Russian Media Discourse]. *Studia Russico-Slovaca: Universitas Catholica Rosenbergensis*. Ru-zomberok, 2015. Pp. 30–38. (In Russ.).
21. Chudinov A.P. *Ocherki po sovremennoi politicheskoi metaforologii* [Essays on modern political metaphorology]. Ekaterinburg, 2013. 176 p. (In Russ.).
22. Chudinov A.P. *Rossiiia v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg, 2001. 238 p. (In Russ.).
23. Shachkova I.Iu. *Semantika «kliuchevykh slov epokhi» (Epokha T. Blera, 1997–2007)* [The semantics of “keyword era” (the Era of Tony Blair, 1997–2007)]. Nizhny Novgorod, 2008. 18 p. (In Russ.).
24. Shmeleva T.V. Krizis kak kliuchevoe slovo tekushchego momenta [Crisis as the key word of the moment]. *Politicheskaia lingvistika* [Political linguistics], 2009, no. 2 (28), pp. 63–67. (In Russ.).
25. Shmeljova T.V. *Kljuchevye slova tekushhego momenta* [Key words of a current moment]. *Colleqium*, 1993, no. 1, pp. 33–41. (In Russ.).
26. Bachem, R. *Einführung in die Analyse politischer Texte*. Munchen, 1979. 186 s. (In German).
27. Bochmann, K. *Der politisch-soziale Wortschatz des Rumanischen. Von 1821 bis 1850*. Berlin, 1979. 324 s. (In German).
28. Schumann J. *Politischer Konflikt und sprachliche Kommunikation*. Frankfurt a. M., 1979. 137 s. (In German).
29. *Wort des Jahres*. Available at: GfdS <http://gfdS.de/aktionen/wort-des-jahres/>, accessed 24.11.2016. (In German).

УДК 81.42
ББК 74.580

КРЕАТИВНОСТЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ЖУРНАЛИСТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ВЫЗОВЫ ЭПОХИ VS СТАНДАРТЫ

Е. Ю. Панова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02032)

Рассматривается специфика профессионального журналистского образования в контексте проблемы формирования и развития лингвокреативной компетенции; отмечаются сложности и перспективы этого процесса в свете научной рефлексии и реализации образовательными стандартами.

Ключевые слова: *профессиональное образование, журналистика, креативность, стандарт.*

Современный мир состоит из комплекса вызовов, ежедневно предъявляемых к социуму и личности: экономических, политических, социальных, психологических, коммуникативных и др. Одним из факторов этих процессов можно считать кризисность переходного периода (объяснений этого феномена множество: от конспирологических (теория заговора) до культурологических — затянувшийся синдром *конца века*), рождающим и кризисный тип мышления человека (как противоположность гармонизирующего типа), и стратегии его преодоления. Исходя из этого, можно предположить, что доминантой психологического портрета нашего современника является принципиальный мировоззренческий дуализм: с одной стороны, стереотипность реакций, формируемая обществом потребления, с другой — тенденция преодолеть и разрушить эту «матрицу», демонстрация способности к рецепции совершенно разных смыслопорождающих практик. Мы солидарны с точкой зрения Л. М. Андрюхиной: «Креативность и запрос на нее определяют топологию современной культуры. Повышенный интерес к творчеству, способности к нестандартным решениям становятся признаком современности. Всё чаще речь идет о переходе от эпохи рациональной упорядоченности — к эпохе креативности. В современном дискурсе удивительно быстро расширяется поле феномена креативности» [1. С. 4]. Ей же принадлежит термин «организационный абсолютизм», описывающий ситуацию замкнутой самодостаточной системы как ограничителя импульса креативности, в том числе применительно и к сфере образования: «Ограниченность роста при тради-

ционных замкнутых формах организации производства, образования, сферы услуг связана с тем, что они на сегодняшний день не задействуют в достаточной мере возможности развития и самореализации человека. Замкнутость вузов приводит к тому, что их выпускники получают невостребованное образование» [1. С. 7].

Практикоориентированность направления подготовки «Журналистика» отчасти снимает эту проблему, но в то же время еще больше актуализирует другую — проблему «триады креативности»: психологическая готовность — формирование компетенции — речетворческая практика. Принимая во внимание особый статус журналистики как агента медиатизации общества, будущий журналист должен быть адекватно интегрирован в социальные общественные процессы, то есть: 1) понимать ментально-информационные процессы; 2) учитывать потребностно-мотивационную специфику публичного дискурса; 3) порождать соответствующие коммуникативной ситуации медиатексты. Как сверхзадача — при этом еще являть примеры эталонной медиальности. Иными словами, если общество охвачено «трендом креативности», имеет ли право журналист как личность и профессионал (а нам ближе сращение этих понятий — профессиональная личность) оставаться вне этих процессов.

Современная образовательная политика российского государства одной из своих задач ставит модернизацию образования всех ступеней: ФГОС общего образования признает более значимым формирование универсальных учебных действий, чем предметных знаний, тем самым открывая перспективы для развития креативного

потенциала в большей степени, чем это было ранее. Но при этом же до признания творческого портфолио равноценным средством государственной аттестации еще далеко. Абитуриенты гуманитарных специальностей априори считаются более творческими в силу архаичного противопоставления «физиков» и «лириков». Но при этом ни у одних, ни у других в образовательном стандарте не предусмотрено даже отдаленного понимания необходимости формирования креативной компетенции, что современной психолого-педагогической наукой уже отрелексировано.

Так, в статье Е. Е. Щербаковой и Е. В. Левичевой «Феномен “лингвистическая креативность” в современной психолого-педагогической науке» представлен полный обзор становления и развития понятия «креативность», ее критерии, факторы, специфика, начиная от Платона и Аристотеля, заканчивая современными психологическими школами. Креативность определяется через творческие способности, присутствие инсайта, но в статье не снимается вопрос, чем же она отличается от творчества. Там же осуществлен разбор теории креативности с разных точек зрения: теория креативного восприятия (=субъективного восприятия) Д. Беркли; значимость бессознательных процессов (Фрейд, Юнг); психофизиологическая модель, в которой креативность связана с развитым интеллектом (Г. Айзенк); креативность как психологический феномен игнорирования стереотипных способов мышления (Д. Симпсон); креативность как «дивергентное мышление» (Дж. Гилфорд); «4 Р» модель В. Стейна, продуктивная в американских исследованиях по теории креативности: creativeproduct (творческий продукт), creativeprocess (творческий процесс), creativeperson (творческая личность), creativepress (творческая среда); креативность как творческое мышление, в котором можно выделить свои этапы (Спирмен, Торренс, Зельц и др.); креативность как теория инвестирования (личность может сопротивляться среде, отстаивая непопулярные идеи, потом реализуя их как сверхактуальные) (Стернберг, Любарт); ассоциативная теория творчества (С. Медник); креативность как компонент общей одаренности (Дж. Рензулли и Дж. Фельдхьюзен); креативность как самоактуализация личности, стремление реализовать себя, определяющаяся степенью «открытости» опыту, нонконформизмом и способностью к необычным сочетаниям элементов (К. Роджерс, А. Маслоу) [8].

В русском научном психологическом дискурсе даже появляется термин творчество, эквивалентный креативности как психологическому свойству, как интеллектуальной активности и чувствительности (сензитивности) к побочным продуктам своей деятельности (Я. А. Пономарев, Д. Б. Богоявленская).

Широко используется понятие креативности в дискурсе научной педагогической мысли.

Наиболее частотна проблема креативной компетенции преподавателя и учителя. И. Е. Брякова [4] говорит о креативной компетенции студента-филолога (ею защищена докторская диссертация по этой теме), обозначены мотиваторы и критерии сформированности компетенции, но конкретные механизмы формирования и прагматической реализации не обозначены. То есть проблема автором ставится, скорее, методологически, а не практически. Р. У. Гильмутдинова, анализируя в своей статье различные определения креативной компетенции, предлагает свое интегративное определение: «Креативная компетентность — это многофакторное качество личности, система интеллектуальных, эмоциональных, нравственных, волевых и пр. знаний, умений, навыков, личностных качеств и опыта личности, обуславливающих развитие творческих способностей человека и позволяющих на принципиально новом уровне генерировать множество оригинальных, нестандартных и полезных идей, продуктов, а также их адаптивность, теоретическая и практическая готовность человека действовать творчески в различных жизненных и профессиональных ситуациях» [5]. Как видим, речь идет о волевых, эмоциональных, поведенческих и психологических факторах, креативная компетентность оценивается как продукт все-таки априори творческой личности при наличии ряда сопутствующих факторов. Ментальные процессы в этом случае рассматриваются тоже сугубо с психолого-педагогической, а не дискурсивной точки зрения.

Очень интересной представляется работа на стыке педагогической проблемы креативной компетенции и риторических механизмов ее формирования (то есть коммуникативно-речевой проблемы) С. М. Антоновой. Автор рассматривает профессиональный статус специалиста в неразрывной связи с «риторическими компетенциями и признаками креативности». Под креативностью она понимает «уникальность, осознанность, ответственность, диалогичность, действенность, эстетичность» [3].

Таким образом, осознавая необходимость формирования креативной компетенции, современная научная мысль пока не предлагает четких и внятных механизмов ее реализации. В свою очередь и образовательные стандарты высшего образования (нами были проанализированы стандарты гуманитарных направлений подготовки) не акцентируют на этом внимания, возможно, в силу отсутствия и внятных программ формирования, и, что еще более сложно, верифицируемых моделей отслеживания результатов. Разрыв между стереотипом и преодолением его, отмеченный нами выше как ментально-национальная черта, получает зримое воплощение и на достаточно формализованном и зримом уровне несовпадения формы современного журналистского образования, сдерживаемой стандартом, и его содержания, продиктованного реальной коммуникативной задачей. Последняя еще более активизирует речетворческие креативные практики современного массмедийного дискурса в связи с отмечаемой исследователями его риторической модификацией, цель которой — «воздействовать на аудиторию, навязать собственное мнение на происходящее событие, тем самым изменить имеющиеся стереотипные представления и сформировать новое видение социального мира» [7].

С целью изучения лингвокреативного потенциала и потребности студентов-журналистов мы провели исследование на базе второго и третьего курсов бакалавров журналистики очной формы обучения, всего 50 человек: 31 (журналисты, 2 курс), 14 (журналисты, 3 курс), 5 (реклама и связи с общественностью, 2 курс). Задание предполагало создание креативного, с точки зрения респондента, текста и объяснение, почему получившийся текст можно считать таковым. Мы планировали сопоставить адекватность речепорождающей практики и ее рефлексии и проанализировать наиболее частотные механизмы креативизации текста. Результаты позволили сделать следующие наблюдения и выводы.

1. Адекватная саморефлексия (авторское объяснение в целом соответствует тому, что есть в тексте) — 5 ответов.

2. Используемые приемы креативизации текста (по убыванию частотности):

1) иронично-шутливый тон высказывания (тема этого не предполагает);

2) использование потенциала лексической системы, тропеичность (метафоричность);

3) стилизация;

4) смешение элементов разных функциональных стилей);

5) приемы экспрессивного синтаксиса (параллелизм, подхват, парцелляция) — 5 текстов;

6) наличие прецедентных текстов — 2 текста;

7) эксперимент с формой (текст в форме круга; все слова текста начинаются на одну букву — первую в имени автора) — 2 текста;

8) жанровый эксперимент (хоррор) — 1 текст.

3. Авторская самооценка приемов (тематически сгруппированы от наиболее частотных до единичных):

1) выражение авторской позиции («наличие авторского “я”», «высказывание своей точки зрения»);

2) композиционные средства (яркий заголовок, в т. ч. и с использованием прецедентных текстов (студенты называли их «узнаваемыми»), «неожиданная развязка»);

3) стилевая специфика («современный язык», «без сложных слов», «особый стиль» [видимо, предполагалось — индивидуальный стиль. — Е. П.], «тропы, яркие сравнения», «смешение стилей»);

4) трансформация привычных логических отношений в тексте («сопоставление разнородных понятий», «необычный ракурс», «странный выбор предмета речи (линолеум)», «новый взгляд на привычные вещи»);

5) ирония («смешной и развлекает»);

6) единичные индивидуальные реакции («фантастика — синоним креатива», «маленький, но понятный», «креативный текст должен убеждать и призывать к действию», «все по делу, никакой воды», «намек и недосказанность», «каждый текст креативный», «абсолютное отсутствие рациональности»).

Несмотря на низкий показатель адекватной соотношенности реальной креативной составляющей текста с ее авторским пониманием (5 из 50), тем не менее ни один из студентов не отказался от выполнения задания, продемонстрировав тем самым, что задача была понята, а следовательно, можно говорить о сформированности представления о феномене креативности текста. В то же время наблюдается явное расхождение между тем, что закладывается в это понятие медиалингвистами (чаще всего говорят о языковой игре, термин ни разу не встретился нам в ответах; прецедентных текстах — единичные случаи; ироническом дискурсе — отмечается общий «шутливый тон»), и тем, что склонны видеть в креативном тексте

те, кто в будущем должен уметь его создавать. Очевидно, что креативное начало текста наиболее явленным оказалось на уровне формы, прежде всего стилевой интерференции, а план содержания — то, что и составляет интенцию текста и обуславливает специфику средств выражения, остался не востребуемым. Неожиданным нам показалось мнение студентов о том, что креативный текст выражает авторскую позицию: на наш взгляд, это является следствием особого внимания к жанрово-форматной стороне организации текста в процессе обучения, в то время как упоминание об особом воздействующем потенциале креативного текста, правда, тоже в единичных случаях, говорит о верном понимании его природы.

В связи со всем вышесказанным становится очевидной необходимость включения практики создания креативного текста на всех этапах журналистского образования. Это необходимо еще и потому, что анализ предлагаемых студентами текстов обнаружил неразличение стилистической / речевой / лексической ошибки и приема креативного письма. Античные споры об аномалии и аналогии привели к тому, что «само понятие

аномалии претерпело изменение и стало рассматриваться не просто как отступление от правил, а как фактор языкового развития и языкового творчества, поэтому особое внимание стало уделяться намеренным отступлениям от нормы, несущим определенную функциональную, прежде всего эстетическую нагрузку» [6]. Как показывает практика, работа с «аномалиями» языка также требует системного подхода.

Итак, во-первых, необходимо развитие креативного потенциала студентов-журналистов за счет введения постоянного тренинга креативного письма с чередованием академического подхода и ярких практиков.

Во-вторых, поиск новых речевых средств оформления смыслопорождающих практик, использование стратегий копирайтинга в текстах массмедиа.

В-третьих, формирование и развитие навыков анализа прецедентных и интертекстуальных элементов в современных массмедийных текстах, поскольку использование культурем, значительно расширяющих смысловое поле текста, в то же время таит опасность их ошибочного распознавания и некорректного декодирования.

Список литературы

1. Андрюхина, Л. М. Культурная топология креативности: возможности человека XXI века / Л. М. Андрюхина // Инновационные проекты и программы в образовании. — 2013. — № 1. — С. 3–8.
2. Антонова, С. М. Креативная языковая личность / С. М. Антонова // Стратегия современного высшего образования: проблемы, концепция, технология в зеркале русского языка : материалы конф. ренции «Образование и общество» (Москва, 20–22 октября 2009 г.). — URL: <http://elib.grsu.by/katalog/183827-423505.pdf>. — Дата обращения: 20.05.2017.
3. Антонова, С. М. Риторическая технология формирования и развития креативной языковой личности: концепция, технология, опыт, проблемы, перспективы / С. М. Антонова. — URL: <http://elib.grsu.by/katalog/183827-423505.pdf>. — Дата обращения: 03.04.2017.
4. Брякова, И. Е. Креативная компетентность студента-филолога / И. Е. Брякова // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. — 2013. — № 8.
5. Гильмутдинова, Р. У. Креативная компетентность и ее структура / Р. У. Гильмутдинова // Российская академия образования. Международная академия акмеологических наук. Центр акмеологических исследований. — 2013. — С. 46.
6. Козлова, Л. А. Языковые аномалии как средство реализации креативного потенциала языка и их функции в тексте / Л. А. Козлова // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. — 2012. — № 4. — С. 121–128.
7. Федосеева, Е. В. Дискурсивная креативность пишущего в риторически модифицированном массмедийном дискурсе / Е. В. Федосеева // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. — 2013. — № 1 (72). — С. 288–292.
8. Щербакова, Е. Е. Феномен «лингвистическая креативность» в современной психолого-педагогической науке / Е. Е. Щербакова, Е. В. Левичева // Вестн. Новосибир. гос. техн. ун-та им. Р. Е. Алексеева. Сер. «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». — 2012. — № 4.

Сведения об авторе

Панова Елена Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. Elena_panova81@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 11 (407). *Philology Sciences. Iss. 109. Pp. 43—47.*

CREATIVITY IN PROFESSIONAL JOURNALISTIC EDUCATION: CHALLENGES VS STANDARDS

E. Yu. Panova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. Elena_panova81@mail.ru

Discusses the specifics of professional journalism education in the context of the problem of formation and development of linguistic and creative competence; marked difficulties and prospects of this process in the light of scientific reflection and the implementation of educational standards.

Keywords: *vocational education, journalism, creativity, standard.*

References

1. Andrjuhina L.M. Kul'turnaja topologija kreativnosti: vozmozhnosti cheloveka XXI veka [Topology Cultural creativity: human performance XXI century]. *Innovacionnye proekty i programmy v obrazovanii* [Innovative projects and programs in education], 2013, no. 1, pp. 3–8. (In Russ.).
2. Antonova S.M. Kreativnaja jazykovaja lichnost' [Creative language personality]. *Strategija sovremenogo vysshego obrazovanija: problemy, koncepcija, tehnologija v zerkale russkogo jazyka* [Strategy of modern higher education: problems, concept, technology in the mirror of Russian language]. Available at: <http://elib.grsu.by/katalog/183827-423505.pdf>, accessed 20.05.2017. (In Russ.).
3. Antonova S.M. *Ritoricheskaja tehnologija formirovanija i razvitiya kreativnoj jazykovoj lichnosti: koncepcija, tehnologija, opyt, problemy, perspektivy* [Rhetorical technology of formation and development of creative language personality: concept, technology, experience, problems, prospects]. Available at: <http://elib.grsu.by/katalog/183827-423505.pdf>, accessed 03.04.2017. (In Russ.).
4. Brjakova I.E. Kreativnaja kompetentnost' studenta-filologa [Creative competence of the student-philologist]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state pedagogical University], 2013, no. 8. (In Russ.).
5. Gil'mutdinova R.U. Kreativnaja kompetentnost' i ee struktura [Creative competence and its structure]. *Rossijskaja akademija obrazovanija. Mezhdunarodnaja akademija akmeologicheskikh nauk. Centr akmeologicheskikh issledovanij* [Russian Academy of education. International Academy of acmeological Sciences. The center of acmeological research], 2013, p. 46. (In Russ.).
6. Kozlova L.A. Jazykovye anomalii kak sredstvo realizacii kreativnogo potenciala jazyka i ih funkcii v tekste [Language abnormalities as a means of realization of the creative potential of language and its function in the text]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk state linguistic University], 2012, no. 4, pp. 121–128. (In Russ.).
7. Fedoseeva E.V. Diskursivnaja kreativnost' pishushhego v ritoricheski modificirovannom massmedijnom diskurse [The Discursive creativity of the writing in rhetorically modified mass-mediated discourse]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk state technical University], 2013, no. 1 (72), pp. 288–292. (In Russ.).
8. Shherbakova E.E., Levicheva E.V. Fenomen «lingvisticheskaja kreativnost'» v sovremennoj psihologo-pedagogičeskoi nauke [The Phenomenon of “linguistic creativity” in the modern psychological-pedagogical science]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta im. R.E. Alekseeva. Serija «Upravlenie v social'nyh sistemah. Kommunikativnye tehnologii»* [Bulletin of Novosibirsk state technical University. R. E. Alekseev. Series “Management in social systems. Communication technologies”], 2012, no. 4. (In Russ.).

УДК 070
ББК 76.0

ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ: ПРИРОДА ПРОИСХОЖДЕНИЯ

С. С. Распопова

Московский государственный политехнический университет, Москва, Россия

Е. Н. Богдан

Russian Business outlook, Нидерланды

В статье «Фейковые новости: природа происхождения» рассматриваются прототипы фейков: слухи и шутки. Делая экскурс в историю массмедиа, авторы говорят о том, что в период появления и развития журналистики большая часть новостей состояла из недостоверной информации. На конкретных фактах показывается, что слухи также исторически использовались как популярный прием ведения информационных войн.

Ключевые слова: *фейковые новости, слухи, дезинформация, информационные войны.*

Фейковые новости («fake news») — это сфабрикованные новостные материалы, ложь в которых распознаваема и проверяема, хотя и способна ввести аудиторию в заблуждение. Непроверенные новости до широкого распространения интернета назывались «газетными утками» и шутками. Выражению «газетная утка» больше трехсот лет. Впервые оно прозвучало в Германии XVII в. «После сомнительных, хотя и соблазнительных для роста тиража, известий газетчики, считавшие себя добропорядочными, ставили пометку из двух букв «NT» — эн-те, то есть *non testatum* — “не проверено”. Такой пометкой завершалось, к примеру, известие: “На территории графства Таксис рождено дитя о двух головах и с шестью пальцами подле мизинцев”» [10. С. 5]. Так возник символ журналистских измышлений.

К прототипам фейка может быть отнесена и шутка, которая является продуктом авторской фантазии, домысла. Общеизвестно, что шутка рождается как отклик людей на нелепые ситуации, которые возникают в результате различных жизненных коллизий. «Шутка — это предметное действие или сообщение, вводящее кого-то в заблуждение с целью создания смешной ситуации» [9. С. 294]. Автор шутки может прибегать к домыслу с целью реконструкции событий, в которых он не принимал участия и о которых знает понаслышке. По мнению А. А. Тертычного, если автор реконструирует лишь второстепенные детали, то суть дела не искажается. Если же он ставит своей целью развлечение читателя и ради этого создает мистификацию, то в этом случае материал может быть выдуманным от начала

до конца. «Шутки в газетах или журналах чаще всего преследуют две основные задачи. Первая задача заключается в развлечении читателя. Вторая задача подготовки и публикации шутки может быть определена как розыгрыш читателя. Здесь важно отметить, что журналисты стремятся к тому, чтобы текст был максимально правдоподобным. Вместе с тем, при внимательном чтении текста читатель обязательно найдет намек на вымысел рассказанной истории. Шутка с намеком на вымысел получила название “первоапрельской шутки”» [9. С. 294].

Обычай первоапрельской шутки появился во Франции при короле Карле IX, который решил перевести страну с юлианского на григорианский календарь, сдвинул начало года на 1 января. До 1659 г. французы отмечали новый год 25 марта. Те, кто не принял это нововведение, получали разные издательские подарки: приглашение на пирушку по несуществующему поводу, красивую коробочку с мусором и др.

В истории массмедиа описано немало случаев, подтверждающих, что в период появления и развития журналистики большая часть новостей состояла из слухов. Опора на слухи вызвана была несколькими обстоятельствами:

- неразвитостью устных и письменных форм массово-информационной деятельности в допечатный период;
- относительной дешевизной слухов;
- цензурными соображениями;
- стремлением развлечь аудиторию;
- потребностью вовлечь в потребление информации широкие слои массовой аудитории

и за счет этого поднять тиражи и увеличить капитализацию изданий.

Один из первых примеров выхода в свет спорной и сомнительной информации относится к шестому столетию. Сатирическое произведение под названием “Anecdota” (в переводе «Тайная история») принадлежит творчеству Прокопия Кесарийского, крупнейшего историка ранневизантийского периода. Являясь секретарем и юрисконсультом знаменитого полководца Велизария, Прокопий изнутри наблюдал внешнеполитические и придворные интриги. Самые неприглядные детали жизни окружавших его правителей Юстиниана и Велизария, которые он благополучно умолчал в официальных хрониках, были выставлены напоказ именно в «Анекдотах», вышедших в свет уже после его смерти. До сих пор ученые ведут спор об авторстве «Анекдотов» и достоверности изложенных в них сведений.

Непосредственными предшественниками современной газеты были летучие листки и информационные бюллетени — сначала рукописные, затем печатные, приуроченные, как правило, к открытию ярмарок. Сборщики новостей не брезговали никакой информацией, так как выбирать им было особо не из чего. Газетчики зависели от тех, кто их снабжал информацией, а были это в основном путешественники и моряки с торговых или военных кораблей. Позднее в крупных средневековых городах создались «информационные службы» или бюро по сбору и распространению письменной информации — цехи писателей новостей. В то самое время появилось слово «газета», производное от итальянской мелкой монеты («gazetta»), за которую можно было купить в Венеции сводку новостей.

Итальянский писатель и сатирик позднего Ренессанса Пьетро Аретино считается предтечей европейской журналистики благодаря своим язвительным сонетам и памфлетам, частично правдоподобным, основанным на сплетнях и личных наблюдениях, в адрес высокопоставленных особ. Пытаясь повлиять на выборы понтифика в 1522 г., Аретино разоблачал в сонетах каждого кандидата и вывешивал их на статуе Пасквино в Риме. Прозванные «пасквинатами» сонеты стали предвестниками распространения хлесткой и прямой критики. Переехав в Венецию, в то время республику и центр книгопечатания в Европе, Аретино пользовался неограниченной свободой слова и достиг апогея славы. Боясь его бичующих сонетов, правители разных уголков Европы

оказывали ему покровительство и высылали денежные подарки.

Слухи как источник информации продолжали активно использоваться и с распространением книгопечатания. Это было связано с относительной дешевизной новостей, основанных на непроверенной информации. Так, в средневековой Франции выходило несколько периодических изданий, например, «Canard» (в переводе с французского «утка», означающая невнятный звук, фальшивую ноту, невероятный рассказ), которые представляли нерегламентированные сообщения о текущих событиях и придворных сплетнях. Но информация, основанная на подтвержденной информации, стоила дорого. Общенациональное издание Франции «La Gazette» (1631) добывала информацию о событиях, происходящих в других странах, используя передовые технологии, что требовало немалых расходов. Двенадцать страниц газеты обходились читателям в четыре су, то есть по цене двух килограммов простого хлеба, которым можно было накормить всю семью. Те, кто не имел таких денег, мог взять газету напрокат в магазине. Американская газета «The Boston News Letter» (1704) также стоила немалых денег. Ее дороговизна была обусловлена тем, что редактор и издатель Джон Кэмпбелл, в прошлом продавец книг и бостонский почтальон, выработал надежную стратегию сбора и изложения поступавших новостей. В публикациях он указывал подлинный источник информации, а не довольствовался слухами и сплетнями. Примечательно, что газета выходила в свет после одобрения властей.

Журналисты также обращались к слухам и по цензурным соображениям. Появление публикаций, в которых сочеталась правда и выдумка объясняется зависимостью прессы от правящих элит. Во Франции «La Gazette», представляя короля, из номера в номер рассказывала о его способности одним прикосновением излечивать больных и др. Английский издатель Натаниэль Баттер (Nathaniel Butter), опасаясь преследований со стороны властей, публиковал в своей газете “Weekly news” (1622) голые факты, и те касались зарубежной жизни. Но это ему не всегда помогало. «Часто, чтобы заполнить вырезанные цензурой места в газете, Баттер выдумывал новости (например, о сиренах, невероятных морских зверях и чудовищах)» [7. С. 87]. Принято считать, что американцы независимость прессы ценили выше, чем англичане. Об этом говорит тот факт,

что американский редактор Бенджамин Харрис в газете «Общественные события — иностранные и домашние» (1690) одну из четырех страниц оставлял свободной. Он хотел, чтобы читатели сами записывали на этой странице известные им новости и передавали газеты родственникам и друзьям. С одной стороны, этот пример является показателем открытости и демократизма американской прессы, а с другой — иллюстрацией уравнивания по значимости слухов с фактами.

Как известно, издание газеты требует большого стартового капитала и это всегда сказывается на тираже. Обращение к слухам как к дешевому источнику информации, как и к недорогой бумаге, изготовленной из древесной массы, делало газеты доступными обычному гражданину, увеличивая тем самым капитализацию изданий. Еще в начале XVII в. в комедии «Склад новостей» (1625) Бена Джонсона газета, издаваемая англичанином Натаниэлем Баттером, называлась «еженедельным мошенничеством ради наживы», а журналистика характеризовалась как «самодельщина, высосанная из пальцев, и не содержащая ни слова правды» [3. С. 3].

Подобные высказывания не были пустой клеветой, так как сами журналисты не исключали ложь и вымысел из своей работы. Теофраст Рендо в 1635 г. сформулировал принципы газетчика следующим образом: «Я обязан вам сказать, что история есть рассказ о действительных событиях. Газета же пользуется и слухами» [3. С. 3]. Подпись к некоторым статьям газеты «Le Gazetier cuirassé» (1771) о слухах французского двора предупреждала читателя о том, что половина изложенного здесь правда. Читателю оставалось решить самому, чему верить или не верить. Лондонские газеты конца XVIII в. публиковали статьи, содержащие как правило один параграф. Авторы параграфов, так называемые «paragraph men», собирали последние слухи в местных кафе, где элита обменивалась новостями, строчили их на обрывках бумаги и несли в издательство, чтобы успеть вставить пару строк в свободное место на наборном станке, а затем получить гонорар. Аналогичная традиция существовала и во Франции и была популярна, особенно до революции 1789 г. Подпольные газеты распространялись тогда нувелистами («nouvellistes»), подобно «paragraph men» собиравшими новости из подслушанных разговоров в парках и других общественных местах. Нувелистов преследовали, и задержанных с по-

личным (обрывками заметок в карманах) сажали в Бастилию.

Распространение образованности, печатных технологий и современных путей сообщений (железной дороги и парохода) постепенно ускорили не только процесс обмена информацией, но и поставку новых сообщений из отдаленных уголков разных стран, пробуждая у местных читателей все большее любопытство и интерес к новостям. Рост числа журналов, газет, информационных листков (newsletters) в конце XVIII — начале XIX в. стал основой для появления нового социального феномена — публики, читающей новости (the “news”-reading public). Удовлетворить информационные потребности широкой публики было под силу популярной прессе развлекательного типа (так называемой “the penny press”), более доступной по цене, чем партийная или деловая печать, и опиравшейся на слухи и скандалы (по принципу «человеческого интереса», “human interest”).

Обращение журналистов к вымыслу объясняется их нежеланием работать с чистыми фактами. Так Сэмюэл Клеменс, который с 1863 г. подписывал большинство материалов для газеты псевдонимом Марк Твен, готовил журналистские материалы, в которых факты, эмоции и фантазия автора превращались в единое целое. Для журналистики конца XVIII в. была характерна установка на развлечение читателей, и для этого журналисты часто использовали вымысел. Данная традиция ведет свое начало к временам Б. Франклина, который писал в одном из писем своей вымышленной переписки: «Подлинность фактов не стоит считать абсолютной ценностью: слишком часто они уступают вымыслу в увлекательности, а этот дефект не так безобиден, как кажется на первый взгляд» [6. С. 246].

Многие американские писатели начинали свой творческий путь с работы в газете или в журнале. Этим во многом объясняется сочетание в их произведениях журналистских и литературных приемов. В качестве примера приведем случай, связанный с В. Ирвингом, который написал произведение «История Нью-Йорка». Рассказанная писателем история исчезновения господина Никербокера очень быстро разлетелась по американским газетам, став главной новостью. Впоследствии оказалось, что немало жителей Нью-Йорка, приняв вымысел за правду, участвовали в поисках исчезнувшего господина. «Вымысел и факт шли рядом и во многих произведениях Брета Гарта для журналов

«Калифорниэн» (Californian) и «Голдэн эра» (Golden Era). В 60-е гг. Гарт использовал целый ряд псевдонимов, которые позволяли играть с приемом маски (Алексис Пуффер, Джефферсон Брик, Дж. Кайзер и др.)» [6. С. 246].

В первой половине XIX в., когда технологические возможности позволили печатать оперативно несколько тысяч экземпляров издания, газеты вышли на большие тиражи. Их продавали за небольшие деньги, так как контент этих изданий составляли сплетни, скандалы, фантастические слухи о невероятных происшествиях. Уильям Рэндольф Херст, американский медиамагнат, в тридцатые годы прошлого века для того, чтобы создать конкуренцию и увеличить тираж, использовал всевозможные слухи и сплетни. Перед журналистами он ставил задачу делать сенсации из различных скандалов и пересудов. Херст был убежден в том, что публика жаждет в большей степени развлечений, чем новостей. Примером принципов журналистики, которых придерживался Херст, является заметка, опубликованная в «The New York Journal», о мальчике-сироте, собиравшем на улицах подаяние. Судьба несчастного мальчика была описана во всех подробностях: он живет со старенькой бабушкой и с маленькими сестрами и братьями, а милостыня, которую он получает, является единственным средством существования для всей семьи. Заметка получила широкий общественный резонанс. Многие благотворительные организации, прочитав о бедном сироте, решили помочь его семье. Но выяснилось, что история про мальчика — это полная фальсификация.

Очень часто дезинформация подается как некий слух, а ссылка делается на информационный источник или авторитетное экспертное мнение. При том, что автор не утверждает, что сказанное является правдой. Слухи исторически использовались как популярный прием ведения информационных войн. Впервые термин «информационная война» возник и вошел в широкое употребление в последней четверти XX в. Хотя о значении информации в военном деле было сказано еще в 5–6 вв. до н. э. древнекитайским философом и полководцем Сунь Цзы в «Трактате о военном искусстве»: «Подрывайте престиж руководства противника и выставляйте его в нужный момент на позор обществу. Разжигайте ссоры и столкновения среди граждан враждебной вам страны» [4. С. 10].

Одним из крупнейших исследователей воздействия информации на общественное созна-

ние был известный канадский философ Герберт Маршалл Маклюэн. Ему принадлежит мысль о том, что средства массовой информации являются «природными ресурсами», поэтому в современном мире борьба за доступ к информационным ресурсам выходит на первый план. Понимание природы фейковых новостей, основанных на слухах, восходит прежде всего к распознаванию разницы между понятиями «информация» и «дезинформация». Информация часто ассоциируется с понятиями правды/истины и достоверности. Информация считается правдивой, если она соответствует реальности. Правдивость выражается в точном представлении фактов. При том что факт — это проверенное, достоверное знание о реально происшедшем в действительности. Первостепенное значение имеют факты с подтверждением, которое было зафиксировано в письменной форме, на фото, на видео с доказательствами подлинности. К приемам ведения информационной войны относят дезинформацию. Дезинформация — это не отсутствие информации как таковой, а ее особый вид, который создает у аудитории неверную картину действительности. Средствами дезинформации является полное или частичное искажение фактов, утаивание сведений, неверные акценты в сообщении и др. Примером дезинформации является «Завещание Петра Великого», которое появилось в 1812 г. Оно представляло собой стратегический план действия для преемников царя. По мнению историков, которые внимательно изучали этот документ, он был сфабрикован французскими политиками для развязывания реальной войны с Россией. «Протокол сионских мудрецов» также является примером дезинформации. На сегодняшний день существует многочисленные доказательства того, что в действительности никаких планов завоевания мирового господства у евреев не существовало, а эти «протоколы» представляют собой вымышленные тексты.

С изобретением Интернета производить, распространять и получать информацию может практически любой человек, имеющий выход в сеть. Это открывает большие возможности для человека с активной гражданской позицией. Инициативные блогеры начинают выполнять функции журналистов, оперативно отображая изменения действительности. С одной стороны, в этом проявляется показатель торжества демократических ценностей, с другой стороны, самопровозглашенное присвоение себе полномочий

СМИ приводит к игнорированию принципов работы с фактами и порождает фейки.

В последние годы у непрофессионалов появились большие возможности «создавать» новости. В качестве примера можно привести сообщения о наводнении в Крымске в 2012 г. В условиях замалчивания положения дел со стороны официальных властей в блогосфере появились эмоциональные записи предположительных очевидцев. Особый резонанс вызвал пост Юлии Антроповой, которая распространила в «Живом журнале», «Фейсбуке», «ВКонтакте» информацию об открытии шлюзов Неберджаевского водохранилища: «Если не откроют, то вода затопит Новороссийск, а если открыть, то Крымск смрет». Чтобы остановить панику людей, которая возникла в результате тиражирования непроверенной информации, пришлось потратить много сил. Данный пример показывает, как непрофессионал сегодня может оперативно распространять любую информацию, формируя своими действиями информационную картину дня. Делается это для привлечения трафика, коммерческого продвижения или с целью развлечения.

Надо сказать, что сегодня генерация фейков вышла за пределы социальных сетей и стала востребована традиционными СМИ, прежде всего телевидением. Что во многом обусловлено многочисленными международными конфликтами, которые сопровождаются информационными войнами.

На протяжении всей истории массмедиа у профессионального сообщества журналистов наблюдается интерес к точно передаваемой информации. Яркий пример борьбы за точность фактов являет собой Америка конца XIX — начала XX вв., где появилось движение «разгребателей грязи» (“muckcrackers”), объединившее писателей, социологов, журналистов в их противостоянии политической и экономической коррупции

и монопольному положению «королей» нефти, стали и угля, обвиняемых в углублении социального неравенства. Лично погружаясь в действительность, «макрекеры» выносили на поверхность и разоблачительно представляли факты недобросовестной наживы, подкупа избирателей, сомнительных финансовых сделок, злоупотребления детским трудом, расизма, махинаций пищевых и страховых компаний. Примечательно, что их публикации изначально появились в популярной прессе, поскольку эта неприглядная действительность была одновременно и сенсационной, и скрытой от глаз обывателя. Один из ярких представителей движения Джордж Селдес (1890–1995) известен выпуском информационного бюллетеня “In fact” («На самом деле»), который признан первым удачным обзором американской журналистики. Выходивший с 1940 по 1950 г., он был основан с целью освещать «реальные новости», которые другие газеты, как правило, не осмеливались публиковать и замалчивали их. Характерно, что подзаголовком “In fact” была подпись «Антидот (противоядие) лжи в ежедневной прессе». Благодаря этому принципу издание было единственным надежным и решающим источником информации во время Второй мировой войны.

В условиях развития информационных технологий, которые обладают огромными возможностями, слухи и розыгрыши трудно распознаваемы. Пальма первенства здесь принадлежит Интернету, который «функционирует как множительный аппарат, позволяющий каждому пользователю с легкостью копировать документы, изображения, звуковые файлы» [2. С. 423], создавая не всегда достоверную информацию. Для ее предотвращения, сдерживания и опровержения нужны технические приемы и фильтры, которые бы способствовали профессионализации журналистского дела.

Список литературы

1. Барановский, В. Г. Современные глобальные проблемы / В. Г. Барановский. — М., 2010. — 350 с.
2. Бернштейн, У. История массмедиа / У. Бернштейн. — М., 2017. — 512 с.
3. Беспалова, А. Г. История мировой журналистики / А. Г. Беспалова. — М.; Ростов н/Д., 2003. — 423 с.
4. Вирен, Г. Современные медиа. Приемы информационных войн / Г. Вирен. — М., 2017. — 128 с.
5. Маккуэйл, Д. Журналистика и общество / Д. Маккуэйл. — М., 2013. — 368 с.
6. Мохова, Т. Ю. Факты и вымышленные персонажи в журналистике Марка Твена: особенности взаимодействия двух различных дискурсов / Т. Ю. Мохова // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. — 2016. — № 2. — С. 246–255
7. Пруцков, Г. В. Введение в мировую журналистику / Г. В. Пруцков. — М., 2010. — 432 с.

8. Стрельцов, А. А. Обеспечение информационной безопасности России / А. А. Стрельцов. — М., 2002. — 296 с.
9. Тertychnyy, А. А. Жанры периодической печати / А. А. Тertychnyy. — М., 2002. — 312 с.
10. Учёнова, В. В. Беседы о журналистике / В. В. Учёнова. — М., 1985. — 204 с.

Сведения об авторе

Распопова Светлана Сергеевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Московский государственный политехнический университет. Москва, Россия. ccpmiass@mail.ru

Богдан Елена Николаевна — кандидат филологических наук, корреспондент сайта Russian Business outlook. Нидерланды. elena.depater@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 11 (407). *Philology Sciences. Iss. 109. Pp. 48—53.*

FAKE NEWS: THE NATURE OF ORIGIN

S. S. Raspopova

Moscow State Polytechnic University, Moscow, Russia. ccpmiass@mail.ru

E. N. Bogdan

Russian Business outlook, Netherlands. elena.depater@gmail.com

In the article “Fake news: the nature of origin”, prototypes of fakes are considered: rumors and jokes. While reviewing the history of mass media the authors show that during the appearance and development of journalism, most of the news consisted mainly of inaccurate information. The paper provides evidence that the reliance on rumors was caused by the underdevelopment of oral and written forms of mass information activity in the pre-press period, the relative cheapness of rumors, censorship, the desire to entertain the audience, and the need to involve large segments of the mass audience in the consumption of information and, circulation and increase the capitalization of publications. On concrete examples it is shown that rumors were also historically used as a popular method of conducting information wars.

Keywords: *fake news, rumors, disinformation, information wars.*

References

1. Baranovsky V.G. *Sovremennye global'nye problemy* [Modern global problems]. Moscow, 2010. 350 p. (In Russ.).
2. Bernstein W. *Istoriya massmedia* [The history of mass media]. Moscow, 2017. 512 p. (In Russ.).
3. Bepalova A.G. *Istoriya mirovoj zhurnalistiki* [The history of world journalism]. Moscow; Rostov-on-Don, 2003. 423 p. (In Russ.).
4. Wyren G. *Sovremennye media. Prijemy informacionnyh vojn* [Modern Media. Methods of information wars]. Moscow, 2017. 128 p. (In Russ.).
5. McQueil D. *Zhurnalistika i obshhestvo* [Journalism and Society]. Moscow, 2013. 368 p. (In Russ.).
6. Mokhova T.Yu. Fakty i vymyshlennye personazhy v zhurnalistike Marka Tvena: osobennosti vzaimodejstviya dvuh razlichnykh diskursov [Facts and fictional characters in the journalism of Mark Twain: the features of the interaction of two different discourses]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Nizhny Novgorod University named by N.I. Lobachevsky], 2016, no. 2, pp. 246–255. (In Russ.).
7. Pruczkov G.V. *Vvedeniye v mirovuyu zhurnalistiku* [Introduction to World Journalism]. Moscow, 2010. 432 p. (In Russ.).
8. Strelczov A.A. *Obespecheniye infomacyonnoj bezopasnosti Rossii* [Ensuring Russia's information security]. Moscow, 2002. 296 p. (In Russ.).
9. Tertychny A.A. *Zhanry periodicheskoy pechaty* [Genres of periodicals]. Moscow, 2002. 312 p. (In Russ.).
10. Uchenova V.V. *Besedy o zhurnalistike* [Conversations about journalism]. Moscow, 1985. 204 p. (In Russ.).

УДК 81.2

ФОРМИРОВАНИЕ БЕРЕЖНОГО ОТНОШЕНИЯ К РУССКОМУ ЯЗЫКУ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА: ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ИЛИ ПАРАДОКС?

А. А. Селютин

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02032)

Языковая среда современных социальных медиа является благодатной почвой для языковых экспериментов и трансформаций. Эти процессы не могут восприниматься однозначно и вызывают в обществе противоположные реакции: от резкого неприятия до полного восторга и одобрения. В нашем небольшом исследовании в качестве материала мы взяли тот случай, когда сама языковая среда берет на себя функцию контролера или цензора, обозначая положительные и отрицательные практики словоупотреблений, нормы и правила общения. Под языковой средой в данном случае мы понимаем отдельные социальные группы с определенным количеством подписчиков.

Ключевые слова: лингвоответственность, языковая среда, социальные медиа, языковые эксперименты.

“Ignorantia non est argumentum”
Benedictus de Spinoza

В нашем небольшом исследовании мы обратились к терминологической базе новой науки — медиалингвистики — в частности, к термину, который звучит как «медиаличность». На сегодняшний момент, согласно статистике GoogleScholar, данное понятие практически не разработано (всего 75 ссылок по запросу) и имеет лишь несколько авторских интерпретаций, не позволяющих делать вывод об устоявшейся научной трактовке, поэтому анализ семантической трансформации первоисточников позволит более корректно подойти к формулированию дефиниции современного термина «медиаличность».

Начать можно с того, что и сам термин «медиаличность», и вообще тема языковой личности и языкового сознания появились в лингвистической науке сравнительно недавно. Что касается базового понятия «личность», то оно как категория социальная, философская, психологическая и т. п. имеет следующие трактовки (табл. 1).

Если мы просуммируем различные определения данной категории, то получившаяся дефиниция будет иметь следующий вид: **личность** — это целостная структура **социально значимых качеств, приобретенных индивидом в совместной с другими деятельности и общении, и определяющих его индивидуальность.**

В этом определении присутствуют несколько ключевых для нас элементов. Во-первых, это понятие системности. Личность встроена в систему общественных отношений и сама по себе является системно организованной. Во-вторых, это понятия общества и общности, которые указывают нам на возможные ситуативные трансформации личности в зависимости от ее социальной принадлежности, например, по профессии, возрасту, образованию.

Так, например, по мнению В. И. Аннушкина, «личностью человек как индивидуальное воплощение своего телесно-духовного единства становится только тогда, когда сформируется его нравственное и интеллектуальное мировоззрение, которое находит воплощение в характере речи» [1. С. 19]. Именно это свойство личности позволяет ей иметь множество проекций, что в свою очередь порождает активное терминообразование для обозначения каждого нового явления. В частности, в начале XX в., благодаря работам В. В. Виноградова, появляется термин «языковая личность», стремительно завоевавший лидирующие позиции в современной лингвистике и породивший в свою очередь многочисленные вариации: «виртуальная языковая личность», «профессиональная языковая личность», «корпоративная языковая личность», «лингвокультурная личность» и так далее.

Таблица 1

Трактовка понятия личность (на материале <http://dic.academic.ru>)

Философский словарь	Человеческий индивид как субъект отношений и сознательной деятельности (лицо в широком смысле слова)
Краткий психолого-психиатрический словарь	Врожденные особенности мышления, ощущений и поведения, определяющие уникальность индивида, его образ жизни и характер адаптации и являющиеся результатом конституционных факторов развития и социального положения
Толковый словарь Ушакова	Отдельное человеческое я, человеческая индивидуальность как носитель отдельных социальных и субъективных признаков и свойств
Энциклопедия культурологии	Термин, обозначающий социальный тип человека как продукта и носителя исторически определенной культуры и выполняющего определенные функции в системе сложившихся общественных отношений

Такое многообразие появившихся терминов можно представить в виде таблицы, отражающей структурные преобразования базового понятия «личность» (табл. 2, 3).

В настоящее время с позиции современных понятий системы лингвистического знания термин «языковая личность» наполняется не только общим, философским, социальным, гуманитарным, лингвистическим, но и медиа содержанием, благодаря которому акценты переносятся с системы общественных отношений (трактовки термина через систему общественных отношений) на средства, необходимые для реализации этого общения в эпоху современных информационных

технологий (речь идет о цепочке трансформации: личность — языковая личность — медиа-личность под влиянием различных социальных интернет ресурсов и многочисленных медийных интернет-практик).

Понятие «медиа-личность», также как и понятие «художественно-языковое сознание» (В. В. Виноградов), «лингвокультурная личность» (В. В. Воробьев), «коммуникативная личность» (В. И. Карасик), «языковая личность» (Ю. Н. Караулов), понятие многомерное, но в отличие от перечисленных оно более подходит к описанию современных коммуникативных практик.

Таблица 2

Трансформация понятия личность (1 уровень трансформации)

Языковая личность	Совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов), которые различаются: степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью (Ю. Н. Караулов)
-------------------	--

Таблица 3

Трансформация понятия «языковая личность» (2 уровень трансформации)

Виртуальная языковая личность	Представляет собой специфический тип личности, обусловленный ситуацией виртуального общения, влияющей на изменение уровней структуры языковой личности, в особенности мотивационного уровня (Лутовинова О. В. http://cheloveknauka.com/yazykovaya-lichnost-v-virtualnom-diskurse#ixzz4l6WsjfWG)
Профессиональная языковая личность	Совокупность языковых компетенций, обуславливающих восприятие и оперирование профессиональными субдискурсами в различных ситуациях профессионально-коммуникативного взаимодействия с учетом ролевых требований профессии, целей профессиональной деятельности и успешностью профессиональной самореализации (Мыскин С. В. http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2013_12-1_43.pdf)
Лингвокультурная личность	Закрепленный в языке (преимущественно в лексике и синтаксисе) базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляющий вневременную и инвариантную часть структуры личности (Маслова В. А. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/05.php)

В статье «Медиалингвистика и медиатекст: теория и практика» мы писали о том, что «пассивные читатели и авторы пабликов [имея в виду контент социальной сети ВКонтакте. — А. С.] начинают обращать внимание на грамотность использования речевых инструментов в повседневном общении» [3. С. 212], пытаясь активно или не очень влиять на него в сторону повышения уровня формальной грамотности.

Мы видим, что руководители групп ВКонтакте зачастую используют слоган, который, являясь своего рода брендбуком данного локального сообщества, задает определенный тон речевого поведения авторов статей и комментариев к ним: о чем я буду писать в данной группе и какой материал в виде постов и комментариев участников я ожидаю здесь увидеть. Этот слоган с одной стороны выступает как маркер для посетителей, которым нужно составить первое впечатление (мнение), с другой — как инструкция для пользователей, желающих на какое-то время привязать свою подписку к этой группе и имеющих определенные ожидания от данного контента. Формируется прослойка пользователей, обращающих внимание не только на содержание, но и на форму (подачу) материала, — пользователь с лингвоэстетической компетенцией.

В этой связи нам кажется уместным обратиться к статье М. В. Загидуллиной «“Зеленая лингвистика”: языковые компетенции как освоение “леса” и “сада”», в которой она обозначила новый исследовательский подход к процессам речепорождения и существования языка как системы — «зеленая лингвистика». В ней она пишет: «“Зеленый” подход предполагает способность “ноосферного человека” к приспособлению и вписыванию не только в пространство “сада”, но и в пространство “леса”, по сути человеку враждебного <...> с переходом в эпоху социальных сетей появились совершенно иные задачи — теперь каждый вынужденно оказывается вовлечен в активное медиатизированное пространство, и медиатизация проявляется в первую очередь в сужении приватного, частного пространства» [2. С. 20–21] с активным увеличением публичного пространства и пропорциональным увеличением лингвоответственности за размещаемый контент. Однако следует отметить, что далеко не все участники социальных медиа готовы брать на себя ответственность за свои речевые поступки, и поэтому сама система (социальная сеть или группа) должна брать на себя функцию речевого

воспитания: формирования лингвоэстетической компетенции и лингвоответственности за речевые высказывания.

Мы предположили, что активные участники данных сообществ должны испытывать на себе влияние контента, который, задавая определенный лексический и стилистический тон, будет прямо и косвенно влиять на формирование лингвоэстетической компетенции. Для нашего исследования мы отобрали 39 групп социальной сети «ВКонтакте», тематически связанных с проблемой воспитания грамотной языковой личности, формирования бережного отношения к русскому языку (см. ссылку выше). В качестве элементов анализа мы выделили заголовки и слоганы. Анализ осуществлялся при помощи программы SketchEngine (<https://www.sketchengine.co.uk/>).

Анализ заголовков групп (всего 39 групп и 179 лексем). Наиболее частотные производные лексические основы:

1) язык (22 повтора) в сочетании с такими группами лексем, как: *глаголы* — говорить, учить, любить; *прилагательные* — русский, родной, нормальный; *существительные* — тайна, правило, запас, посол, неологизм, мир, чистота, филология.

2) русский (23 повтора) в сочетании с такими группами лексем, как: *глаголы* — учить; *прилагательные* — современный, нормальный; *существительные* — литература, язык.

3) культура (4 повтора) в сочетании с такими группами лексем, как: *существительные* — речь, мысль, поведение.

Анализ слоганов групп (те же 39 групп и 1382 лексем). Наиболее частотные производные лексические основы:

1) язык (36 повторов) в сочетании с такими группами лексем, как: *глаголы* — изучать, знать, жить, любить, интересоваться, общаться, создавать; *прилагательные* — русский, образный, великий, великорусский, живой, человеческий, нормальный, родной, заимствованный; *существительные* — правило, любитель, проблема, литература, орудие, речь, факт, сообщество, сложность, проблема, разработка.

2) русский (23 повтора) в сочетании с такими группами лексем, как: *прилагательные* — правильный, великий, образный; *существительные* — язык, литература, речь.

3) слово (10 повторов) в сочетании с такими группами лексем, как: *глаголы* — выражать, соединять, быть; *прилагательное* — новый; *существительные* — цитата, стих, правило, значение, мир.

4) литература (9 повторов) в сочетании с такими группами лексем, как: *глагол* — говорить; *прилагательные* — художественный, иностранный, русский; *существительные* — язык, островок, призма.

В целом, мы можем отметить формирование определенного вербального фона, своего рода тона, который служит языковым ориентиром читателям и авторам контента данных групп социальной сети «ВКонтакте».

Список литературы

1. Аннушкин, В. И. Филология — словесность — риторика — культура речи: к уточнению терминов и содержания данных наук / В. И. Аннушкин // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г.) : в 15 т. — СПб., 2015. — Т. 8. — 375 с.
2. Загидуллина, М. В. «Зеленая лингвистика»: языковые компетенции как освоение «леса» и «сада» / М. В. Загидуллина // Горизонты цивилизации : материалы VII Аркаим. чт. — Челябинск, 2016. — С. 16–26.
3. Селютин, А. А. Медиалингвистика и медиатекст: теория и практика / А. А. Селютин // Профессиональная языковая личность : междунар. филол. форум, г. Сочи, 11–14 мая, 2017 г. — Сочи, 2017. — С. 208–213.

Сведения об авторе

Селютин Андрей Анатольевич — кандидат филологических наук, заведующий кафедрой теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. blind11@yandex.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 11 (407). Philology Sciences. Iss. 109. Pp. 54–57.

FORMATION OF A CAREFUL ATTITUDE TO THE RUSSIAN LANGUAGE IN SOCIAL MEDIA: REGULARITY OR PARADOX?

A. A. Selyutin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. blind11@yandex.ru

The language environment of modern social media is a fertile ground for language experiments and transformations. These processes can not be perceived unequivocally and cause in the society opposite reactions: from sharp rejection, to complete enthusiasm and approval. In our small study, as a material, we took the case when the language environment itself assumes the function of a controller or censor, denoting positive and negative practices of usage, norms and rules of communication. Under the language environment in this case, we mean individual social groups with a certain number of subscribers.

Keywords: *lingual responsibility, language environment, social media, language experiments.*

References

1. Annushkin V.I. Filologiya — slovesnost' — ritorika — kul'turarechi: k utochneniyuterminovisoderzhaniyadannyhnauk [Philology — literature — rhetoric — the culture of speech: to clarify the terms and content of these sciences]. *Russkij yazyk i literatura v prostranstve mirovoj kul'tury* : v 15 t. T. 8 [Russian language and literature in the space of world culture in 15 vol. Vol. 8]. St. Petersburg, 2015. 375 p. (In Russ.).
2. Zagidullina M.V. “Zelenaya lingvistika”: yazykovye kompetencii kak osvoenie “lesa” i “sada” [“Green Linguistics”: language competencies as mastering of “forest” and “garden”]. *Gorizonty civilizacii* [Horizons of civilization]. Chelyabinsk, 2016. Pp. 16–26.
3. Selyutin A.A. Medialingvistika i mediatekst: teoriya i praktika [Medialinguistics and MediaText: theory and practice]. *Professional'naya yazykovaya lichnost'* [Professional language personality]. Sochi, 2017. Pp. 208–213.

УДК 808.41
ББК 76.01

ТАКСОНОМИЯ ГЕРОИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

А. В. Таскаева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье рассматривается вопрос классификации героических личностей, согласно которой вслед за американскими учеными-психологами героизм может быть двух видов: физический героизм, связанный с опасностью для жизни, и социальный героизм, связанный с «социальной жертвой». В качестве примера в статье исследуется вербализация представлений о герое, чья профессия связана с риском для жизни (на материале англоязычного массмедийного дискурса).

Ключевые слова: герой, таксономия, психолингвистический подход, физический героизм, социальный героизм.

Образ героя является важнейшей составляющей любой национальной картины мира, в связи с чем проблема героизации требует тщательного и многоаспектного изучения. Однако вопрос таксономии героических личностей применительно к русской лингвокультуре никогда прежде не являлся предметом специального изучения в лингвистике. Мы предприняли попытку адаптировать классификацию известных американских психологов, занимающихся проблемами героизма, к лингвистическим исследованиям. Новизна нашего исследования заключается в применении междисциплинарного подхода к проблеме героизма.

Мы рассмотрели классификацию героических личностей, являющуюся результатом совместных исследований психологов З. Франко (*Zeno Franco*), К. Блау (*Kathy Blau*) и Ф. Зимбарго (*Philip Zimbardo*). Авторы приводят 12 типов героев и описывают ситуации, требующие от участников героических действий. Согласно мнению авторов, поступок может считаться героическим только в том случае, если присутствует определенная степень риска.

Итак, прежде всего, американские психологи разделяют физический героизм (*physical-risk heroism*), связанный с опасностью для жизни, и социальный героизм (*social heroism*), связанный с «социальной жертвой» (*social sacrifice*). Физический героизм имеет место в военной сфере (*martial heroism*) и может быть либо обусловлен профессией, либо не связан с долгом службы (*civil heroism*). Социально-героические поступки, как правило, более долгосрочные, осознанные действия, совершаемые во имя определенной ценности или убеждения [4].

В русскоязычной научной литературе нами не было обнаружено подобной концепции. В отечественной лингвистике принято типологически различать лишь героев литературных произведений/персонажей. Стоит отметить, что Д. А. Голубев подчеркивает, что героические поступки могут совершаться как на войне, так и в мирное время, однако не ставит во главу угла степень физического либо какого-либо другого риска: «Ситуации, в которых проявляется героическое поведение, возникают как в военное, так и в мирное время. На войне человек совершает подвиги, связанные с защитой Отечества от врагов. В мирное же время, согласно словарным определениям, человек может показать себя героем, спасая людей и помогая им в чрезвычайных ситуациях, в спорте, а также добиваясь значительных результатов в области культуры и искусства» [1. С. 7].

Разберем рассматриваемую классификацию более подробно. В зависимости от присутствия физического риска американские психологи выделяют следующие подтипы героев:

1. Военные и другие лица, подвергающиеся опасности по профессии (*military and other duty-bound physical risk heroes*). Здесь речь идет о военных и других категориях работников, чья профессия связана с риском для жизни (полицейские, пожарники, спасатели и другие).

2. Гражданские герои — герои, совершившие подвиг не по долгу службы (*civil heroes—non-duty bound physical risk heroes*). Речь идет о людях, рискующих собственной жизнью ради спасения других людей. Отметим, что Ф. Зимбарго развивает теорию гражданских героев, назы-

вает этот феномен «банальностью героизма» (*banality of heroism*) и предполагает, что «мы все потенциальные герои, ожидающие определенного момента в жизни, чтобы совершить подвиг. Решение действовать героически — это выбор, который многим из нас предстоит сделать в какой-то момент времени» [5. С. 31]. Мы называем героические поступки простых граждан «повседневным героизмом», основанным, прежде всего, на принципе гуманизма, абсолютно-го приоритета ценности человеческой жизни [2].

В зависимости от той «социальной жертвы», на которую идет человек во имя убеждений и идеалов, авторы различают несколько героических подтипов. Стоит оговориться, что так называемая «социальная жертва» не связана с физической опасностью, но подразумевает такие последствия совершаемых действий, направленных на служение благородным целям, как потеря финансовой стабильности / работы / доверия, снижение социального статуса, арест и другие. Итак, различают следующие типы героев: религиозные и политико-религиозные фигуры (*religious and politico-religious figures*), мученики (*martyrs*), политические лидеры и полководцы (*political or military leaders*), ученые (*scientific (discovery) heroes*), первооткрыватели (*adventurer/explorer/discoverer*). Требуя особого пояснения некоторые другие формулировки:

- Добрые самаритяне (*good samaritan*). Речь идет о людях, которые первыми приходят другим на выручку (что не всегда предполагает физическую опасность). Этимологически выражение связано с Притчей о добром самарянина, одной из известных притч Иисуса Христа, упоминаемой в Евангелии от Луки и рассказывающей о милосердии и бескорыстной помощи попавшему в беду человеку со стороны прохожего самарянина.

- «Не такие, как все» (*Odds beater/underdog*). Это люди, преодолевшие физические недуги и другие неблагоприятные обстоятельства и выступающие как образец для всех, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Так, например, ранее нами было обнаружено, что в английской лингвокультуре на лексическом и дискурсивном уровнях происходит героизация спортсменов-паралимпийцев [3].

- Правдоискатели (*bureaucracy heroes/whistleblowers*). Это те, кто отстаивает прин-

ципы справедливости, несмотря на давление высших должностных лиц, либо делает общественным достоянием секретную информацию о чьей-либо противозаконной, аморальной или общественно вредной деятельности.

Нас как исследователей в области лингвокультурологии интересует объективация представленных героических подтипов на языковом уровне на материале русского и английского языков. В рамках данной статьи мы опишем, каким образом происходит вербализация представлений о тех, чья профессия связана с риском для жизни. В качестве материала исследования выбран англоязычный массмедийный дискурс. Так, в Англии существует премия «Гордость Британии» (*“Pride of Britain”*), лауреатами которой становятся простые люди, совершившие героические поступки. Среди получивших премию: Сара Вайдрингтон (*Sara Widdrington*), полицейский, храбрая женщина, которая, находясь не при исполнении, в одиночку обезоружила преступника, совершившего нападение на кассира в супермаркете с целью ограбления. Поступок этой женщины характеризует ее как человека, до конца преданного своему делу, и вербализуется такими лексемами, как *fearless* (бесстрашный), *truly commendable* (действительно достойный похвалы), *real courage* (настоящее мужество), *dedication* (преданность).

Следует также отметить, что на лексическом уровне герои, подвиги которых описываются на анализируемом сайте [<http://www.prideofbritain.com/>], представлены такими номинациями, как: *truly remarkable people* (действительно выдающиеся люди), *who make our world a better place* (те, кто делает наш мир лучше), *the winners* (победители), *awe-inspiring* (те, кто вызывает благоговение), *a lesson to us all* (урок для всех нас), *truly extraordinary* (действительно неординарные), *remarkable individuals* (замечательные люди), *an inspiration* (вдохновение).

Итак, рассмотренная нами классификация героических личностей представляет интерес не только для исследований в области психологии, но и лингвистики. Перспективу исследования мы видим в дальнейшем изучении реализации представленных героических типажей на языковом уровне.

Список литературы

1. Голубев, Д. А. Лингвокультурный концепт «героизм» в русской и английской языковых картинах мира : дис. ... канд. филос. наук / Д. А. Голубев. — Ярославль, 2008. — 21 с.
2. Таскаева, А. В. «Герой повседневности» в системе общечеловеческих ценностей / А. В. Таскаева // Судьбы национальных культур в условиях глобализации : сб. материалов III Междунар. науч. конф., Челябинск, 26–27 марта 2015 г. / под. ред. М. Г. Смирнова. — Челябинск, 2015. — С. 209–212.
3. Таскаева, А. В. Героизация образа спортсмена-паралимпийца (по материалам британской прессы о XXX Паралимпийских Играх в Лондоне) / А. В. Таскаева // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2013. — № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. — С. 157–161.
4. Blau, K., Franco, Z., Zimbardo, Ph. (Spring 2009). Fostering the Heroic Imagination: An Ancient Ideal and a Modern Vision. *Eye on PSI CHI*. — P. 18–21.
5. Franco, Z., Zimbardo, P. (2006-07, Fall–Winter). The Banality of Heroism. *Greater Good*, 3 (2). — P. 30–35.

Сведения об авторе

Таскаева Анна Вячеславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и романо-германских языков, факультет Евразии и Востока, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. taskaeva_anna@bk.ru

---

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 11 (407). *Philology Sciences. Iss. 109. Pp. 12–20.*

TAXONOMY OF HEROIC FIGURES: PSYCHOLINGUISTIC APPROACH

A. V. Taskaeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. taskaeva_anna@bk.ru

The article deals with the classification of the heroic figures, according to which, after American psychologists, heroism can be of two types: physical-risk heroism, associated with physical peril, and social heroism, associated with social sacrifice. As an example, verbalization of representations of duty-bound individuals who act heroically is studied in the article (on the material of English mass media discourse).

Keywords: hero, taxonomy, psycholinguistic approach, physical heroism, social heroism.

References

1. Golubev D.A. *Lingvokul'turnyj koncept «geroizm» v russkoj i anglijskoj jazykovyh kartinah mira* [Linguacultural concept “heroism” in a worldview of the English]. Yaroslavl, 2008. 21 p.
2. Taskaeva A.V. “Geroj povsednevnosti” v sisteme obshhechelovecheskih cennostej [“Everyday Heroism” in the System of Human Values]. Smirnov M.G. (ed.). *Sud'by nacional'nyh kul'tur v uslovijah globalizacii* [Fortunes of national cultures in globalization context]. Chelyabinsk, 2015. Pp. 209–212.
3. Taskaeva A.V. Geroizacija obraza sportsmena-paralimpijca (po materialam britanskoj pressy o XXX Paralimpijskih Igrah v Londone) [The process of making a hero of a paralympian athlete (on the material of the British press about the XXX Paralympic Games in London)]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2013, iss. 82, no. 24 (315), pp. 157–161.
4. Blau K., Franco Z., Zimbardo Ph. (Spring 2009). *Fostering the Heroic Imagination: An Ancient Ideal and a Modern Vision. Eye on PSI CHI*, pp. 18–21.
5. Franco Z., Zimbardo P. (2006–07, Fall–Winter). *The Banality of Heroism. Greater Good*, 3 (2), pp. 30–35.

УДК 811.161
81-139
070
ББК 76.02
80

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ НАРРАТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В. В. Фёдоров

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02032)

В статье представлен обзор ключевых подходов в описании нарративной коммуникации и политического нарратива, функционирующих в рамках электорального дискурса. На основе обзора выдвигаются ключевые положения принципа реконструкции инвариантных (базовых) повествовательных моделей, актуализирующихся в ходе предвыборной кампании, и анализа нарративных стратегий в идентификации акторов избирательных мероприятий.

Ключевые слова: *электоральный медиадискурс, политический нарратив, нарративная коммуникация, идентификация, повествовательная модель.*

Одним из актуальных научных направлений в гуманитарном знании новейшего времени является изучение политической коммуникации, или политического дискурса. Можно говорить о появлении отдельных филологических дисциплин, например, политической лингвистики, целых научных школ и направлений. В первом ряду это когнитивные, коммуникативно-прагматические и социолингвистические исследования политического дискурса, работы А. Н. Баранова, А. П. Чудинова, Е. И. Шейгал и др.

Однако в последнее время перспективным становится изучение нарративного типа коммуникации в политическом дискурсе. Данный факт объясняется общим «нарративным поворотом» (Й. Брокмейер, Р. Харре) культуры. В современной публичной коммуникации происходит трансформация речеповеденческих моделей, формирующих тот или иной тип дискурса.

Сегодня все чаще массовая информация передается от адресанта к адресату не с помощью цифровых показателей, статистических данных, отдельных фактов, то есть логически-абстрактного (понятийного) мышления, специфического, институционально оформленного сообщения, а посредством рассказывания историй, построения повествовательных текстов: «Сообщение оказывается представленным в форме истории, рассказанной в соответствии с определенными соглашениями <...> Нарративы представляют

собой формы внутренне присущие нашим способам получения знания, которое структурирует наше восприятие мира и самих себя» [2. С. 29–43]. Это объясняется тем, что «истории» апеллируют, с одной стороны, к конкретно-чувственному началу, то есть обобщенному в конкретной форме образу фрагмента действительности (знакомые и понятные сюжеты), с другой стороны, свой личный опыт человек представляет в виде сценария, или фрейма. На данный феномен указывал еще Т. ван Дейк. Ученый отмечает, что «<...> важнейшим компонентом процессов построения и восприятия текстов является осмысление стоящих за ними социальных ситуаций и их когнитивная репрезентация» [3. С. 161]. Возникает дихотомия: реальная социальная ситуация (фрагмент) и представление о ней, которое существует в виде сценария, или фрейма, приобретенного в результате социокультурного опыта, который выступает не только шаблоном для производства нарратива, но своего рода интерпретационной рамкой. Второй элемент определяет построение дискурса, что и как мы будем говорить, сталкиваясь с реальной ситуацией или описывая ее в речи: «Когнитивные модели составляют референциальный базис для интерпретации дискурса, а не “фрагментов реального мира”, или ситуаций» [3. С. 164].

Однако в настоящий момент существует два понимания нарратива. Одно, более

традиционное, подразумевает под этим термином функционально-смысловой тип речи (повествование), другое — когнитивное проектирование, вербальное оформление и реализацию устойчивых повествовательных схем (сюжетов), то есть как речемыслительный акт, организованный по определенным фреймам.

Не отрицая оба подхода, мы понимаем под нарративным типом коммуникации актуализацию устойчивых повествовательных структур в конкретном типе дискурса, обусловленных прагматикой высказывания. Такая трактовка соответствует ключевым положениям нарратологии.

Так, в основополагающей работе Ж. Женетта «Повествовательный дискурс» [4] дано структурное описание повествовательного акта конкретной коммуникации.

Так, Ж. Женетт выделяет трехчастную модель повествовательных уровней, которую мы возьмем за основу модели развертывания высказывания: история (*histoire*) — повествовательное означаемое или содержание; наррация (*narration*) — повествовательный акт конкретной внутритекстовой коммуникации; повествование (*recit*) — означающее, дискурс, повествовательный текст [4].

На уровне истории областью описания становится отношение акторов, их корреляции, формирующие событийный ряд. Важнейшим показателем истории являются временные (залоговые) отношения, то есть порядок действий, выполнения функций. Они складывается из особых единиц — темпоральных мотивов (В. Шмид), формул, состоящих из набора функций акторов. Уровень рассказа (наррации), на котором, во-первых, реализуется «точка зрения» на означаемое в конкретном повествовательном акте, степень погруженности субъекта повествования в изображаемую реальность, во-вторых, происходит компоновка изображаемого материала, характеризующаяся отношениями следования, противопоставления, повторения; осуществляется конструирование нарратива. Это значит, что субъект повествования выбирает определенную позицию по отношению к означаемому, определенный ракурс, и воплощает ее в тексте в конкретных речевых актах, которые в совокупности образуют более крупную единицу — повествовательное высказывание. Элементами выступают субъектная организация, «система голосов» высказывания, степень включенности и участия субъекта в истории, его коммуникативная установка. Воплощением точки зрения являются формы присутствия авторского сознания в тексте как

конкретные повествовательные (речевые) акты. Уровень повествовательного текста как интонационно-речевого единства, дискурс, является материальным, чувственно воспринимаемым элементом коммуникации, оформляет наррацию в речь.

Данное направление — структурно-коммуникативное описание нарратива — получило развитие в работах ученых, изучающих фикциональный дискурс: S. Rimmon-Kenan [14], В. Шмид [11], а также в когнитивных и социолингвистических исследованиях нарратива: W. Labov, J. Waletzky [12; 13], Т. ван Дейк [3], D. Schiffrin [15] и др.

Следует подчеркнуть, что реализация повествовательной модели в конкретной коммуникации связана с прагматикой дискурса. Это положение привело к выделению такого более частного понятия, как политический нарратив, который служит упрощенным объяснением для рядового носителя языка специфических политических знаний и реализуется в медиадискурсе. Здесь мы также можем выделить несколько направлений исследований.

В работах Е. И. Шейгал политический нарратив предстает как вариант сверттекста: «В нашем понимании сверттекста как речевой реакции на политическое событие», ведущим признаком которого является содержательное единство [8. С. 354]. Автор объясняет прагматику политического нарратива необходимостью сообщить о конкретном событии, показать политическую сферу в целом обывателю в понятных формах и обобщениях, так как он не имеет специальных знаний, не владеет институциональным дискурсом профессионального политика [7]. Е. И. Шейгал так определяет политический нарратив: «Под политическим нарративом будем понимать совокупность дискурсных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события. Помимо собственно событийного аспекта, в нем находят отражение основные категории мира политического: субъекты (агенты) политики, политические ценности и диспозиции, политические действия и стратегии» [8. С. 354]. В статьях и исследованиях Е. И. Шейгал представлен обзор англоязычных источников по политическому нарративу, а также приведен обзор различных значений данного понятия¹.

В исследовании А. Г. Кириллова, основанном на ключевых положениях работ Е. И. Шейгал,

¹ См.: Шейгал, Е. И. Многоликий нарратив / Е. И. Шейгал // Полит. лингвистика. — 2007. — № 2 (22). — С. 86–93.

политический нарратив рассматривается как гипертекст, состоящий из текстов, посвященных «одному политическому событию», они «представляют собой единый политический нарратив, вне зависимости от политической, идеологической и социальной направленности СМИ» [5. С. 6]. Автор описывает универсальную структуру текста и жанровый репертуар, типичные для политического нарратива (рассказа о политическом событии), что приводит, по нашему мнению, к расширительному толкованию термина и отождествляет его с функционально-смысловым типом речи.

Оригинальную модель изучения политического нарратива предложил Shaul R. Shenhav. Суть методики заключается в выделении двух уровней описания: «верхний» и «глубокий» («the “thin” level and the “thick” level»). На первом уровне анализируются события и ситуации как фрагменты реальной действительности, последовательность их появления в тексте, на втором уровне — взаимосвязь компонентов нарратива, грамматика [16].

Отдельным направлением в изучении политического нарратива является журналистский подход, который подразумевает выделение устойчивых сюжетов в речах политиков и медиатекстах. Нарративы рассматриваются в связи с информационной повесткой, бытующей в средствах массовой коммуникации. Примером такого подхода является исследование М. А. Чижова. Так, автор описывает частотные сюжеты, например, нарративы «страха прихода во власть криминала», «страх прихода во власть чужаков», «страха перед социальными реформами», бытовавшие в рамках предвыборной кампании 2006–2007 гг. в России на региональном уровне [6].

Таким образом, опираясь на уже сложившуюся традицию описания нарративного типа коммуникации в политическом медиадискурсе, мы можем сформулировать основные положения методики реконструкции базовых повествовательных моделей, бытующих в электоральном медиадискурсе.

Необходимость выделения электорального субдискурса связана с его особыми функциями. Как

пишет В. Е. Беленко: «Электоральный дискурс — источник сведений, которые должны быть достаточными, учитывая желание избирателей минимизировать затраты на самостоятельный поиск информации, для выработки рационального (в смысле процедурной рациональности) решения о голосовании» [1. С. 83].

Иными словами, в рамках электорального медиадискурса будет формироваться уникальная базовая повествовательная модель, свой репертуар устойчивых нарративов, связанных с вопросами идентификации политика как легитимного субъекта избирательных мероприятий. Для конкретного рассмотрения сформулированных принципов мы использовали эмпирический материал, в качестве которого выступили публикации о предвыборных мероприятиях кандидатов в Государственную Думу от Челябинской области за май-июнь 2016 г.

Итак, во-первых, мы должны установить корреляцию между социальными практиками, которые конвенционально закреплены за участниками предвыборной кампании (действия, поступки, события), то есть определить основные категории предвыборной политической реальности, и медиатекстами, которые станут реакцией на эти факты.

Социальные практики (в понимании П. Бурдьё) участников выборов конвенционально определяют участие кандидатов в публичных мероприятиях и акциях, в рамках которых они могут быть представлены аудитории, то есть произойдет официальная публичная инициация. Так, по итогам анализа журналистских материалов регионального уровня о предвыборных мероприятиях А. Литовченко и А. Севастьянова (май–июнь 2016 г.) мы выявили следующие упоминания о типичных мероприятиях и установили их соотношение (см. таблицу).

Приведенные результаты свидетельствуют о типизированности таких событий-мероприятий и их устойчивой повторяемости, следовательно — их проведение диктуется самими правилами ведения предвыборной кампании.

Во-вторых, выявить и описать когнитивные механизмы, определяющие организацию базовой

Субъекты повествования	Общее количество публикаций	Публичные акции, социально значимые мероприятия	Инициализирующие мероприятия	Политические и хозяйственные действия
Алексей Севастьянов	24	7	6	11
Анатолий Литовченко	21	12	6	3

нарративной модели: круг источников, определяющих пресуппозитивные знания аудитории о конкретной сфере, установки и стереотипы, влияние речевых и журналистских жанров.

Одним из главных источников, формирующих образ кандидата и самой избирательной кампании в сознании аудитории, сегодня являются средства массовой информации. Именно тексты различных медиа становятся основой когнитивной модели, определяющей правила говорения об участниках выборов в среде рядового электората, а также для продуцирования новых медиатекстов об избирательной кампании. Показательно, что наблюдается сращение собственно журналистского дискурса и PR-дискурса, что проявляется в паратекстовых элементах (так, например, отсутствует указание автора материала, появляется маркер «на правах рекламы» как жанрово-тематическая номинация). Однако само сообщение сохраняет, или даже мимикрирует под журналистское повествование. Чаще всего эти материалы «созданы» в жанре репортажа, информационном и аналитическом интервью, воспроизводят их стилистические модели в заголовочном комплексе.

В-третьих, выделение «типичных», повторяющихся в разных текстах, мест (топики), структурно-композиционных и лексико-грамматических особенностей.

В рамках указанного выше эмпирического материала мы выявили устойчивую повествовательную модель, отличающуюся стабильным набором структурных компонентов и композиционной оформленностью. Так, в условиях включенности в медиадискурс электоральные тексты о деятельности кандидатов всегда приурочены к конкретному событию, как того требует журналистский дискурс. При этом само событие может быть инициировано кандидатом, представителями его партии, может не соответствовать требованиям социально значимой информации. Именно

событийность становится способом идентификации кандидата, так как в рассказ о нем рекурсивно встраивается рассказ об инициаторе этого события. С другой стороны, в рамках конвенций избирательной кампании само событие отходит на второй план, оно становится поводом рассказать о политических ценностях и идеологии кандидата, «показать» его в действии, которое становится фреймом для считывания его дальнейших действий, а также выражением обобщенных суждений, эксплицирующих «голос большинства», «голос народа» с использованием таких языковых единиц, как категория состояния, глаголов с семантикой долженствования [9]. Финальным компонентом базовой модели является заключение-суждение, которое построено по всем правилам катартического искусства. В наших более ранних работах описана базовая модель повествования [10].

В-четвертых, выявление устойчивых «сюжетов», актуальных для конкретного кандидата или универсальных в своем содержании. Появление таких «сюжетов» связано с информационной повесткой конкретного периода, с ранжированием объектов журналистского дискурса. Так, в материалах за май–июнь 2016 г. нами были выделены такие «сюжеты»: «борьба с чиновничьим произволом», «решение социальных проблем, которые остались от предшественников», «помощь детям и пенсионерам», «история успешного руководства или деятельности кандидата в прошлом», «память о войне», «государственные праздники».

Таким образом, нарративный тип коммуникации позволяет выстраивать понятный/доступный образ политика, участника избирательных мероприятий, так как аудитория не имеет специальных знаний о процедурах агитации и голосования и правилах проведения выборов, а также трансформирует институциональное высказывание в историю с главным героем, деятельность которого объясняется через узнаваемые фреймы.

Список литературы

1. Беленко, В. Е. Российский электоральный дискурс с позиций концепции процедурной рациональности / В. Е. Беленко // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Философия. — 2007. — № 5 (2). — С. 82–86.
2. Брокмейер, Й. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Й. Брокмейер, Р. Харре // Вопр. философии. — 2000. — № 3 — С. 29–42.
3. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — М., 1989.
4. Женетт, Ж. Повествовательный дискурс / Ж. Женетт // Фигуры: Работы по поэтике : в 2 кн. / Ж. Женетт. — М., 1998. — Кн. 2.
5. Кириллов, А. Г. Политический нарратив: структура и прагматика (на материале современной англоязычной прессы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Г. Кириллов. — Самара, 2007. — 23 с.

6. Чижов, М. А. Особенности избирательных технологий в регионах России в 2006–2007 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. А. Чижов. — М., 2008. — 20 с.
7. Шейгал, Е. И. Политический скандал как нарратив / Е. И. Шейгал // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. — Волгоград, 1998. — С. 55–68.
8. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Е. И. Шейгал. — Волгоград, 2000. — 431 с.
9. Федоров, В. В. Трансформация экспрессивного компонента риторической модели современных российских медиа / В. В. Федоров // Медиалингвистика. Вып. 5. Язык в координатах массмедиа : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (6–9 сентября 2016 г., Варна, Болгария) / отв. ред. В. В. Васильева. — СПб., 2016. — С. 52–54.
10. Федоров, В. В. Нарративные стратегии регионального журналистского дискурса в материалах о выборах в Государственную Думу // Профессиональная культура журналиста цифровой эпохи : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, 19 мая 2017 г.) / сост. О. Ф. Автохутдинова. — Екатеринбург, 2017. — С. 264–267.
11. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. — М., 2003.
12. Labov, W. The Transformation of Experience in Narrative Syntax / W. Labov // Language in the Inner City. — Philadelphia, 1972. — P. 354–396.
13. Labov, W. Narrative analysis: Oral versions of personal experience / W. Labov, J. Waletzky // J. Helm (ed.). Essays on the verbal and visual arts. — Seattle, WA, 1967. — P. 12–44.
14. Rimmon-Kenan, S. Narrative fiction. — London, 1983.
15. Schiffrin, D. Redoing and replaying / D. Schiffrin // In Other Words: Variation in reference and narrative. — Cambridge, 2006. — P. 314–340.
16. Shenhav, S. R. Thin and thick narrative analysis On the question of defining and analyzing political narratives / S. R. Shenhav // Narrative Inquiry. — 2005. — № 15 (1). — P. 75–99.

Сведения об авторе

Фёдоров Василий Викторович — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций факультета журналистики, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. vvf-82@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 11 (407). *Philology Sciences. Iss. 109. Pp. 61–66.*

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE STUDY OF THE NARRATIVE TYPE OF COMMUNICATION IN THE ELECTORAL OF MEDIADISOURSE

V. V. Fedorov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. vvf-82@mail.ru

The article provides an overview of key approaches in describing narrative communication and political narrative functioning within the framework of electoral discourse. Key provisions of the principle of reconstruction of invariant (basic) narrative models, actualized during the election campaign, and analysis of narrative strategies in the identification of actors of electoral events are put forward.

Keywords: *electoral discourse on the media, political narrative, narrative type of communication, identification, model of the narrative.*

References

1. Belenko V.E. Rossijskij jelektoral'nyj diskurs s pozicij koncepcii procedurnoj racional'nosti [Russian electoral discourse from the standpoint of the concept of procedural rationality]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy], 2007, no. 5 (2), pp. 82–86. (In Russ.).

2. Brokmejer J., Harre R. Narrativ: problemy i obeshhanija odnoj al'ternativnoj paradigmy [Narrative: problems and promises of one alternative paradigm]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2000, no. 3, pp. 29–42. (In Russ.).
3. Dejk T.A.van. *Jazyk. Poznanie. Kommunikacija* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, 1989. (In Russ.).
4. Zhenett Zh. Povestvovatel'nyj diskurs [Narrative Discourse]. *Figury: Raboty po pojetike : v 2 kn. Kn. 2* [Works on poetics in 2 book. Book 2]. Moscow, 1998. (In Russ.).
5. Kirillov A.G. *Politicheskij narrativ: struktura i pragmatika (na materiale sovremennoj anglojazыchnoj pressy)* [Political narrative: structure and pragmatics (on the basis of the modern English-language press)]. Samara, 2007. 23 p. (In Russ.).
6. Chizhov M.A. *Osobennosti izbiratel'nyh tehnologij v regionah Rossii v 2006–2007 gg.* [Features of electoral technologies in the regions of Russia in 2006–2007]. Moscow, 2008. 20 p. (In Russ.).
7. Shejgal E.I. Politicheskij skandal kak narrative [Political Scandal as a Narrative]. *Jazykovaja lichnost': sociolingvisticheskie i jemotivnye aspekty* [Language personality: sociolinguistic and emotive aspects]. Volgograd, 1998. Pp. 55–68. (In Russ.).
8. Shejgal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [The Semiotics of Political Discourse]. Volgograd, 2000. 431 p.
9. Fedorov V.V. Transformacija jekspressivnogo komponenta ritoricheskoj modeli sovremennyh rossijskih media [Transformation of the expressive component of the rhetorical model of modern Russian media]. Vasil'eva V.V. (ed.). *Medialingvistika. Vyp. 5. Jazyk v koordinatah massmedia* [Medialinguistics. Iss. 5. Language in media coordinates]. St. Petersburg, 2016. Pp. 52–54. (In Russ.).
10. Fedorov V.V. Narrativnye strategii regional'nogo zhurnalistskogo diskursa v materialah o vyborah v Gosudarstvennuju Dumu [Narrative strategies of regional journalistic discourse in the materials on the elections to the State Duma]. *Professional'naja kul'tura zhurnalista cifrovoj jepohi* [Professional culture of the journalist of the digital age]. Ekaterinburg, 2017. Pp. 264–267. (In Russ.).
11. Shmid V. *Narratologija* [Narratology]. Moscow, 2003. (In Russ.).
12. Labov W. The Transformation of Experience in Narrative Syntax. *Language in the Inner City*. Philadelphia, 1972. Pp. 354–396.
13. Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience. Helm J. (ed.). *Essays on the verbal and visual arts*. Seattle, WA, 1967. Pp. 12–44.
14. Rimmon-Kenan S. *Narrative fiction*. London, 1983.
15. Schiffrin D Redoing and replaying. *In Other Words: Variation in reference and narrative*. Cambridge, 2006. Pp. 314–340.
16. Shenhav Shaul R. Thin and thick narrative analysis On the question of defining and analyzing political narratives. *Narrative Inquiry*, 2005, 15 (1), pp. 75–99.

УДК 821.161.1.0
ББК 83.03

КОММЕНТАРИЙ — ОДИН ИЗ ВАЖНЕЙШИХ КОМПОНЕНТОВ В РАБОТЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Ф. К. Хабибуллаева

Андижанский государственный университет, Андижан, Узбекистан

В статье на основе второго перевода на русский язык романа А. Кадыри «Минувшие дни», осуществленного М. Сафаровым в 2008 г., рассматриваются проблемы воссоздания национального своеобразия оригинала. Показано, что недостаточное понимание реалий национальной жизни приводит к серьезным упущениям и что комментарий — один из важнейших средств адекватного перевода.

Ключевые слова: *оригинал, адекватный перевод, исторические реалии, комментарий.*

В практике художественного перевода нередко возникают ситуации, когда передача смысла того или иного слова или выражения невозможна без соответствующего комментария.

Под комментарием мы понимаем следующее его определение, высказанное Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым в монографии «Язык и культура»: «<...> имеется немало приемов и способов семантизации слов, но когда приходится говорить о формировании чувств, отношения, оценки, мы оставляем область хорошо изведанного, отправляемся в пока еще не познанное и можем опереться на рекомендации, сложившиеся эмпирически <...> как бы то ни было в сфере коннотативных слов мы не можем прибегать ни к переводу, ни к наглядной семантизации, ни к однофразовым толкованиям, ни даже к видовым определениям. Остается полагать, что основным приемом здесь становится комментарий» [2. С. 83].

В настоящей статье проведен анализ отдельных неточностей во втором переводе романа А. Кадыри «Минувшие дни» с узбекского на русский [4]. Справедливости ради следует отметить, что второй перевод был осуществлен с целью преодоления недостатков первого [7] и что в определенной мере эта цель достигнута. И все же данный перевод еще не совершенен и может считаться, как нам представляется, только очередным шагом на пути к адекватному переводу первенца узбекской романистики. Мы же в рамках данной статьи ограничимся рассмотрением возможности применения комментария как важнейшего компонента, способствующего адекватности перевода шедевра А. Кадыри с узбекского на русский язык.

М. М. Морозов в свое время отмечал: «Национальное своеобразие подлинника нераз-

рывно связано с историей общества, с историей народа. Поэтому те элементы подлинника, которые непосредственно связаны с историей данного народа, то есть так называемые исторические реалии, требуют к себе особого внимания» [5. С. 17]. Реалии, как отмечает О. С. Ахманова, — это «разнообразные факторы <...>, такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей языка и т. п.» [1. С. 381].

Так, например, сложный глагол «фотиха қилмоқ», образованный соединением арабского слова «фотиха» (очмок) и узбекского вспомогательного глагола «қилмоқ» (делать, совершать), означает действие, очень часто совершающееся в повседневной жизни узбекского народа. Заранее надо сказать, что словарное значение арабского слова «фотиха» не соответствует тому, что подразумевается под производным от него узбекским словом. Более того, в буквальном значении данное сочетание ровным счетом ничего и не означает, несет какую-то несуразницу. Однако это не помешало слову прочно занять место в активном словаре узбекского языка. Причина же в том, что носители языка стали обозначать этим словом слишком часто повторяемое ими действие. Глагол «фотиха қилмоқ» многозначен, но эта многозначность особая, вытекающая из многозначности самого действия. Дело в том, что здесь налицо различие формы действия и его содержания — сути. Форма действия, то есть его внешнее проявление, неизменна и заключается в следующем: 1) руки возводятся открытыми ладонями вверх, произносится слово «Омин» (Аминь); 2) мольба — обращение к Аллаху; 3) ладонями проводится по лицу со словами «Аллаху Акбар!» (Аллах велик). В отличие от формы, содержание

действия изменчиво, так как в каждой конкретной жизненной ситуации форма наполняется конкретным содержанием. Ибо вторая составляющая формы — мольба к Аллаху, меняется в зависимости от конкретной жизненной ситуации.

Например, придя в гости, просят Аллаха ниспослать хозяевам этого дома мира, спокойствия, благополучия и т. п.; после еды — благодарят Аллаха за еду и молят, чтобы энергию, полученную от этой пищи, направить на угодные Ему дела; при уходе — мира, благополучия, чтобы встречались в добром здравии и духе; отправляясь в путь — желают доброй дороги и скорой встречи и так далее. Иными словами, «фоти́ха қилмоқ» стало означать бытовую реалию, которая стала важнейшей частью узбекского национального этикета.

В пользу вышесказанного свидетельствует и то, например, что в романе Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» слово «фоти́ха қилмоқ» встречается 39 раз. Конечно, можно возразить, что есть множество слов, частота использования которых в несколько раз превышает это число. Однако в данном случае нас интересует не частота слова как такового, а частота обозначаемого им действия. Другой очень важный момент, как сказано выше, заключается в том, что суть действия (или же значение слова) не одинакова. Для читателя-узбека не составляет труда понять суть действия в каждом отдельном случае, тогда как русскоязычный читатель лишен такой возможности.

В отличие от христиан, произносящих благодарственную молитву перед тем как приступить к еде, мусульмане благодарят Аллаха после еды. Такая ситуация встречается в романе четыре раза. Благодарение Аллаха после еды — «фоти́ха қилмоқ» — в течение веков и в силу вероисповедания превратилось в своего рода обязательный ритуал. Было бы ошибочным понимать здесь какую-то конкретную молитву. То есть мольба произвольна: оставаясь неизменным в своем ядре — благодарение и хвала Аллаху, текст может варьировать: может быть кратким или длинным, на узбекском или на арабском/персидском и так далее. Например, в главе «Признание» читаем: «После плова Уста Алим прочел такую молитву:

— Да уничтожит Аллах всех ваших недругов, да пошлет вам счастье с вашей возлюбленной женой!» [3]. Читатель-узбек знает, что это только конец мольбы, то есть приложение к ритуальной части, так как до этого Уста Алим должен был

благодарить и возвести хвалу Аллаху за еду.

Глава «Шила в мешке не утаишь» начинается со слов: «Завтрак подходил к концу. Атабек, помолвившись, хотел подняться», — прочитать фати́ху, но тут отец приказал сыну сесть. И фати́ха приостановилась. Дальше Хаджи допрашивает своего сына о случившемся в Маргилане (он получил письмо от тестя). Отец сказал, что сваты на днях придут в Ташкент, чем хотел узнать отношение сына. Незаконченное действие заканчивается только в главе «Письмо». «После такого ответа хаджи несколько успокоился, провёл в молитве ладонями по лицу, поднялся и, достав из кармана письмо, передал его Атабеку» [4]. Исходя из контекста, читатель-узбек может представить себе суть данной фати́хи, которая, на наш взгляд, должна состоять из трех частей:

- 1) благодарение Аллаха за пищу;
- 2) мольба, чтобы «черные» дни были последними;
- 3) пожелания, чтобы сваты доехали в здравии и родственники воссоединились.

Так возможно было бы, но этого нет в переводе. Необходимо сказать, что перевод осуществлен дословно верно, однако русскоязычный читатель не может понять вышеизложенные нюансы. И нам кажется, было бы желательно эту реалию уточнить. Например, в другом случае, когда это необходимо, писатель сам уточняет суть фати́хи. В главе «Смутные дни»: «Кумыс допит, шурпа съедена. Поблагодарив молодую хозяйку, убравшую дастархан, прочитали благодарственную молитву с пожеланием ей сыночка и, дав ей тридцать пулов на сурьму, они пошли в степь прогуляться, собрать фиалок» [4]. В оригинале вместо «фоти́ха ўқимок» использовано слово «дуо қилмоқ», которое будучи синонимом в большинстве случаев означает то же действие. Здесь налицо форма действия: поели, поблагодарили Аллаха за пищу, пожелали хозяйке сыночка. В отличие от рассмотренных нами примеров, этот самый удачный, так как здесь «фати́ха» уточняется. Такой подход был бы верным.

В узбекском языке и быту «фоти́ха ўқимок» означает также «освятить», то есть существует обычай, когда старейшины, уважаемые люди освящают фати́хой новое дело, новое приобретение и т. п. Об этом ритуале говорит Уста Алим, встречая уважаемого гостя — своего наставника Уста Парфи: «Фоти́ха ўқишға келармисиз, деб кутдим, шу чоқғача дарагингиз бўлмади» [7. С. 230] («Все ждал, что вы придете освятить ее вашей молит-

вой, а вы до сих пор не показывались» [4. С. 246]). Согласно обычаю, мастер, начинающий самостоятельное дело, должен получить освящение или благословение своего наставника и верить, что дальнейшие его дела пойдут лучше.

Глагол «фотиха қилмоқ» используется также как синоним к словам «дать согласие», «дать разрешение», «помолвка». Дело в том, что по мусульманским обычаям согласие подкрепляется фатихой с соответствующими словами. Поэтому следующий пример: «Мен бу кун фотиха қилиб келдим» [7. С. 218] («Сегодня я совершил (прочитал) фатиху со сватами» [3. С. 216]), — переведен неверно. Данное предложение может быть переведено следующим образом: «Сегодня я дал свое согласие и подкрепил его фатихой».

Как было сказано выше, в зависимости от ситуации «фотиха қилмоқ» может означать то, чего нет в его словарном толковании. Например, когда Хушруй обращается к сватам со словами: «Фотиха ўқуб ташвиш чекмай уйларинга жўнай берингла» [4. С. 367] («Не утруждайте себя молитвами и возвращайтесь домой!» [3. С. 391]), — она на самом деле выставляет их за дверь. То есть в данном контексте слово «фотиха қилмоқ» использовано в значении «действия, совершаемого перед уходом», чем Хушруй как бы говорит: прочитайте фатиху и уходите, то есть открыто их выгоняет из дома. Непонимание этой тонкости приводит в переводе к искажению смысла. Также надо сказать, что в данном предложении «фотиха қилмоқ» имеет двойное значение: во-первых, это благодарственная молитва, которую читают перед уходом из дома; во-вторых, сватовство. А это значит, что для адекватного перевода следует учитывать данное обстоятельство.

В узбекском языке «фотиха қилмоқ» означает также финальное действие намаза. Так, когда слуга Атабека Хасанали приходит к знатному Зия-шахици, застаёт последнего за чтением намаза и, присев поодаль, покорно ждет конца молитвы. Здесь Хасанали действует согласно мусульманским обычаям. Согласно оригиналу, также ведет себя и Зия-шахици: «Зие шохичи ёнига салом бериб жойнамаздан орқасига караб куйди. Фотихага кул кутарди. Фотихадан сунг келиб Хасанали билан сурашди» [7. С. 38]. То есть, хотя он и сразу заметил пришедшего гостя, обернулся только после того, как совершил приветствие в обе стороны и наскоро прочитал фатиху.

Этот фрагмент переводится как: «Зия-шахици, завершая молитву, по ритуалу поворачивал голо-

ву с молитвенного коврика вправо и влево от себя и произносил — “Ассалому алейкум”. Затем он воздел руки к небу, сказал заключительные слова молитвы и после этого подошел к старику поздороваться» [4. С. 43]. Как видим, здесь налицо увеличение объема текста в переводе, что объясняется стремлением переводчика донести суть описываемого. Однако все же суть жизненной ситуации и действий Зия-шахици переданы неверно. В переводе утрачены важные нюансы в действиях Зия-шахици. Во-первых, здесь он, в отличие от оригинала, вообще не замечает приход Хасанали и поэтому, во-вторых, не стремится ускорить процесс чтения намаза. Дело в том, что приветствием в обе стороны от себя обязательная часть намаза считается завершённой, далее идет произвольная часть, где молящийся может обращаться к Аллаху с мольбой, восхвалять его, читать салават в честь пророка. Соответственно продолжительность может различаться. Зия-шахици, заметив гостя, ускорил процесс и прочитал фатиху — завершающее действие намаза, после чего подходит к гостю. Как видим, в переводе утрачена еще одна тонкость национального своеобразия. А именно, Зия-шахици и Хасанали воспитаны в духе мусульманина: каждый из них по-своему проявляет уважение. Хасанали почтительно будет дожидаться конца намаза сколько бы он ни длился, а Зия-шахици, в свою очередь, заметив Хасанали, дочитывает только обязательную часть намаза и завершает его фатихой. Русский читатель, не зная этих тонкостей, может прийти в недоумение: пришел гость, а хозяин читает себе намаз, а потом и фатиху. Причиной является неадекватная передача ситуации, в результате чего русскоязычный читатель недопонимает тонкостей национального характера, суть обычаев, мусульманских традиций. Чтобы избежать этого, следовало бы дать комментарий или же подробно описать действие даже за счет увеличения текста перевода.

У узбеков все религиозные и бытовые ритуалы завершаются фатихой, и поэтому наряду с другими выражение «фотиха қилмоқ» имеет значения «завершить», «конец» и т. п. Так, в конце романа перед отъездом в Маргелан родители посещают могилу Кумуш. Понятны страдания постаревших родителей, лишившихся единственного ребенка — они рыдают, никак не могут взять себя в руки, кажется нет конца их горьким слезам. Назначенный Юсуфбеком хаджи Кори — чтец Корана, который в это время находился

в корихане (специальное помещение в крупных кладбищах, отведенное для чтецов Корана), поняв состояние близких усопшей, подошел и, присев, начал читать суру из Корана. По завершении («Фотиха тортилгандан сўнг» [7. С. 388]) чтения молитвы родители усопшей отблагодарили чтеца. И только после этого, немного успокоившись в процессе чтения Корана (любому читателю-узбеку знакомо успокаивающее действие чтения Корана, то есть само указание на это является реалией) чтецом, каждый по отдельности смог посвятить свое чтение из Корана усопшей. Надо сказать, что описанное в данном эпизоде является реалией, что можно наблюдать и в настоящее время. Однако в первом переводе оставили только основную суть эпизода, опуская важные детали, характеризующие как саму ситуацию, так и персонажей в данной ситуации. В результате сцена прощания, которую читатель узбек может представить себе словно последовательность кадров из фильма, теряет свою живость, становится рядовым сообщением. В отличие от первого, во втором переводе заметно стремление к точной передаче сути эпизода: «По окончании молитвы кутидор и Офтоб-айим отблагодарили чте-

ца монетами. После того как ушел чтец, каждый из этих троих, взяв себя в руки, по отдельности посвятил молитву памяти усопшей» [4. С. 415]. Однако здесь, на наш взгляд, было бы уместно уточнить в тексте, то есть указать на «успокаивающее действие чтения».

Как видно, для того чтобы адекватно передать реалию, необходимо глубокое знание культуры переводимого народа, быта, жизни. Все это доказывают и слова А. В. Федорова: «Само собой разумеется, что возможность правильно передать обозначения вещей, о которых идет речь в подлиннике, и образов, связанных с ними, предполагает знание действительности, изображенной в переводимом произведении» [6. С. 175].

Сопоставительный анализ переводов романа «Минувшие дни» на русский язык показал, что для передачи национального духа оригинала следовало бы снабдить перевод подробными этнографическими комментариями. Это дало бы возможность переводчику адекватно передать смысл многозначных реалий (как «фотиха килмоқ») в каждом конкретном эпизоде, а читателю правильно воспринять суть описываемого в романе.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М., 1966. — 607 с.
2. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвостановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. М., 1973. — 232 с.
3. Кадыри, А. Минувшие дни / А. Кадыри. — Ташкент, 1984. — 336 с.
4. Кадыри, А. Минувшие дни / А. Кадыри. — Ташкент, 2009. — 432 с.
5. Морозов, М. М. Пособие по переводу / М. М. Морозов. — М., 1956. — 146 с.
6. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода / А. В. Федоров. — М., 1968. — 395 с.
7. Кадыри, А. Ўтган кунлар / А. Кадыри. — Тошкент, 2014. — 400 б.

Сведения об авторе

Хабибуллаева Феруза Казымовна — старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, Андижанский государственный университет. Андижан, Узбекистан. feruza0902@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2017. No. 11 (407). *Philology Sciences. Iss. 109. Pp. 67—71.*

A COMMENT IS ONE OF THE MOST IMPORTANT COMPONENTS IN THE WORK OF AN INTERPRETER

F. K. Khabibullaeva

Andijan State University, Andijan, Uzbekistan. feruza0902@mail.ru

This article is based on the second translation into Russian of the novel by A. Kadyri «Past Days», implemented by M. Safarov in 2008, the problems of recreating the national originality of the original are considered. It is shown that a lack of understanding of the realities of the national life leads to serious omissions and that the commentary is one of the most important means of adequate translation.

Keywords: *original, adequate translation, historical realities, commentary.*

References

1. Axmanova O.S. *Slovar lingvisticheskix terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, 1966. 607 p. (In Russ.).
2. Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. *Yazyk i kultura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and Culture: Linguistic studies in teaching Russian as a foreign language]. Moscow, 1973. 232 p. (In Russ.).
3. Kadyri A. *Minuvshie dni* [Past days]. Tashkent, 1984. 336 p. (In Russ.).
4. Kadyri A. *Minuvshie dni* [Past days]. Tashkent, 2009. 432 p. (In Russ.).
5. Morozov M.M. *Posobie po perevodu* [Translation benefit]. Moscow, 1956. 146 p. (In Russ.).
6. Fedorov A.V. *Osnovy obshhej teorii perevoda* [Fundamentals of the general theory of translation]. Moscow, 1968. 395 p. (In Russ.).
7. Kadyri A. *Utgan kunlar* [Past days]. Tashkent, 2014. 400 p. (In Uzbek).

УДК 811
ББК 83.7

ОБРАЗ РОССИИ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ В. В. ПУТИНА (по данным количественного анализа)

О. И. Шарафутдинова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02032 «Ментально-языковые трансформации русской лингвокультурной личности: поиск идентичности в медиатизированном обществе»)

В статье рассматривается вопрос о конструировании языка власти в современных условиях медиатизированного общества. С помощью онлайн-сервиса Sketch Engine создается корпус текстов, включающий 153 выступления В. В. Путина, опубликованных на официальном сайте Президента РФ в 2016–2017 гг. На основе количественных данных анализируются особенности трансляции образа России.

Ключевые слова: *В. В. Путин, образ России, корпус текстов, Sketch Engine, Россия, российский.*

Одной из особенностей социального и политического развития России XX и XXI вв. является ведущая роль идеологии, часть исследователей указывают на идеократический характер власти в СССР [9]. Одним из первых такую характеристику дал Н. А. Бердяев, отмечая, что диктатура большевиков была не только политической или экономической, но и интеллектуальной. Новая власть, не стесняясь в средствах, стремилась установить свой контроль над духом, совестью и мыслью [2]. Действительно, важным элементом доктрины большевиков, который в том числе и побуждал их захватывать и удерживать власть, была уверенность в правильности идеологических построений. Так, В. И. Ленин вывел формулу: «Учение Маркса всесильно потому, что оно верно» [3]. Такая позиция приводит, с одной стороны, к выработке особого политического языка, а с другой стороны, дает большевикам право устанавливать идеологический контроль, в том числе и над средствами массовой коммуникации.

В дальнейшем, уже в сталинский период, этот новый язык власти, транслируемый через газеты, становится точкой сборки для формирования новой советской идентичности в условиях индустриализации, коллективизации и репрессии. Для того чтобы стать «новым человеком», многие советские граждане без принуждения со стороны государства начинают самостоятельно прорабатывать себя, формируя новую советскую идентичность [8; 10].

Проводить прямые параллели между советским периодом и современной Россией было бы

некорректно, но можно признать, что на данном этапе в силу отсутствия конкурентной политики и юридически установленного государственного контроля за СМИ дискурс, формируемый властью, оказывается, как и во времена СССР, монопольным в политическом поле.

Традиционные модели изучения дискурса и языка власти опираются на концепции, сформированные под влиянием Мишеля Фуко [6], который обращается к архаическому уровню и через него выходит к пониманию актуальных проблем. Для Фуко именно дискурсы выступают теми силами, которые обеспечивают эффекты властвования. Эти эффекты сопряжены с таким когнитивным властным ресурсом, как знание. Власть и знания в трактовке Фуко выступают производными от дискурсных стратегий и тактик. По сути, политическая власть, по Фуко, возникает там и тогда, когда происходит столкновение различных дискурсных стратегий. Сами дискурсы или дискурсные стратегии рассматриваются в качестве подвижного поля отношений силы [5].

По мнению Т. Андрюхиной, в современных исследованиях политический дискурс определяется широким отражением коммуникативного и социального контекста его производства и восприятия как политической картины мира. Для ментального пространства политического дискурса характерен определенный набор ментальных структур — единиц хранения знаний о политической реальности. К последним можно отнести концепты «Власть», «Народ», «Семья», «Политик» и др. [1].

Технологическое развитие общества, медиатизация социума инициируют процесс формирования нового типа личности — медиатизированной личности, медиаличности. Причем этот процесс затрагивает не только рядовых граждан, он естественно отражается и на том, как политические лидеры в новых условиях должны формировать властный дискурс. Как отмечает А. И. Соловьев, «распределение ресурсов власти и государственных полномочий все больше подчиняется законам движения массовой информации, а характер правления все сильнее зависит от позиций медиасобственников... Доминирование медиалогии, подчиняющей себе поведение большинства политических игроков, делает по сути неразличимыми политические и культурные формы регулирования общественных связей» [6]. Следовательно, можно поставить вопрос об актуальности традиционных подходов к дискурсу и системе «знание-власть».

В рамках данного исследования решается вопрос о том, как политический лидер конструирует язык власти в современных условиях медиатизированного общества. В качестве примера рассматривается лексема «Россия» и образ России, возникающий в выступлениях В. В. Путина. Президент РФ В. В. Путин был выбран как политический актер. Этот выбор продиктован следующими мотивами: во-первых, Владимир Путин является главным ньюсмейкером страны, фактически каждый день он представлен в медийном поле и, по сути, является главной медиаперсоной нашей страны, даже непродолжительное его отсутствие в повестке СМИ может стать самостоятельной новостью; во-вторых, фигура Путина для многих является моделью для подражания, следовательно, и речевое поведение президента должно оказывать влияние как на СМИ, так и на население.

В качестве объекта исследования выбраны официальные выступления президента РФ Владимира Путина с 1 января 2016 г. по 24 августа 2017 г., представленные на официальном сайте <http://kremlin.ru> [4]. Выступления составили корпус текстов, созданный через онлайн-сервис Sketch Engine [13]. Корпус включает 153 записи, 5213 предложений, 80865 слов.

Вывим наиболее частотные слова по данным корпуса. Статистический анализ частотности показывает преобладающий характер служебных слов (союзов и предлогов), что определяется их служебной функцией в речи: «и» — 3843

употребления; «в» — 2903 употребления, «на» — 1118 употреблений, «с» — 998 употреблений.

Среди самостоятельных частей речи наиболее частотными являются местоимения. Поскольку местоимения в силу своего категориального значения не называют субъект, объект, качество и пр., а только указывают на него, для анализа смысловых полей дискурса В. Путина целесообразным представляется рассмотреть частотность употребления слов, выполняющих номинативную функцию в полной мере, к таковым в представленном корпусе относятся следующие: «Россия» — 619 употреблений, «год» — 497, «страна» — 455, «работа» — 292, «российский» — 283, «новый» — 281, «человек» — 267, «хотеть» — 251, «развитие» — 247, «сегодня» — 216. В соответствии с частотностью употребления по частям речи лексические единицы распределяются следующим образом:

1) имена существительные: «Россия» — 619, «год» — 497, «страна» — 455, «работа» — 292, «человек» — 267, «развитие» — 247;

2) имена прилагательные: «российский» — 283, «новый» — 281, «уважаемый» — 195, «важный» — 194, «международный» — 186;

3) глаголы: «хотеть» — 251, «поздравлять» — 146, «знать» — 143, «создавать» — 141, «работать» — 133, «говорить» — 131.

Для более подробного анализа было выбрано слово «Россия». С одной стороны, оно является наиболее часто используемым в выступлениях Владимира Путина за 2016–2017 гг.; с другой стороны, слово «Россия» обладает большим символическим значением. Важно выяснить, какой образ России Президент РФ транслирует в своих выступлениях. В характеристике образа России различается несколько групп сочетаемости в зависимости от типа смысловых и грамматических отношений (рис. 1, с. 74).

1) 52 употребления в функции субъекта при предикате, выраженном глаголом. В таком случае В. Путин говорит от лица России, например: «вместе с заинтересованными странами Россия содействует запуску внутрисирийского диалога»; «Россия приветствует подписание»; «Россия поддержала в июне этого года резолюцию». Самыми частотными глаголами являются слова «выступать» (4 употребления); «гордиться» (4); «являться» (4); «обеспечить» (3).

2) Характеристика России с помощью прилагательного не является частотной (за исключением названия политической партии «Единая

Россия (noun)

Putin freq = 619 (6,331.50 per million)

subject_of			gen_modifies			pres_prep			и/или			pp_obj_v		
52 8.40			253 40.87			154 24.88			72 11.63			57 9.21		
выступать	4	11.14	гражданин	23	11.34	между	12	10.83	иран	6	11.17	визит	5	11.30
гордиться	4	11.12	граждане России			между Россией			сша	5	11.05	работать	4	10.81
являться	4	10.64	безопасность	14	10.59	и			япония	5	10.94	аккредитовать	2	10.11
обеспечить	3	10.58	безопасности России			против	6	10.16	асеан	4	10.75	площадка	2	10.11
видеть	2	10.21	интерес	13	10.44	в	85	10.13	германия	4	10.75	посвящать	2	10.11
рассматривать	2	10.19	интересов России			в России ,			азербайджан	4	10.57	спорт	2	10.09
принять	2	10.16	наследие	7	9.77	из	6	9.45	она	4	10.55	переводить	2	10.09
отмечать	2	10.16	банк	7	9.72	внутри	3	9.27	государство	4	10.44	пребывание	2	10.04
доказать	2	10.11	день	8	9.69	за	7	8.84	страна	4	10.41	человек	2	9.97
продолжить	2	10.09	партнер	6	9.55	к	6	8.74	узбекистан	3	10.35	быть	2	9.80
смочь	2	9.95	история	6	9.47	с	10	8.53	белоруссия	3	10.24	год	2	9.69
быть	3	9.08	судьба	5	9.27	с Россией ,			политик	2	9.79			
			правительство	5	9.27	перед	2	8.41	израиль	2	9.77	pp_v		
			народ	5	9.25	о	3	8.27	турция	2	9.77	14 2.26		
			флот	4	8.98	у	2	8.22	китай	2	9.77	регион	3	11.45
			отношение	4	8.97	для	4	7.89				целое	2	10.64
			слава	4	8.95	по	2	6.80				рамка	2	10.24
			регион	4	8.87				pp_obj_между					
			укрепление	4	8.68				12 1.94					
			служение	3	8.58				сотрудничество	5	12.86			
			лидерство	3	8.58				отношение	5	12.73			
			ответственность	3	8.57				gen_modifier					
			бизнес	3	8.57				10 1.62					
			партнерство	3	8.56				результат	2	11.67			
			сотрудничество	3	8.54				президент	2	10.79			
			герой	3	8.49									
			сила	3	8.46									
			мчс	2	8.00									

Рис. 1. Сочетаемость лексемы «Россия»

Россия» и общественной организации «Деловая Россия»).

3) Частотным является употребление слова «Россия» в форме родительного падежа с определительным значением, характеризующим объекты и субъекты, связанные с Россией, например: «граждане России» (23 употребления), «безопасность России» (14), «интересы России» (13) и пр.

4) Сочетаемость с предлогами демонстрирует разные отношения между субъектами, одним из которых является Россия, например: Россия как топоним (предлоги «в» — 85 употреблений; «из» — 6) и как объект международных отношений («с» — 10; «между» — 12) и так далее.

С помощью функции «Тезаурус» (Thesaurus) определяются слова, которые используются в схожих смыслах со словом Россия в корпусе текстов (рис. 2): «страна» — 455 употреблений, «государство» — 156, «народ» — 130, «общество» — 96, «мир» — 164.

На основе статистических данных, полученных с помощью корпуса текстов, выявлена специфика использования лексемы «Россия» в официальных выступлениях Владимира Путина. Во-первых, «Россия» представляется как государство, персона-

лизацией которого является президент, то есть Россия = государство = президент. В. Путин говорит от имени России, не разделяя страну и главу государства. Во-вторых, Россия обладает рядом позитивных характеристик, выраженных прилагательными («сильная», «свободная», «современная»). В-третьих, Россия выступает как поле, включающее конкретные объекты и субъекты («банк», «регион», «граждане», «партнеры»), а также абстрактные характеристики («безопасность», «интересы», «наследие»). В-четвертых, Россия действует как субъект международной политики. Синонимичное поле показывает, что наиболее частотным синонимом к слову «Россия» в речах Владимира Путина является слово «страна». К центральной части поля также относятся слова «государство», «народ», «общество»; на периферии находятся слова «родина»; «отечество», «федерация».

Семантически с лексемой «Россия» тесно связано прилагательное «русский». Рассмотрим количественные данные, характеризующие прилагательное в указанном выше корпусе. Прилагательное «русский» употребляется 283 раза (рис. 3). Наиболее частотным является

Россия (noun) Putin freq = 619 (6,331.50 per million)

Lemma	Score	Freq
страна	0.260	455
государство	0.133	156
народ	0.103	130
общество	0.094	96
мир	0.091	164
родина	0.086	65
экономика	0.085	137
сотрудничество	0.079	149
человек	0.076	267
она	0.070	92
отечество	0.069	52
гражданин	0.068	126
республика	0.068	49
федерация	0.067	56
поколение	0.065	70
создание	0.064	63
регион	0.061	102
взаимодействие	0.060	71
бизнес	0.060	92
победа	0.059	80
формирование	0.055	48
развитие	0.055	247
укрепление	0.054	68
отрасль	0.054	65
год	0.054	497
решение	0.051	116

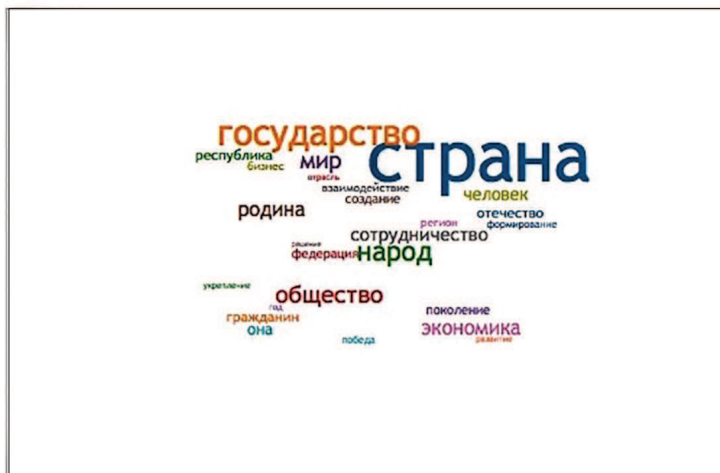

Рис. 2. Смысловое поле слова «Россия»

российский (adjective) Putin freq = 283 (2,894.69 per million)

modifies	230	81.27	и/или	56	19.79	adv_modifier	4	1.41
федерация	47	12.42	иностраннный	3	10.56	совместно	1	11.99
Российской Федерации			уникальный	3	10.28	сегодня	3	10.62
экономика	10	10.21	создаваемый	2	10.14			
культура	9	10.18	немецкий	2	10.14			
государственность	8	10.08	добровольческий	2	10.09			
народ	6	9.56	переговорный	2	10.07			
общество	6	9.45	русский	3	10.02			
академия	5	9.44	зарубежный	2	10.02			
рынок	6	9.42	национальный	2	9.71			
регион	5	9.28	крупный	2	9.49			
спасатель	4	9.12	хороший	2	9.49			
сторона	4	9.12	нелегальный	1	9.16			
офицер	4	9.09	репертуарный	1	9.16			
империя	3	8.72	словенский	1	9.16			
военнослужащий	3	8.72	сельский	1	9.16			
спортсмен	3	8.71	макрэкономической	1	9.16			
кино	3	8.71	среднемагистральный	1	9.14			
вуз	3	8.70	воздушно-космических	1	9.14			
школа	3	8.66	антидопинговые	1	9.14			
солдат	3	8.66	железный	1	9.14			
история	3	8.62	индийский	1	9.14			
бизнес	3	8.56	оборонный	1	9.12			
воинство	2	8.13	вооруженный	1	9.12			
сырье	2	8.13	спутниковый	1	9.12			
нация	2	8.13	дальний	1	9.12			
посол	2	8.13						

Рис. 3. Сочетаемость лексики «российский»

устойчивое словосочетание «Российская Федерация» (47 употреблений). Можно было бы предположить, что в речах это словосочетание является синонимом слова «Россия», но В. Путин, в основном, обращается к такой конструкции для того, чтобы подчеркнуть официальный статус вещей, о которых он говорит: «поздравляю с заслуженными званиями Герой Труда Российской Федерации»; «в Год экологии звание Героя Труда Российской Федерации получает настоящая хозяйка леса»; «Он обсуждался и прорабатывался с экспертами, с руководством Верховного Суда Российской Федерации». Так, из 47 употреблений словосочетания «Российская Федерация» 23 употребления — часть наименований различных наград и премий.

На втором месте оказывается сочетание со словом «экономика» (10 употреблений). Состояние экономики в условиях санкций является одной из главных политических тем последних лет, поэтому президент говорит о российской экономике не часто, но всегда в позитивном ключе: «в том числе привлек в российскую экономику свыше 760 миллиардов рублей»; «сможем обеспечить устойчивый долгосрочный рост — новое качество российской экономики»; «вашу работу — чтобы она была эффективной, прибыльной и чтобы это способствовало развитию российской экономики».

С помощью функции «Тезаурус» (Thesaurus) определяются слова, которые используются в схожих смыслах со словом «русский» в корпусе текстов (рис. 4): «новый» — 281 употребление, «международный» — 186, «мировой» — 104.

Наиболее полное совпадение демонстрируют слова «географический», «отечественный» и «мировой».

Такие высокие показатели связи слов «русский» и «географический» обусловлены тем фактом, что В. Путин уделял большое внимание Русскому географическому обществу и географическому диктанту, проводимому этим обществом: «А последние годы деятельность Русского географического общества вышла, без преувеличения, на общенациональный, общегосударственный уровень»; «Уверен, что премия Русского географического общества станет для наших лауреатов еще одним стимулом»; «Вместе с тем всероссийский географический диктант, проводимый РГО, показывает приемлемые знания».

Пересечение смысловых полей лексем «русский» и «отечественный» оказывается более репрезентативным, то есть в выступлениях Президента РФ утверждается тождество между Россией и Отечеством. Подобная взаимосвязь отражается и на рис. 2 (существительные «Россия» и «Отечество»), однако она оказывается менее выраженной, чем соответствующая связь между прилагательными. На уровне имен прилагательных происходит расширение смыслового поля, поскольку в него оказываются включены слова, которые не включаются в поле «России», — это «советский» и «русский». Можно предположить, что В. Путин рассматривает Россию и «русскость» как идею, которая объединяет, консолидирует в себе как советский опыт, так и элементы национальной идентичности. При этом прилагательные «советский» и «рус-

русский (adjective) Putin freq = 283 (2,894.69 per million)

Lemma	Score	Freq
географический	0.156	31
отечественный	0.142	77
мировой	0.128	104
русский	0.108	64
советский	0.080	31
сирийский	0.074	31
новый	0.074	281
внешний	0.072	38
финансовый	0.070	22
энергетический	0.067	27
общий	0.067	70
культурный	0.066	37
великий	0.063	86
международный	0.061	186
национальный	0.054	91

Рис. 4. Смысловое поле слова «русский»

ский» используются по-разному. «Советский» представляется как часть «Советского Союза», данное словосочетание используется применительно к Великой Отечественной войне: «75 лет назад на подступах к Москве советский солдат бросался под танки»; «Наши народы — народ Германии, народ Советского Союза — понесли самые колоссальные потери»; «решающем вкладе Советского Союза в освобождение Европы от нацизма». Такая особенность показательна, поскольку в современной политической культуре Великая Отечественная война занимает центральное место в исторической перспективе. Поскольку победа в войне не может быть подвергнута ревизии, это событие объединяет всех жителей страны и позволяет России играть на международной арене роль страны, спасшей мир от фашизма. С другой стороны, обращение к советскому опыту и советской истории оказывается ограничено рамками Великой Отечественной войны.

В свою очередь, прилагательное «русский» имеет разные варианты употребления: «распространению российской культуры и русского языка»; «погибли около 10 тысяч русских солдат»; «Например, 200-летие открытия русскими мореплавателями Антарктиды». Наиболее частотной является сочетаемость прилагательного «русский» с понятиями, обозначающими культуру, что позволяет обозначить не только тенденцию

употребления данного слова, но и специфику его представления в национальном сознании: культурная традиция в большей степени ассоциируется с национальным элементом, чем с государством. В то же время полученные результаты на данном этапе не позволяют однозначно определить, как в публичном дискурсе выступлений Президента разводятся понятия «русский» и «русский», является ли они тождественными. Подобный вопрос может стать темой дополнительного исследования.

Таким образом, отдельный кейс российского политического дискурса демонстрирует возможности количественного подхода к изучению дискурса, к способам формирования эмпирической базы, к теоретическому осмыслению языка власти. Такая исследовательская стратегия позволяет верифицировать выдвинутые гипотезы и выявить ранее неизвестные взаимосвязи. Так, идея персонификации власти в современной России наглядно проявляется в официальных выступлениях В. Путина. В его речах можно проследить мысль о том, что в настоящий момент существует угроза безопасности и интересам России, следовательно, необходимо противостоять этому вызову, в том числе через реализацию идеи единства власти и страны. При этом, несмотря на сложности текущего положения, Россия связывается с позитивными характеристиками, которые создают оптимистичный образ будущего.

Список литературы

1. Андрюхина, Т. В. Язык власти и власть языка: политической дискурс / Т. В. Андрюхина // Право и управление. XXI век. — 2013. — № 3. — С. 62–69.
2. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. — М., 1990. — 224 с.
3. Ленин, В. И. Три источника и три составных части марксизма / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. — Т. 23.
4. Официальные сетевые ресурсы Президента России. — URL: <http://kremlin.ru>.
5. Русаков, О. Ф. Кратологическая модель дискурса соблазна / О. Ф. Русаков // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 3. Обществ. науки. — 2011. — № 4 (97). — С. 135–145.
6. Соловьев, А. И. Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи / А. И. Соловьев // Полис. Полит. исследования. — 2004. — № 2. — С. 124–132.
7. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. — СПб., 2004. — 416 с.
8. Хелльбек, Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи / Й. Хелльбек. — М., 2017. — 424 с.
9. Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / А. Юрчак. — М., 2014. — 604 с.
10. Kotkin, S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization / S. Kotkin. — University of California Press, 1997. — 639 p.
11. Patrick, S. Analyse du discours politique soviétique / S. Patrick. — Paris, 1989. — 362 p.
12. Strömbäck, J. Mediatization of Politics: Towards a Conceptual Framework for Comparative Research / J. Strömbäck // The Sourcebook for Political Communication Research: Methods, Measures, and Analytical Techniques / ed. by E. P. Bucy, R. L. Holbert. — New York, 2011. — P. 3–28.

13. Sketch Engine. — URL: www.sketchengine.co.uk.
14. Thompson, J. B. Ideology and modern culture: critical social theory in the era of mass communication / J. B. Thompson. — Stanford, 1990. — 372 p.

Сведения об авторе

Шарафутдинова Олеся Ильясовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. gadkie_lebedi@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2017. No. 11 (407). *Philology Sciences. Iss. 109. Pp. 72–79.*

THE IMAGE OF RUSSIA IN V. PUTIN'S SPEECHES (according to data of qualitative analysis)

O. I. Sharafutdinova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. gadkie_lebedi@mail.ru

The technological developments of society and the formation of a new type of identity — the mediatized identity — pose a question about the applicability of traditional approaches to discourse. The object of study is official speeches by Russian president Vladimir Putin which formed a text corpus created through the online service Sketch Engine. The tools offered by this online service serve as the technical base for answer the following question: how a political leader constructs the language of power, as exemplified by the lexeme “Russia”.

Based on the statistical data obtained with the help of the corpus of texts, the specific character of using lexeme Russia in official speeches of Vladimir Putin was revealed: 1) Russia = state = president (Putin speaks on behalf of Russia, not separating himself and the country); 2) Russia has a number of positive characteristics, expressed by adjectives (strong, free, modern); 3) Russia acts as a field that includes both specific objects and subjects (bank, region, citizens, partners) and abstract characteristics (security, interests, heritage); 4) Russia as a subject of international politics.

The synonymous field shows that the most frequent synonym for the word Russia in the speeches of Vladimir Putin is the word country. The central part also includes: the state, people, society. The words motherland; fatherland, federation are on the periphery.

A separate case of the discourse of power in Russia proposes to take a look at the methods of studying discourse and at the theoretical interpretation of the language of power phenomenon.

Keywords: *V. Putin, image of Russia, body of texts, Sketch Engine, Russia, Russian.*

References

1. Andrjulina T.V. Jazyk vlasti i vlast' jazyka: politicheskij diskurs [Language of power and the power of language: political discourse]. *Pravo i upravlenie. XXI vek* [Law and management. XXI century], 2013, no. 3, pp. 62–69. (In Russ.).
2. Berdjaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow, 1990. 224 p. (In Russ.).
3. Lenin V.I. Tri istochnika i tri sostavnyh chasti marksizma [Three sources and three components of Marxism]. *Collected Works*, vol. 23. (In Russ.).
4. *Oficial'nye setevye resursy Prezidenta Rossii* [Official Network Resources of the President of Russia]. (In Russ.).
5. Rusakov O.F. Kratologicheskaja model' diskursa soblazna [Cratological model of the discourse of temptation]. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3. Obshhestvennye nauki* [Izvestiya Ural State University. Ser. 3. Social Sciences], 2011, no. 4 (97), pp. 135–145. (In Russ.).
6. Solov'ev A.I. Politicheskij diskurs mediakratij: problemy informacionnoj jepohi [Political discourse of mediarcies: the problems of the information age]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Policy. Political Studies], 2004, no. 2, pp. 124–132. (In Russ.).

7. Fuko M. *Arheologija znanija* [Archeology of knowledge]. St. Petersburg, 2004. 416 p. (In Russ.).
8. Hell'bek J. *Revoljucija ot pervogo lica: dnevniki stalinskoj jepohi* [Revolution from the first person: diaries of the Stalin era]. Moscow, 2017. 424 p. (In Russ.).
9. Jurchak A. *Jeto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever, until it was over. The last Soviet generation]. Moscow, 2014. 604 p. (In Russ.).
10. Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. University of California Press, 1997. 639 p.
11. Patrick S. *Analyse du discours politique soviétique*. Paris, 1989. 362 p.
12. Strömbäck J. Mediatization of Politics: Towards a Conceptual Framework for Comparative Research. Bucy E.P., Holbert R.L. *The Sourcebook for Political Communication Research: Methods, Measures, and Analytical Techniques*. New York, 2011. Pp. 3–28.
13. *Sketch Engine*. Available at: www.sketchengine.co.uk.
14. Thompson J.B. *Ideology and modern culture: critical social theory in the era of mass communication*. Stanford, 1990. 372 p.